

703

Джон Уоркман

Т. Доминик

ДЖОН УОРКМАН

„ЗОЛОТАЯ КНИГА“

ПОД РЕД. Б. ПРАВДИНА, ЛЕКТОРА ЮРЬЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГАНС ДОМИНИК

ДЖОН УОРКМАН

(ИЗ ГАЗЕТЧИКОВ В МИЛЛИОНЕРЫ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „АРГОНАВТЫ“

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА :
EDITIONS „ARGONAUTES“, CASE POSTALE 6,
VALKA, LETTONIE

П Е Р Е В О Д Ю. И В А С К

О/Û. „ILUTRÕKK“, TARTU, 1933.

От издательства.

Трудно указать другую книгу, которая в такой же степени отвечала бы запросам современного юношества, как „Джон Уоркман“ Г. Доминика. — „Папа, я хочу стать инженером!“ — эту фразу можно теперь услышать чуть ли не от каждого мальчика. И вот лучший подарок такому юному „инженеру“ — „Джон Уоркман“, роман о нью-йоркском мальчугане-газетчике, который после многих приключений становится одним из королей промышленности.

Джон — подлинный „янки“ Несмотря на то, что в начале романа ему всего лишь 12 лет, он уже настоящий делец. Но при всей своей чисто американской деловитости, он — прекрасный сын и товарищ. Трудно честному человеку стать миллионером! Джон — честен, но тем не менее, благодаря своим способностям и энергии, добывается своего! Ему хорошо известно, что неуч не может стать миллионером, и вот он разъезжает по просторам великой заатлантической республики и стремится всюду добыть как можно больше практических знаний. Он работает на ферме Далекго Запада и на знаменитых чикагских бойнях, затем снова попадает в Нью-Йорк, где становится корреспондентом самой распространенной американской газеты (уже раньше он успевает изучить все детали печатного дела).

В качестве корреспондента Джон знакомится с работами по прорытию подводного туннеля и участвует в экспедиции морской пожарной команды. Затем судьба забрасывает его в Детройт, и он изучает предприятия Форда. О разных видах производства автор говорит подробно, но вместе с тем популярно и занимательно. Наконец, Джон Уоркман попадает в Чили, где, с опасностью для жизни, открывает большие залежи золота. Затем он вступает в сотрудничество с самим Морганом и становится миллионером. Но идеал Джона Уоркмана не миллионер-хищник, а миллионер-гений и индустрии и друг рабочих, и он осуществляет свой юношеский идеал!

Автор книги — по профессии инженер. Окрыленный современными техническими достижениями, он создает свои наиболее интересные произведения, среди которых особенно выделяется роман для юношества „Джон Уоркман“. За приключениями его героя с восторженным вниманием следят миллионы будущих инженеров.

Мы убеждены в своевременности перевода „Джона Уоркмана“: пусть и русские мальчики прочтут эту книгу, в которой приятное так умело соединено с полезным!

В царстве газетного гиганта.

Глава I.

В этот день жители Нью-Йорка спешили более обыкновенного: их подгонял резкий ледяной ветер, со свистом пронесившийся по улицам.

Обычно, и днем и ночью, перед зеркальными окнами машинного отделения крупнейшей американской газеты „Нью-Йорк Геральд“ толпились сотни зевак, любясь работой колоссальных печатных прессов. Но сегодня и здесь было пусто. Только несколько мальчуганов-газетчиков стояли под колоннадой, примыкавшей к типографии: они ждали выхода последнего вечернего номера.

Чтобы как-нибудь убить время, мальчуганы играли на мелкие деньги в „орла и индейца“: один из них бросал в воздух центовую монету, на одной стороне которой была изображена голова индейца, а на другой — орёл. Выигрывали правильно угадавшие, какой стороной кверху ляжет монетка.

Казалось, мальчики эти, в своей лёгкой поношенной одежке, ничуть не страдали от холода. Глаза их блестели, лица разрумянил мороз, и создавалось впечатление, что, с утра до вечера находясь на улице, они защищены от произвола коварной погоды.

В стороне от игравших стоял худощавый белокурый мальчуган лет двенадцати. Он припик лицом к зеркальному стеклу и широко раскрытыми глазами смотрел на большую печатную машину, которая безостановочно, словно какое-то сказочное чудовище, изрыгала из своих недр цветные листы газеты.

Мальчика очень интересовал огромный пресс, печатавший в две краски. Он напрягал все силы своего детского ума, чтобы как-нибудь проникнуть в тайну этого чуда современной техники.

Его заветнейшим желанием было работать у этой машины, а в самых смелых своих мечтах он видел себя даже владельцем таких машин! Когда он, маленький газетчик, продавал газеты на Бродвэе, ему казалось, что он состоит на службе у какого-то страшного механического чудовища, непонятного для самих людей.

Чувство гордости и самосознания, наполнявшее его при этих мыслях, было порукой в том, что маленький газетчик пойдёт далеко.

Часы на здании газеты отчетливо пробили семь раз. Мальчик оторвался от машин и прислушался.

О, он знал эти часы!

Они были таким же чудом, как и всё остальное в этом газетном мире. Каждый час две из бронзы отлитых фигуры рабочих (они были вдвое больше обыкновенных людей) показывались над главными воротами здания и большими, бронзовыми же молотами били по металлической наковальне ровно столько раз, сколько требовалось в данной момент времени. Металлические удары явственно разносились среди уличного шума, заставляя прохожих поворачивать голову в сторону гигантского здания газеты.

Едва прозвучал последний удар часов, как наш маленький газетчик крикнул своим азартным товарищам:

„Эй, идёмте! Пора!“

Он зашагал, а следом за ним и его товарищи, к боковым воротам, из которых с невероятной быстротой мчалась бесконечная цепь автомобилей, развозивших по городу вечерний выпуск газеты.

Пробираясь около них, наши газетчики вышли на небольшой двор и направились к окну с прилавком, за которым был виден человек с седой бородой.

Каждый из мальчиков подходил к этому маленькому окну, называл цифру, означавшую количество

нужных ему экземпляров газеты, бросал на прилавок деньги и торопливо забирал свою долю.

Заполучив газеты, мальчуганы мчались почти так же безудержно, как и автомобили. Ровно в десять минут восьмого звонкие голоса газетчиков уже оглашали весь Бродвэй, пугая прохожих выкриками, оповещавшими о последнем преступлении или о каком-нибудь другом сенсационном событии.

Часам к восьми большинство мальчиков успевало продать все газеты. Тогда они возвращались домой, если у них была это возможность. В действительности только немногие из этих мальчуганов, в возрасте от десяти до двенадцати лет, имели свой собственный угол.

Остальные, словно воробы, забирались в какое-нибудь укромное местечко, едва защищавшее их от дождя и холода. Там спали они, подложив под голову пачку старых газет и накрывшись ветхим одеяльцем, подобранным с какого-нибудь эмигрантского парохода. Кто и того не имел, завёртывался в большие газетные листы.

Некоторые, менее бережливые, уплачивали десять центов за грязное, жёсткое логово в ночлежке.

Суровая, горькая жизнь у этих мальчуганов, но, тем не менее, с гордостью взирает американец на этих закаленных в борьбе за существование и проворных юнцов, и называет их: молодой гвардией царства денег.

Из рядов этих юных газетчиков, проходящих тяжёлую школу жизни, выходят первые воротилы Америки, — цари золота.

Суровая действительность закаляет этих мальчуганов, как война — солдат.

В восточной части Нью-Йорка, на 32-ой улице, в заднем доме, находилась маленькая квартира, состоявшая всего из одной комнаты и кухни. Сюда направлялся наш белокурый мальчуган-газетчик.

Он бежал домой рысцой. Словно ящерица, скользил он среди уличного движения, под ржание

лошадей и гудки автомобилей, и, казалось, только чудом выходил целым и невредимым из этого столпотворения.

Но он уже привык к яростным темпам жизни на Бродвэе!

Кучера и вагонновожатые могли ругаться сколько им влезет, — он с ловкостью умелого гимнаста пробирался между вагонами и экипажами.

Приблизившись к кубоному дому, в котором жила его мать, он положил два пальца в рот и громко свистнул. Это был настоящий разбойничий посвист.

Поджидавшая его мать хорошо знала этот сигнал.

Насвистывая, полный мальчишеского задора, помчался он по двору и, прыгая через две ступеньки, — по лестнице наверх.

На четвёртом этаже он позвонил. Ему пришлось ждать лишь несколько секунд. Дверь отворилась, и высокая белокурая женщина с тёмными глазами — уже обнимала его.

„Наконец-то, это ты, Джон,“ сказала она с материнской нежностью и провела рукой по его промёрзшему лицу. „Я очень беспокоилась о тебе, — сегодня, ведь, ужас какой холод на дворе!“

„Это верно, мама, отвечал Джон Уоркман.

На то и зима, чтобы холодно было! А я давно уже предвкушал, как попаду к тебе, домой. Как здесь тепло!“

„Ты — бравый мальчуган! Ну, иди, я приготовила сегодня яичницу и шпек — твои любимые кушанья. Надеюсь, у тебя хороший аппетит. Все уже готово, на столе.“

„Да, мамочка, у меня волчий аппетит. В такую стужу всегда ешь за двоих! А вот “

Он порывлся в карманах и бросил на стол целую пригоршню мелких монет. — „Сегодня я хорошо торговал, — лучше, чем когда-либо! В такой холод люди охотно дают на чай. Многие не требовали сдачи с пятицентовой монеты. Знаешь что? — я сегодня так много заработал, что смогу купить тебе великолепную, совсем новую жакетку.“

„Нет, нет,“ ответила мать, „ты бы сперва себе купил зимнее пальто, — тебе нужнее! А я в эту зиму доношу старую жакетку, которую мне купил еще твой отец.“

Джон Уоркман пошел умываться: он никогда не садился за стол с грязными руками.

Хорошенько почистившись, он направился в кухню, где стоял опрятно накрытый стол, и сказал недовольным голосом:

„Ты всегда портишь мне всё удовольствие! Сама хочешь сделать мне приятное, и ничего не позволяешь сделать для тебя! Я уже две недели мечтаю купить тебе тёплый жакет, какой носят теперь все дамы, а ты не позволяешь. Для чего же я тогда работаю?“

„Ну, Джон!“ успокаивала его мать. „Ты работаешь для того, чтобы мы могли иметь вот эту квартиру, чтобы у твоей мамочки была теплая комната, чтобы она могла пить, есть. Разве этого мало?“

Физиономия мальчугана так и засияла при этих словах матери. Он уселся и принялся есть.

Мать любовно оглядывала его. Её радовал прекрасный аппетит сына.

Когда он утолил свой голод, и, как обычно, встал, чтобы поблагодарить мать, она сказала ему:

„Подожди-ка, Джон, у меня есть что-то вкусное для тебя!“

Она вынула из корзины полдюжины румяных яблочек.

Едва только мальчуган увидел яблоки, он сразу же нахмурился и сказал:

„Жакетку не хочешь себе купить, а вот ставишь мне на стол такую роскошь!“

„Но, Джон, ведь я хотела тебя как-нибудь порадовать!“

„Ах, я знаю! А мне вот не позволяешь порадовать тебя!“

Тут он заметил, что темные глаза его матери, которые всегда были так печальны, наполнились слезами.

Через секунду выражение недовольства исчезло

с лица мальчика. Он бросился к своей матери, обнял ее, поцеловал и воскликнул:

„Не печалься, мамочка! Я — злой мальчишка, я знаю это. Право, мне совсем не нужно новое пальто.“

„Но ты ведь замёрзнешь!“

„Что ты!“ засмеялся Джон Уоркман, „мы, газетчики, не мерзнем! У нас нет ни секунды времени, чтобы постоять тихо. Наша работа идет галопом. То вскочишь на трамвай, то соскочишь, и опять уже лезешь на другой, — потом снова юркнёшь в толпу. Дело идет быстро, и так — пока не продашь последнюю газету! Уверяю тебя: может быть вдвое холоднее, чем сегодня, и всётаки нам будет тепло, словно летом!“

„Ну, что же ты не кушаешь яблок, Джон?“

Он отрицательно покачал головой и нахмурился. Но сразу же его лицо приняло снова веселое выражение. Он взял яблоко и сказал:

„А впрочем, яблоки пригодятся! Пожалуйста, уложи их в корзинку и дай мне бутылку со спиртом! Я должен еще уйти.“

„Куда ты?“ обеспокоенно спросила его мать.

Джон Уоркман, уже схватившись за шапку, ответил:

„Маленький Чарли Бекерс не пришел сегодня на Бродвэй. Я слышал от одного его приятеля, что он серьезно заболел. Уже вчера он жаловался на головную боль и сильно кашлял. Я хочу узнать, как он поживает. Заверни-ка мне еще чаю и сахару! Ты ведь знаешь, — у Чарли нет родителей, — и вообще никого, кто бы о нем позаботился.“

„Ужасно“, прошептала его мать. „Ах, сколько таких бедняков среди твоих товарищей!“

„Заверни только все шесть яблок“, сказал Джон Уоркман, который заметил, что мать отложила три штуки в сторону. „Я знаю, маленький Чарли очень любит яблоки.“

Укладывая отложенные было яблоки в корзину, мать покраснела. Затем она поцеловала своего мальчика в лоб и сказала:

„Долго у него не засиживайся! Ты ведь знаешь, как я о тебе беспокоюсь“

„Напрасно, мама!“ крикнул Джон Уоркман. — „О нас нечего беспокоиться, — мы держимся, как пробки на воде.“

Он взял корзинку, поцеловал мать и убежал.

„Ух!“ крикнул он, выходя на улицу. „Только теперь чувствуешь стужу! — Алло! Нужно хорошенько пробежаться!“

Весело посвистывая, он помчался вприпрыжку по темнеющим улицам Нью-Йорка — в направлении к гавани.

Он шел по самому грязному и бедному району города. Кругом были конюшни, гаражи, сараи; только кое-где встречались высокие дома. Все это было очень тускло освещено.

Он остановился перед одной из конюшен, — оттуда доносилось ржанье лошадей.

Затем через темную подворотню он осторожно пробрался во двор и полез по узкой деревянной лестнице, прилепившейся к внешней стороне дома.

Наверху он толкнул убогую дверь и, согнувшись, вошел в низкую каморку. В полной темноте Джон крикнул:

„Алло, Чарли! Здесь ли ты?“

Из темноты ему ответил хриплый голос его товарища:

„Да, Джон, я лежу здесь.“

„Почему у тебя нет света?“

„Сейчас же у дверей имеется фонарь. Но я был слишком слаб, чтобы зажечь его“

Джон вытащил из кармана спички и зажгёт фонарь, покрытый масляной бумагой.

Теперь он мог присмотреться к окружающему.

В заднем углу, под самой крышей, на куче из бумаги, соломы и тряпок, лежал шестилетний Чарли Бекерс. Его покрывала старая лошадиная попона и негодные для употребления кормовые мешки.

Блестящими от лихорадки глазами Чарли смотрел на своего товарища, который опустился на ко-

лени перед его жалким ложем и положил руку на его пылавший лоб.

„Ну, как ты себя чувствуешь?“ спросил Джон.

„Не знаю“, слабым голосом ответил Чарли. „У меня ужасная жажда. Это очень хорошо, что ты пришел. Я уж тут думал, — скоро помру.“

„Не говори глупостей, Чарли! Мы, газетчики, живучи, словно кошки, как говорит машинный мастер нашей газеты. Ты опять встанешь! — Ну, а что у тебя болит?“

„Вот здесь“, — и маленький Чарли показал на свою грудь.

„А я тебе яблоки принес. Хочешь?“

Слабая улыбка блеснула на худом лице Чарли Бекерса.

„У меня нет никакого аппетита. Но, пожалуйста, дай мне попить.“

Тогда Джон поставил воду на спиртовку, чтобы приготовить чай для больного товарища.

„Знаешь что, Джон?“ начал мальчуган через несколько минут молчания, „мне ужасно хочется еще пожить! Я, ведь, решил умереть миллионером, — таким вот, как Гарриман, которому принадлежат все железные дороги.“

„Да, да“, отозвался Джон Уоркман, „миллионером быть — хорошая штука! Тогда, если заболешь, лежишь под шелковыми одеялами, кругом — врачи. Можешь разъезжать повсюду и жить на Пятом Авеню! А впрочем, если миллионер очень болен, на что ему тогда миллионы? Например, Рокфеллер может есть один только молочный суп, а Гарриман — вообще ничего! — Тут уж деньги не помогут!“

„Ты прав, но они должны были лечиться в свое время! Знаешь, железнодорожный король Гарриман был когда-то простым газетчиком! — Вон у меня на стене его портрет. Если помру, ты возьми его себе! Он почти новый. Я купил его за пять центов.“

„Что ты всё про смерть говоришь, Чарли? Ты, ведь, не старик, как Гарриман!“

„И ребята помирают“, отозвался Чарли Бекерс. „Но я, право, не знаю, с тех пор как лежу здесь,

есть ли у меня страх перед смертью! — Послушай, когда я дышу, внутри свистит, словно ветер: там, наверное, что-то не в порядке! — И какие у меня страшные боли! Совсем не могу двигаться!!“

Джон Уоркман внимательно осмотрел мальчугана и, прислушавшись, уловил свистящие звуки в его груди.

„Ты серьезно болен, Чарли! Хочешь, я отвезу тебя в больницу?“

Чарли испуганно посмотрел на него. „Нет, нет, Джон! Не делай этого. Оставь меня дома. Здесь лучше, чем в больнице. Туда ведь я не смогу взять с собой все свои вещи.“

„Это, действительно, нельзя! Но нет ли у тебя родственников в городе?“

Малыш отрицательно покачал головой.

„Никого нет, Джон! Моя мать умерла год тому назад, и теперь нет ни души. Меня хотели отправить в приют для сирот. Но я не захотел, и вот нашел эту каморку.“

„Есть ли у тебя отец?“

„Нет, Джон, моя мать никогда не говорила мне об отце.“

Совсем сбитый с толку, Джон Уоркман уставился на мигающее пламя фонаря, и не знал, что сказать.

Он пытался как-нибудь объяснить себе отсутствие отца у Чарли. Его мать часами рассказывала ему об отце. — Через несколько секунд он спросил:

„Нет ли у тебя портрета отца?“

„Нет.“

„Не умер ли он?“

„Не знаю.“

„Ты никогда о нем не слыхал?“

„Никогда, Джон!“

Тогда он схватил руки своего смертельно больного маленького товарища и сказал:

„Но ведь это очень грустно, Чарли!“

Между тем чай уже был готов, и Джон поднес его своему товарищу в жестяной банке: другой посуды у Чарли не было. Затем он приподнял его. Больной начал жадно пить горячий чай.

„Это было здорово хорошо!“ сказал мальчуган и с удовлетворенным видом откинулся на свою жалкую постель. „Теперь надо соснуть.“

„Что, лучше тебе?“ спросил Джон.
Но напрасно ждал он ответа. Мальчуган закрыл глаза и сразу же задремал.

В продолжение нескольких долгих секунд прислушивался Джон к неровному дыханию своего товарища. Затем он потушил коптящий фонарь, тихонько открыл дощатую дверь и помчался домой. Его мать, услышав резкий звонок, с испугом бросилась открывать дверь.

Не говоря ни слова, Джон Уоркман ринулся к своему комоду и вынул из верхнего ящика полотняный мешок, в котором хранились все его сбережения.

Мать успела только крикнуть :

„Что это значит, Джон? Куда же ты опять?“

Но он уже исчез.

Много улиц пробежал он, прежде чем найти то, что искал, — медную дощечку с надписью :

<p style="text-align: center;">Dr. Гарпер Внутренние болезни</p>

„Что тебе нужно?“ спросил его слуга-негритёнок, с неодобрением посматривая на убого одетого Джона Уоркмана.

„Я хочу говорить с доктором!“

„Сейчас нет приёма“, ответил негр.

„Ах, что там!“ крикнул Джон, „об этом я тебя не спрашиваю! Скажи своему господину, что я хочу с ним говорить.“

Негр, который был на голову выше Джона, чрезвычайно изумился его смелому тону и хотел уже, не говоря ни слова, захлопнуть перед ним дверь. Но Джон Уоркман, заметив это, поставил ногу за порог так, чтобы негр не мог этого сделать. Когда же тот захотел пустить в ход силу, тёмные глаза Джона за сверкали, он сжал свой маленький кулак и, прежде чем негр смог приготовиться к защите, мальчуган ловко ударил его в живот. Это был мастерской выпад бокса!

Тут открылась дверь из внутренних покоев, и появился сам доктор Гарпер, привлеченный шумом в передней.

„Что здесь происходит?“ спросил он недовольным тоном.

Джон Уоркман смело выступил вперед.

„Я только что хорошенько проучил вашего негрятёнка. Мне кажется, он недостойн быть у вас на службе, доктор!“

Доктор Гарпер не знал, что ответить. Наконец, он спросил:

„Чего ты собственно от меня хочешь?“

Джон Уоркман строго на него посмотрел и крикнул:

„У вас такой вид, словно вы совсем позабыли о своих докторских обязанностях!“

И прежде чем врач успел опомниться от изумления, герой наш исчез.

„Что за шут такой?“ думал он. „Спрашивает людей, что им от него нужно! Повидимому, забыл, что он доктор. С таким типом мне нечего и разговаривать!“

Теперь он остановился перед вывеской, на которой значилась фамилия врача Вальтера.

Когда он предстал перед ним и попросил его навестить больного, доктор отрезал:

„Визит стоит пять долларов. Водятся ли у тебя такие деньги?“

„Само собой разумеется!“

Он вынул твой полотняный кошелек-мешочек и начал вынимать оттуда мелкие монетки в пять центов. На столе их появилась целая горка: он должен был извлечь добрую половину содержимого своего кошелька.

Осторожно, точно опасаясь замарать руки, пересчитал доктор монеты.

Джон Уоркман смотрел на него с беспокойством.

„Я — газетчик, доктор. Это — честно заработанные деньги. Вы можете их взять без опаски.“

Не трата лишнего слов, врач последовал за ним.

Джон Уоркман должен был употребить все свое красноречие, чтобы доктор решился взойти на крутую лесенку, ведущую в каморку Чарли Бекерса.

Ворча и ругаясь, врач выполнил, наконец, это гимнастическое упражнение, и, низко согнувшись, вошел в логовище маленького Чарли.

Последний бредил, когда доктор начал его осматривать.

„Это не брат твой?“ спросил он Джона по окончании осмотра.

„Нет, доктор! Это — мой товарищ. Он — самый младший из нас, газетчиков.“

„Так так Значит, я смогу сказать тебе всю правду. Тут уж ничего не поделаешь! У него чахотка, а теперь он схватил еще воспаление легких. Не имеет никакого смысла везти его в больницу. Кто знает, может быть, он не доживет до завтрашнего вечера!“

„Бедный Чарли“, прошептал Джон, и глаза его наполнились слезами. „Он никогда не будет миллионером!“

„Да, уж из этого ничего не выйдет“, с невольной улыбкой заметил доктор.

Затем он прописал капли для утишения болей и отправился домой.

Обеспокоенная мать напрасно ждала в эту точь Джона.

Он пришел только рано утром. В это время она обычно уже варила ему кофе. Взволнованный, бледный, он сел за стол и сказал:

„Я все время был у Чарли Бекерса. Доктор сказал, что он умрёт не позднее сегодняшнего вечера. Не жди меня к обеду, — я опять пойду к нему.“

„Не схвати только какую-нибудь заразную болезнь!“ сказала мать.

„Ах, я знаю, что делаю! Заразиться можно повсюду! Пожалуйста, не беспокойся!“

Он пошел по тёмным улицам к месту своей работы, — на Бродвэй.

Глава II.

В утренних сумерках собирались газетчики около здания газеты. Как и обычно, они толпились вокруг подвижных кухонь газетного гиганта, который каждое утро давал возможность любому бедняку Нью-Йорка бесплатно получить жестяную чашку горячего кофе и кусок хлеба.

Целые толпы озябших и нищих людей подходили к повозкам.

Сквозь большие дыры до-нельзя поношенных, грязных лохмотьев оборванцев часто виднелось раскрасневшееся от мороза тело.

Какая жадность была в их глазах — в ожидании очередной получки!

Дрожащими руками подносили они ко рту жестяные чашки и жадно поглощали хлеб. Тогда на их усталых, голодных лицах загорался какой-то луч надежды

Ни звука не было слышно в толпе.

Безмолвно, словно тени из мира скорби, появились они на полутёмном Бродвэе, и так же безмолвно исчезали в туманном сумраке.

Когда Джон Уоркман подошел к своим товарищам, они громко его приветствовали. Но он ответил им только кивком и дал знак — следовать за ним.

Мальчуганы привыкли слушаться Джона Уоркмана.

Он был в их среде самый развитой: не раз помогал им советом и делом.

Он был из числа тех, которых американцы называют „boss“ (по-русски это значит „предводитель“).

Маленькие газетчики пошли за ним под колоннаду, освещенную светом, идущим из машинного отделения. Джон Уоркман подошел к одной из колоссальных витрин и сказал громким голосом, чтобы все могли его услышать среди грохота машин:

„Если кто-нибудь из вас хочет еще раз увидеть Чарли Бекерса, пусть следует после школы за мной!

Чарли Бекерс сегодня умрет.“

Словно ледяное дыхание зимней стужи сковало вдруг всех этих жизнерадостных, полных сил мальчуганов. Веселый смех исчез с их свежих лиц. Глаза смотрели серьезно. И никто из них ничего не смог ответить Уоркману. Все они знали о болезни Чарли Бекерса, но что ему суждено так рано умереть, казалось им чем-то непонятным.

„Что-же, пойдёте со мной?“ спросил Джон.

Мальчики кивнули головой в знак согласия.

Едва только Джон Уоркман покончил со своими утренними занятиями, как уже помчался к маленькому Бекерсу.

Когда он вошел к нему, мальчуган лежал с лихорадочными пятнами на щеках и широко раскрытыми глазами.

Он был так слаб, что еле мог приподнять голову, чтобы посмотреть, кто вошел.

„Это я, Чарли“, сказал Джон и присел на корточки у ложа больного. „Что, узнаёшь меня?“

„Да“, прошептал Чарли, „я уж поджидал тебя. Незадолго до твоего прихода мне приснился золотой ангел, который вошел в дверь и хотел меня взять с собой. — И на меня опять напал страх. Как хорошо, что ты пришёл!“

Джон Уоркман взял пузырек и влил несколько капель в рот Чарли Бекерсу.

„Что, болит еще?“

„Нет“, шепнул Чарли. „Совсем не болит! Я думаю, что выздоровею.“

Джон Уоркман попытался рассмеяться.

„Конечно, выздоровеешь, а теперь вот попробуй яблоки, которые я тебе принес.“

Он протянул Чарли Бекерсу яблоко, но тот даже не посмотрел на него.

„А я все думаю о том, что мне делать с моими вещами. — Знаешь что, вот тут, под подушкой спрятано семь долларов, которые я сберёг. А там вот, в маленьком ящике в углу, лежат самые разнообразные вещи, которые я успел собрать. — Там лежит табачная трубка: я нашел её на Бродвэе. — Ещё — записная книжка, перочинный ножик и другие мелочи.“

После, когда я разбогатею, они мне пригодятся. Не надо будет покупать эти вещи! Такие ведь имеются и у богатых. — Если у тебя всё это есть, можно стать и миллионером! Не правда ли?”

„Ясно, Чарли. Ты будешь миллионером!“

„Знаешь что, Джон“, опять зашептал Чарли, „как бы меня не зарыли в общую могилу! — так ведь хоронят бедняков. Я всегда мечтал лежать в отдельном гробу, как Гарриман, а на могильном холмике должен находиться большой камень, чтобы все люди говорили: Здесь лежит Чарли Бекерс, миллионер.“

Джон Уоркман погладил его по лбу и сказал:

„Все это ты получишь, милый Чарли! Только не говори так много, — это тебе запретил доктор.“

„Разве здесь был доктор?“

„Да, Чарли!“

„Настоящий доктор?“

„Настоящий.“

„А кто заплатил ему?“

„Я.“

„Сколько?“

„Пять долларов, Чарли.“

„Гм “ мальчуган задумчиво посмотрел на свое одеяло из мешков. Затем он слегка приподнял голову и сказал:

Ты — хороший парень, Джон! Итак, я тебе задолжал пять долларов. Ты мог бы сберечь эти деньги: я все равно выздоровею.“

Он повернулся лицом к стене и закрыл глаза от утомления.

Джон Уоркман тихо сидел около своего товарища, прислушиваясь к его неровному дыханию. У него сильно стучало сердце, когда дыхание больного задерживалось.

Наконец, наступил час, когда должны были собраться все маленькие газетчики с Бродвэя, чтобы еще раз взглянуть на Чарли Бекерса.

Их пришло около сотни. Они собрались на дворе позади конюшни. Бесшумно взбирались они по узкой лесенке.

Умирающий проснулся. Он был очень обрадован приходом всех своих друзей.

Каждый мальчик пожимал ему руку и произносил несколько слов в утешение.

Чарли Бекерс чувствовал себя президентом, улыбался и шептал:

„Не беспокойтесь! — Завтра я буду здоров.“

Его улыбка делалась все слабее. Тень усталости легла на его глаза. Он уж больше никого не узнавал. В момент последней вспышки жизненных сил, он шепнул:

„Завтра здоров“

Тогда серый свет зимнего утра канул для него в вечную ночь.

Чарли Бекерс давно уже умер, но товарищи еще не знали, что его нет в живых.

Первый заметил это Джон Уоркман: рука Чарли, которую он держал в своей, становилась все холоднее и холоднее, и глаза не открывались. Тогда он наклонился над ним и громко спросил:

„Чарли, пить хочешь?“ После того, как он окликнул его несколько раз и не получил ответа, на него напал ужас.

Дрожащими руками взял он пузырек с лекарством и попытался влить несколько капель через плотно сомкнутые губы мальчика.

Напрасно!

Маленький рот Чарли Бекерса, который умел так весело болтать, закрылся навеки.

„Он совсем холодный“, прошептал Джон Уоркман, „я возьму его руки, чтобы согреть.“

„Ничего не поможет“, сказал Гарри Томсон, „когда умерла моя маленькая сестра, — мы ведь с ней спали в одной постели, — она была также совсем холодная! — Я думаю, Чарли Бекерс уже на небе.“

В комнате стало совсем тихо, — точно в церкви.

Когда один из мальчиков наступил ногой на соломенное ложе Чарли Бекерса, и солома зашуршала, они все испугались и выбежали на двор к оставшимся там товарищам.

„Ребята!“ сказал Джон со слезами на глазах.

Маленький Чарли умер. Его последним желанием было, чтобы его похоронили, как миллионера.

Если мы дня три поголодаем, то сможем на свои сбережения купить ему место на кладбище в Лонг-Айленде, а также красивый гроб.

Согласны?»

Слова Джона Уоркмана благотворно действовали на мальчуганов. Их хмурые лица осветились. Теперь у них появилась общая забота: они должны исполнить последнее желание маленького Чарли.

Почти удовлетворенные, покинули они двор и направились к месту своей работы — на Бродвэй.

Но Джон пошел обратно — в каморку покойного.

Еще раз, в продолжение нескольких минут, понапрасну прислушивался он, — не подает ли маленький Чарли признаков жизни, а затем начал собирать его пожитки, — наследство, оставшееся ему после Чарли Бекерса!

С благоговением прикасался он к безделушкам, которые были так дороги маленькому Чарли.

Как он любил все эти вещи!

Джон Уоркман вспомнил, с какой гордостью показывал ему Чарли Бекерс и трубку и перочинный ножик. Но всем своим сокровищам он предпочитал записную книжку! Она должна была послужить ему путеводительницей в царство денег.

Со слезами на глазах раскрыл Джон маленькую книжку.

На первой её странице детским почерком было написано: Чарли Бекерс, и внизу — красными чернилами: миллионер. То же самое было нацарапано и на входной двери.

В фантазиях Чарли Бекерса это жалкое помещение под крышей конюшни рисовалось в виде дворца миллионера!

На следующих страницах Чарли Бекерс записывал свои расходы и доходы.

Внизу каждой страницы он вписывал красными чернилами сумму своих сбережений. На последней странице стояло: семь долларов. А что дальше?

Джон Уоркман посмотрел на тихо уснувшего. У него сжималось горло, ему хотелось разрыдаться над телом мальчугана — мечтателя, но он перешибил себя.

Вдруг он вспомнил, что никто еще не прочел молитвы над покойным.

Он встал на колени около Чарли Бекерса и сдавленным голосом начал молитву:

„Господи, Боже мой, маленький Чарли был хороший парень. У него не было отца, — но об этом Ты знаешь лучше меня. Теперь он у Тебя, Господи. — Аминь!“

Он взял маленького Чарли за руки, и, как будто тот мог услышать его, обратился к нему:

„Не беспокойся, Чарли, у тебя будет красивая могила.“

Тихонько вышел он на улицу. Тут печаль его постепенно рассеялась. Он принялся соображать, как бы получше все устроить для Чарли Бекерса.

Уже к вечеру он собрал немного денег, а через два дня после обеда все мальчики исчезли с Бродвэя. Они пошли отдать последний долг маленькому Чарли Бекерсу.

Роскошные похоронные дроги, каких еще не видывали в темном восточном районе Нью-Йорка, где царствует ужасная нищета, повезли останки маленького Чарли Бекерса по направлению к Бродвэю.

Перед похоронной процессией шел оркестр, игравший торжественный траурный марш. За гробом шагал Джон Уоркман, а за ним все газетчики с Бродвэя.

Неподвижно смотрел Джон Уоркман на огромную белую ленту лаврового венка, которая, как знамя, спускалась с гроба и почти касалась земли. На ленте виднелась надпись золотыми буквами:

„Дорогому товарищу Чарли Бекерсу
его друга с Бродвэя.“

С изумлением взирали жители Нью-Йорка на бедно одетых мальчуганов-газетчиков, которые устроили такие великолепные похороны своему товарищу.

Когда процессия подошла к зданию газеты, наступила пауза в работе газетного гиганта.

Рабочие покинули машины, которые приостановили на время свою работу.

Трижды опускался флаг на мачте газетного гиганта, словно маленький газетчик был владетельным князем.

От Бродвэя до самого Лонг-Айлэнда стояли большие толпы людей, и впервые уста их произносили имя того, кому суждено было стать впоследствии таким могущественным:

„Джон Уоркман.“

Молниеносно распространилась весть, что эти похороны устроил именно он. Тысячи глаз с любопытством вглядывались в бледное лицо белокурого двенадцатилетнего мальчика, который шел за гробом.

Те, которые стояли поближе, могли прочесть в чертах Джона Уоркмана все благородство его духа, — пророческое предзнаменование великого будущего, которое его ожидало.

Когда сопровождавший процессию священник прочел молитву над гробом, вперед выступил Джон Уоркман и бросил три пригоршни земли в место последнего упокоения Чарли Бекерса

Он сказал речь:

„Ребята! — Если бы Чарли Бекерс был среди нас, вы все увидели бы, как порадовали его роскошные похороны, которые мы ему устроили. — Я благодарю вас за то, что вы сделали для Чарли Бекерса, и желаю вам всем иметь в свое время такую же прекрасную могилу.“

Когда вечером Джон Уоркман вернулся домой, его мать посмотрела на него с чувством большой гордости, словно перед ней был не ее мальчик, а взрослый и уже вполне сложившийся человек.

За час до его прихода, к ней явились соседки с вечерним номером газеты, на первой странице которой стояло напечатанное большими буквами имя её сына. Так писали в газетах только о королях, князьях или очень больших событиях! Ниже следовало описание похорон маленького Чарли Бекерса и снимки.

Словно геройский подвиг, описывали газеты поступок Джона Уоркмана.

С глазами, полными слез, обняла его мать и воскликнула несколько раз:

„Джон, мой милый, добрый Джон!“

Джон Уоркман ласково освободился из объятий матери:

„Знаешь что, мама, я почти три дня не спал и не ел. Дай мне поужинать, а потом я сразу же пойду спать!“

Лежа в постели, Джон Уоркман вздохнул с облегчением.

Он думал о маленьком Чарли Бекерсе, который, как настоящий миллионер, лежал теперь в прекрасной могиле на Лонг-Айленде; именно там, а не в песчаных дюнах около океана, где вместо могильных памятников с обозначением имени торчат простые деревянные столбы, на которых имеется только номер. О, Чарли Бекерс может быть доволен!

Над его гробом стоит памятник, на котором всякий может прочесть, что там покоится прах Чарли Бекерса.

На следующее утро Джон Уоркман по обыкновению отправился к месту своей работы.

Когда он подошел к прилавку, чтобы получить очередную партию газет, старик-служащий протянул ему письмо и сказал: „Прочти-ка это, Джон! Я думаю, тебя можно поздравить!“

С изумлением взял Джон Уоркман письмо, на котором стояло его имя. Конверт был из тех, что употреблялись в газетном гиганте.

Но у него нашлось время распечатать письмо лишь после того, как он распродал утренний номер газеты в подземном и надземном трамваях. С удивлением прочел он нижеследующее:

Милостивый Государь!

По поручению мистера Беннета я должен передать Вам, что он просит Вас явиться сегодня в его бюро между двумя и тремя часами.

С почтением

Георг Тэйлер, секретарь.

Дважды перечёл он письмо. Потом сильно покраснел.

Конфузливо спрятал он это послание во внутренний карман на груди, и впервые в жизни воспользовался трамваем, чтобы поскорее попасть домой. Он хотел немного приодеться.

Первый раз в жизни назвали его „милостивым государем“!

И тот, кто обратился к нему таким образом, был один из самых могущественных людей на свете, один из первых миллионеров: владелец чудовищных машин, тот, кто давал работу тысячам людей, настоящий царь в своем царстве!

Глава III.

Когда Джон Уоркман поднялся по широкой мраморной лестнице в здании газеты-великана и вошел в просторный приёмный зал, ничто его здесь особенно не поразило. Между тем никогда еще не ходил он по плюшевым коврам и мраморным ступеням. Не поразило его и приёмный зал с его покрытыми темной панелью стенами и затянутыми зеленым сукном столами, на которых были разложены книги и газеты всех стран мира.

Словно все это было чем-то само собой разумеющимся, Джон уселся в удобное красной кожи кресло и стал ждать, что будет дальше.

Ждать пришлось недолго. К нему подошел лакей в ливрее с галунами, который справлялся у посетителей об их пожеланиях.

Из приёмного зала добрая дюжина дверей вела в многочисленные помещения дворца — в различные редакции газеты.

Здесь всегда царило оживление.

Ежедневно сотни людей приходили в этот зал со своими просьбами и требованиями.

Кажется, не было в мире народа, представители которого не побывали бы здесь: индусы в тюрбанах, турки в фесках, персы в барашковых шапках, китайцы в синих шелковых кафтанах, негры цвета эбенового

дерева; кавказцы, русские, французы, итальянцы, немцы, англичане. — Даже эскимосы, привезенные последней полярной экспедицией, побывали в этом помещении.

Все языки мира раздавались в огромном зале. Ни в каком другом месте мира не бывало такого интересного общества, как в приемном зале газеты-великана.

Конечно, здесь можно было встретить не одних только иностранцев, но также и соотечественников Джона Уоркмана, приходивших сюда за советом, а иногда и за помощью.

И всем этим людям газета-великан умела оказывать нужную поддержку.

Сюда приходили бедняки, которым нечем было развести огонь, и получали топливо на всю зиму. А летом появлялись люди, страдавшие от тропической жары, царившей в Нью-Йорке, — и им выдавали лед, которого у них не было.

Здесь выпрашивали свободную койку в больнице, просили ссуды, защиты от врагов, работы.

Каким-то Гарун-аль-Рашидом, могущественнейшим повелителем из сказок „Тысячи и одной ночи“ казался всем ищущим помощи — сам владыка гигантской газеты. Но редко кто видел его в лицо.

Для тысяч людей хозяин газеты был чем-то вроде Господа Бога, существом всемогущим и невидимым.

Поэтому было целым событием, когда кто-нибудь с ним встречался. Даже подчиненные часто не видели его годами.

При нем всегда находилось лишь главное доверенное лицо, секретарь Георг Тэйлер, его правая рука.

Когда к Джону Уоркману приблизился важный служитель, чтобы спросить его, что ему угодно, он ответил:

„Я — к мистеру Беннету.“

Служитель, который слышал эту фразу сотню раз в день, ответил ему по трафарету:

„Мистер Беннет занят. Скажите мне, что вам угодно, и я проведу вас к одному из его представителей.“

„Подождите, пожалуйста“, возразил Джон Уоркман и вытащил из кармана письмо, „я не думаю, чтобы такой человек, как мистер Беннет, посылал приглашения шутки ради. Убедитесь, — мистер Беннет позвал меня именно к этому часу.“

Служитель взял письмо. По мере прочтения снисходительно-приветливое выражение его лица сменила почтительная, строгая мина.

„Извините меня, пожалуйста“, сказал он с необычным для него глубоким поклоном. „Это совершенно меняет положение! Вы должны понять меня, — я не мог ответить иначе. Если бы мистер Беннет принимал всех посетителей, у него не было бы времени для других дел. Будьте добры последовать за мной.“

Он подошел к маленькой двери из чёрного дерева и позвонил. Через секунду дверь открылась, из лифта вышел негритёнок и поклонился Джону Уоркману. Служитель предложил ему сесть в лифт.

Он закрыл за ним дверь. Чёрный бой привел лифт в движение. Медленно и бесшумно они поднялись вверх.

Здесь негритёнок открыл дверь, снова поклонился ему и пропустил в комнату, в которой сидела молодая дама за пишущей машиной.

Вежливо осведомилась она у Джона Уоркмана о цели его прихода и предложила сесть, сказав, что мистер Беннет занят важным совещанием.

Джон Уоркман сел около большого окна и с детским восхищением залюбовался грандиозной панорамой великого города.

Он находился на самом последнем — тридцать шестом этаже дворца газеты. Тут, вдали от шума мирового города, работал газетный король. Словно отдаленные раскаты грома, слышался здесь идущий из глубины городской шум.

Взор охватывал отсюда и гавань, где блестело

золото статуи Свободы, и зеленый остров Стэтс-Айленд, и далекий голубовато-зеленый океан.

Джон Уоркман хорошо разглядел стоявший у входа в гавань гигантский пассажирский пароход из Германии, который, казалось, был не больше ореховой скорлупы, тогда как колоссальные мосты через Ист-Ривер были словно сделаны из паутины.

Трамваи, идущие по этим мостам, казались маленькими темными точками, а люди — такими крошечными, что их едва можно было разглядеть невооруженным глазом.

Упиваясь наблюдением всяких земных чудес с этой странной высоты, Джон Уоркман внезапно был испуган двумя громко и резко переговаривавшимися мужскими голосами.

Толстой красной байкой обитая дверь, ведущая в святое святых газетного царства, случайно была неплотно закрыта, так что через узкую щель можно было слышать каждое слово происходящего там разговора.

Джон Уоркман ясно услышал металлически звучащий голос одного из собеседников:

„Я не могу поручиться, генерал, что не предприму агрессивных мер, если Япония снова позволит себе чрезмерную критику наших законов о переселении.“

После некоторой паузы раздался голос другого собеседника, говорившего по-английски с тем отрывистым акцентом, который так характерен для японцев:

„Подумайте, мистер Беннет, это может повести к тому, что мы будем принуждены объявить войну Америке.“

„Господин генерал Йока-Сумо! Америка не боится войны с Японией. Вам должно быть известно, что я могу судить о том, что невыгодно для моей родины.“

После новой паузы японец ответил:

„Не сможете ли вы хотя бы отчасти пойти нам навстречу, чтобы облегчить переселение моим соотечественникам?“

„Нет!“ кратко прозвучало в ответ. „Я не вижу никакой пользы Америке от того, что ваши соотечественники, воспользовавшись у нас нашими знаниями, нашим опытом, будут применять их на своей родине!“

„Это ваше последнее слово?“

„Да, последнее!“

Через несколько минут дверь открылась, и в комнату вошел японский генерал.

Его желтое лицо сильно порозовело. Обычно устало глядевшие глаза сверкали от едва сдерживаемого гнева.

Почти задыхаясь от волнения, прослушал Джон Уоркман этот разговор. Впервые стоял он у порога комнаты, в которой решались судьбы народов, во просы войны и мира.

Он шел к человеку, во власти которого было бросить на войну тысячи людей, сеять повсюду ужас и отчаяние. С замирающим сердцем приблизился он к великому мира сего.

С лица мистера Беннета еще не исчезло выражение, бывшее на нем при разговоре с японским генералом.

Казалось, его желтоватое, худощавое, чисто выбритое лицо было сделано из камня. Его глаза со стальным блеском — остановились на Джоне Уоркмане.

„Садитесь, сэр“, сказал мистер Беннет и указал на большое кресло, стоявшее рядом с его письменным столом.

Острым взглядом оглядел он мальчика, который, повидимому, произвел на него хорошее впечатление, потому что строгое выражение его лица смягчилось. В серых глазах газетного короля блеснули веселые огоньки.

„Вы живете у вашей матери?“ начал мистер Беннет, перелистывая маленький блок, куда были вписаны все нужные ему сведения о его собеседнике, чуть ли не вся биография. Но Джон Уоркман, конечно, не знал этого.

„Да“, ответил мальчуган.

„Я слышал, что уже в продолжение нескольких лет вы содержите вашу больную, неработоспособную мать?“

„Да.“

„Ваш отец умер четыре года тому назад. Судя по дошедшим до меня сведениям, он не был практическим человеком. Если не ошибаюсь, он был портретистом?“

Джон Уоркман снова дал утвердительный ответ, удивляясь, откуда все это известно газетному королю.

Мистер Беннет еще что-то прочел в своем блоке, затем твердо посмотрел на Джона Уоркмана и сказал:

„Мне кажется, вы сделаны из того прочного матерьяла, из которого делают цельных и сильных людей. Я люблю видеть таких людей в своем предприятии. Если хотите, вы можете стать у меня рабочим; я дам вам место, соответствующее вашим склонностям. Чем вы интересуетесь?“

„Машинами.“

„Прекрасно“ ответил мистер Беннет, „машины — средство к покорению всего мира. В машинах — самое высшее, чем мы обладаем. Я имею в виду практические отношения. К какого рода машинам у вас имеется особенный интерес?“

„О!“ — тут глаза Джона Уоркмана блеснули, „я всегда увлекался теми большими машинами, которые отпечатывают красивые пестрые картинки.“

„То есть прессы, печатающие в три краски, не правда ли?“

„Да“ ответил Джон Уоркман, „не знаю, как они называются. Я могу их только показать.“

„Прекрасно“, сказал Беннет, беря в руки телефонную трубку и соединяясь с машинным отделением.

„Я хочу говорить с машинным мастером цветных прессов“, и он положил трубку на место.

„Вы были очень дружны с маленьким Чарли Бекерсом? Вы, ведь, так много заботились о нем..“

„Мы были товарищами: в таких случаях всегда

один стоит за другого. Если бы я заболел, мои товарищи то же самое сделали бы и для меня."

„Удивляюсь вам, маленьким газетчикам!“

„Почему?“ изумился Джон Уоркман. „Мы ведь так связаны друг с другом; к тому же вы должны были бы хорошо знать жизнь газетчиков.“

„Что вы хотите этим сказать?“

„Разве вы сами не были газетчиком?“

„Нет“, засмеялся мистер Беннет. „Я шел по другому пути.“

В этот момент дверь тихонько открылась, и секретарша сообщила о приходе машинного мастера.

„Подойдите поближе, мистер Джонсон“, сказал Беннет. „Я хотел бы устроить вот этого паренька на работу у цветных прессов.“

„Слушаю, мистер Беннет.“

„Это — всё, можете идти.“

Когда машинный мастер вышел, мистер Беннет поднялся со своего кресла, показывая этим, что разговор окончен.

„С завтрашнего дня вы будете работать у машинного мастера. Будьте таким же молодцом, как и прежде! Я не буду упускать вас из виду.“

Джон Уоркман тотчас же вскочил, схватился за шапку и неожиданно покраснел.

„У меня к вам еще один вопрос“, сказал он решительно и твердо. „Вы забыли сказать, сколько я буду получать в неделю.“

Мистер Беннет слегка улыбнулся.

„Само собой разумеется! Ты совершенно прав!“ сказал он, прерывая мальчугана. „Подожди-ка минутку!“

Он снова взял телефонную трубку и осведомился в соответствующем отделении о величине заработка.

„Сперва ты будешь получать два доллара в неделю, а потом, через много месяцев, если окажешься прилежным и достойным своего места, — шестнадцать долларов.“

Джон Уоркман отрицательно покачал головой. „Нет, мистер Беннет, я должен поблагодарить вас за ваше предложение, но принять его не могу.“

„Как?“ изумился газетный король, „ты не хочешь воспользоваться местом, которое я тебе предлагаю? Но ведь ты хотел именно этого!“

„Да, я хотел бы работать у машин“, возразил Джон Уоркман, „но я не могу руководствоваться

только своими желаниями. — Я должен кормить мать.*

В продолжение нескольких секунд было совсем тихо в кабинете. Слышно было только тиканье часов да отдаленный стук машин в подвальном помещении гигантского здания.

Газетный король опустил голову на грудь и в глубоком раздумье устался на ковер.

Казалось, в комнату влетел тихий ангел, чуждый всему этому миру холодных цифр, машин и трезвого рассудка.

Наконец, газетный король приподнял голову. Джон Уоркман прямо смотрел на него своими открытыми глазами.

„Скажи мне, пожалуйста, сколько ты зарабатываешь, продавая газеты?“

„От двенадцати до пятнадцати долларов в неделю.“

„От двенадцати до пятнадцати долларов?“ повторил мистер Беннет. „Но столько зарабатывают только испытанные рабочие. Возможно ли это?“

Теперь пришла очередь удивиться Джону Уоркману. Он не мог представить себе, как это газетный король ничего не знает о делах такого рода.

Так как мистер Беннет ожидал ответа, он сказал:

„Я продаю ходкий товар. Если бы я торговал плохой газетой, то, конечно, столько не зарабатывал бы. Но ведь ваша газета, мистер Беннет, очень хорошая“

Слабая улыбка играла на губах газетного короля. Он стал зажигать сигару, — как будто хотел собраться с мыслями.

Затянувшись несколько раз, Беннет сказал:

„Я готов сделать исключение. Надеюсь, что впоследствии ты окажешься полезным в моем предприятии. Поэтому я согласен выплачивать тебе столько, сколько ты до сих пор зарабатывал продажей газет“

Но Джон Уоркман снова покачал своей белокурой головой.

Так дело на лад не пойдет, мистер Беннет!“

Газетный король нахмурился. Он не привык, чтобы ему противоречили. Его лицо приняло твердое выражение.

Джон Уоркман, потерявший всякий страх перед сильными мира сего, смело посмотрел ему в глаза и сказал :

„Так дело не пойдет! У вас я должен работать с девяти утра до пяти часов вечера. В таком случае у меня не будет времени ходить в школу и не будет возможности отдохнуть и позаботиться о матери.“

„Ты умеешь хорошо рассчитывать,“ сказал мистер Беннет. „Если бы я в своей молодости рассчитывал так же хорошо, я смог бы сделать еще больше, чем сделал. — Кем же ты хочешь стать впоследствии?“

„Тем же, что и вы, мистер Беннет.“

Жесткое выражение исчезло с лица газетного короля, когда он обратился к мальчику :

„Не стану спорить! Ты знаешь свои силы, и поэтому можешь так отвечать. Если бы другие так разговаривали со мной, я принял бы их слова за грубость и дерзость. — Я заинтересовался твоим будущим и поэтому хочу сделать тебе другое предложение.“

Тебе осталось учиться еще два года. Все это время ты будешь приходить в машинное отделение — конечно, в свободные часы, — чтобы понемногу ознакомиться с машинами.“

„О, господин Беннет!“ сказал Джон Уоркман. „Вы исполняете мое заветное желание! Мне очень хочется разузнать, как устроены машины, и как они работают. Я должен это знать, чтобы чего-нибудь добиться в будущем.“

„Прекрасно,“ сказал мистер Беннет, „я дам тебе пропуск во все машинные отделения ; ты будешь иметь доступ повсюду в моем предприятии. Впоследствии я назначу тебе время, когда ты сможешь говорить со мной лично.“

Передай от меня поклон своей матери и скажи

ей, что в любви к ней ты обладаешь самым лучшим достоянием, которое только возможно на земле. Выше стоит лишь страх Божий.“

Он пожал руку Джону Уоркману, взял визитную карточку и написал на ней несколько строк своим отчетливым прямым почерком. Эту карточку он передал Джону Уоркману и, позвонив секретарше, велел ей проводить мальчугана.

Выйдя на улицу, Джон прочел надпись на карточке газетного короля:

„Сим предписываю всем моим служащим давать предъявителю этой карточки все сведения, которые ему понадобятся в моем предприятии.“

Джон Уоркман может также практически работать у машин.“

Глубоко задумавшись, пошел он домой.

Он думал о маленьком Чарли Бекерсе, благодаря смерти которого он стал обладателем этой карточки.

И еще думал он о заветнейшем желании Чарли стать миллионером.

У него было такое чувство, что он — Джон Уоркман — вступил теперь в наследство своего маленького друга, чтобы пойти вперед по пути, по которому Чарли уже не пойдет, — по пути ко всемогуществу!

Глава IV.

С удивлением посмотрел главный мастер на Джона Уоркмана, когда тот, через несколько дней после своего разговора с мистером Беннетом, пришёл побродить по машинному отделению.

„Читать что ли не умеешь, парень?“ проворчал мастер, показывая на вывеску с надписью: „Entrance positively not permitted“ (вход строго воспрещен).

„Я видел вывеску, но думаю, что тем не менее имею право сюда входить,“ возразил Джон Уоркман и показал карточку мистера Беннета.

„Так, так,“ ответил мистер Напп. „Ты хочешь

изучать нашу работу Имеешь ли ты понятие об этом деле?“

„Пока что очень малое,“ сказал Джон. „До сих пор я продавал газеты, а теперь вот хочу посмотреть, как их делают.“

„Гм так вот что ты хочешь знать! — Это будет очень мило, если вы, газетчики, пожалуете сюда, чтобы изучать, как делаются газеты, которыми вы торгуете! Я думаю, вполне достаточно, если мы будем их делать, а вы — продавать.“

Джон Уоркман спокойно выслушал старика и решительно заявил:

„Я уже сказал вам о своем желании.“

Тон, взятый Джоном, возымел свое действие.

Мистер Напп посмотрел на часы и сказал подчеркнуто-вежливо:

„Сейчас печатается стереотипом вечерний выпуск.“

„Что это значит?“

„У меня нет времени рассказывать тебе обо всем. Я отрекомендую тебя мистеру Грэнси, который объяснит тебе от начала до конца все, что происходит в нашем предприятии. Иначе ты, при всем своем добром желании, будешь стоять, как слепой, перед машинами и аппаратами.“

А пока я расскажу тебе вкратце, что такое стереотипная печать.

Сейчас газета уже в наборе.

Это значит, что отдельные страницы набраны теперь свинцовыми буквами на особых досках.

Но с этих досок мы можем печатать только на плоских печатных прессах. Между тем для наших ротационных машин необходимо перевести набор свинцовыми буквами на круглую форму; его нужно нанести на печатный цилиндр ротационной машины.“

Они вошли в помещение стереотипной печати и подошли там к одному из столов.

В этот момент на нем укладывали большую страницу „Нью-Йорк Геральда,“ набранную свинцовыми буквами и заключенную в стальную раму определенной формы.

Один рабочий набросил на эту форму легкий увлажнённый лист клейкой шелковой бумаги.

Другой — мягкой щеткой вогнал бумагу в углубления букв. В один миг все было готово. Накладывали уже второй лист.

Прошло не больше пяти минут, и вот накопился уже целый слой листов из шелковой бумаги.

К столу подъехала тележка. Форма с прикрепленными к ней листами шелковой бумаги была вдвинута в пресс. Огромные винты со страшной силой придавили бумагу к свинцовому набору, и вся эта махина исчезла в камере, наполненной горячим воздухом.

„Там она будет находиться в продолжение пяти минут, — при температуре в сто двадцать градусов. Затем получится нечто совсем новое,“ пояснил мистер Напп.

Скоро Джон Уоркман увидел, как проворные руки высвободили из-под прессов свинцовый набор и сняли с него сухой твердый картон. На одной стороне его — с микроскопической точностью обозначилась каждая деталь свинцового набора.

„А что дальше?“ спросил Джон.

„Это мы сейчас увидим в литейной.“

В литейной опытные рабочие осторожно придали папке вид свода в четверть круга и плотно уложили ее в круглую форму.

Из плавильной печи жидкий свинец лился в литейный тигель.

Один из рабочих вливал содержимое этого сосуда в вышеописанную круглую форму.

Через несколько минут вынули винты и извлекли блестящую металлическую пластину, имевшую форму четверти цилиндра. На блестящей поверхности пластины буква в букву отпечатался текст газетной страницы.

Папку снова уложили в литейную форму. Затем сверлильная машина пробуравила несколько отверстий на свинцовой поверхности формы, которую вскоре унесли в машинное отделение.

„А теперь что?“ спросил Джон, блестя глазами.

„Сейчас начнёт работать ротационная машина.“
Они подошли к машине, величиной с двухэтажный дом. Машинный мастер и рабочие сновали между блестящими частями металлического великана.

Беспомощно взирал Джон Уоркман на этот сложный организм, состоявший из вальков и цилиндров.

„Взгляни сперва на нечто, тебе уже знакомое,“ сказал мистер Напп, показывая на цилиндр с поперечником около двух метров.

Джон Уоркман увидел прикрепленную к этому цилиндру, только что отлитую стереотипную пластину.

И он увидел другой такой же цилиндр, а рядом с ним целое множество тонких и толстых вальков, блестящих своей черной поверхностью.

„В теории наша работа проста, но на практике она очень сложная, пояснил мистер Напп. „Вот здесь ты видишь бесконечные свертки бумаги. Эту бумагу сейчас положат в машину. Тогда тебе станет немного яснее.“

„Эй, кладите!“ раздалась резкая команда, и Джон Уоркман увидел, как два рабочих принялись раскручивать бумагу с гигантских катушек, которые в другом конце машины были укреплены на легко подвижной оси. Затем бумагу ввели в машину.

Сперва её пропустили между двумя валиками, потом подложили под огромный цилиндр со стереотипными пластинами. К цилиндру бумага была сверху прижата большим валом. Затем, пропустив еще через несколько пар валиков, её положили на другой большой цилиндр со стереотипной пластинкой так, чтобы и другая сторона листа пришла в соприкосновение с буквами. Потом снова пропустили бумагу через валики.

„Наложить валики с краской!“ — раздалась новая команда. Рабочие переключили рычаги. В восьми местах на цилиндр опустились валики с краской. Во время печатания они безостановочно выделяли краску для букв.

На один миг около машины воцарилась тишина. Главный мастер посмотрел на часы. „Половина пя-

того," пробормотал он. — „Первый пресс — мамонт приводится в действие для печатания вечернего выпуска газеты!“

„Медленный ход!“ снова скамандовал машинный мастер. Рабочие повернули выключатель. Рычаг реостата медленно заскользил по медным кнопкам контактов. В тот-же миг ожили отдельные части огромного ротационного прессы.

Тысячи суставов машины пришли в движение.

Медленно начали вращаться огромные цилиндры и красильные валики. Бумага постепенно входила в недра машины. А на другом конце большие лезвия, словно секиры палачей, опускались на бумагу.

Скоро на стол упал один лист, за ним посыпались другие. Образовалась целая куча аккуратно сложенных газетных листов, отпечатанных с обеих сторон.

Отдельные экземпляры газеты расхватывались корректорами, которые в один миг должны были увидеть, — всё ли в порядке, не измяты ли страницы, достаточно ли краски в текстах и т. д.

„All right,“ кивнул старший корректор машинному мастеру.

„Go on!“ снова раздалась команда.

Шум и жужжание усиливались; с молниеносной быстротой двигались рычаги. Из машины шел непрерывный поток готовых газетных листов, которые сразу же складывались в ровные штабеля.

Джон Уоркман, затаив дыхание, смотрел на это потрясающее зрелище.

„Алло!“ крикнул вдруг машинный мастер, „не стоит ли там Джон Уоркман с Бродвэя? Видно, тебе захотелось посмотреть, как пекут твой товар? Такой машины, как пресс-мамонт „Нью-Йорк Геральда“, нет нигде на свете! Он выбрасывает 50.000 экземпляров в час.“

„Да, это — Джон Уоркман,“ ответил мистер Напп, „а это мистер Грэнси, машинный мастер нашего мамонта. Вот, Джон, держись около него! Он тебе сможет рассказать больше, чем я. Он знает каждый уголок нашего дела.“

„Да, да, я ему всё расскажу. Но сейчас у меня нет ни секунды свободного времени.“

С раскрасневшимися щеками покинул Джон Уоркман предприятие газетного короля.

На следующий день, распродав свои газеты, Джон снова пошел в машинное отделение.

Там, где вчера жизнь была ключем, теперь было почти тихо.

Около машины-мамонта возилось несколько слесарей, чистивших и смазывавших железные мускулы чудовища. Тут же сидел машинист Грэнси и с наслаждением покуривал свою короткую трубку.

„Алло, Джонни,“ крикнул он мальчугану. „Поди-ка сюда! Теперь мы поболтаем! У меня ровно час свободного времени.“

„All right,“ сказал Джон Уоркман и уселся рядом с ним. „Я слышал, вы знаете предприятие, как свои пять пальцев.“

„Верно, парень,“ улыбнулся машинный мастер, „я здесь то, что они называют „all round hand“ (мастер на все руки). Я ведь ко всему здесь прикладываю руку.“

„Я слышал об этом и вот удивляюсь, — как же это вы не пошли дальше? По моему, вы должны были бы стать чем-то вроде мистера Беннета.“

Тень легла на лицо мистера Грэнси.

„Милый мой, ты, кажется, думаешь, что это такие пустяки! Я могу рассказать тебе не мало историй, из которых ты узнаешь, что путь к миллионам не так прост: для этого нужно иметь очень гибкую совесть.“

„А как же мистер Беннет?“ воскликнул мальчуган.

„О нем этого сказать нельзя! Он и его отец богатели понемногу. Они честно получили свое богатство. Но о тех, что становились в друг богачами, я могу рассказать тебе тысячу историй. Вот — слушай!“

Это было двадцать пять лет тому назад. Я был тогда совсем молодым парнем, — только что

приехал в Нью-Йорк из лесистого штата Мичигана вместе со своим товарищем Биллем Джефферсоном, который теперь один из самых богатых людей в Детройте.

Мы очень хорошо знали нашу родину. В дремучих лесах, которые тогда покрывали весь север Мичигана, мы были как дома. И вот мы захотели применить в Нью-Йорке наши познания и опыт в лесном деле.

„Но разве это возможно?“ прервал его Джон Уоркман. „Вы мне сказки рассказываете! Лесникам нечего делать в Нью-Йорке!“

„Успокойся, Джонни,“ засмеялся в ответ мистер Грэнси. „Дело было именно так, как я рассказываю. В то время правительство по дешевой цене продавало право рубить лес. Перед нью-йоркскими капиталистами открывалась заманчивая перспектива приобрести это право, чтобы использовать сотни квадратных километров для вырубki лесов.

Но они не хотели покупать вслепую, ибо знали, что в Мичигане — не одни только леса, но есть также болота и трясины.

И вот мы, лесники, должны были составить для наших капиталистов карты с точным обозначением пространств, занятых лесами и болотами.

Я поехал по поручению мистера Беннета, а Джефферсон был отправлен другой компанией. Ну, и как ты думаешь: что из этого вышло?“

„Вы выполнили задачу и получили хорошее вознаграждение“

„Наполовину ты угадал, Джонни! Со мной именно так и случилось, — поэтому-то я до сих пор всего лишь простой машинный мастер!

А Джефферсон поступил иначе. Он взял с собой две карты. На одной из них он очень точно вычерчивал местность: где был лес, там отмечал лес, где болото, — отмечал болото.

Но эта карта вовсе не предназначалась для его заказчиков. Для них он приготовил нечто совсем в другом роде.

На второй карте там, где рос чудесный, пригодный для срубки лес, лежало болото. А на месте трясин, населенных москитами и гремучими змеями, мистер Джефферсон писал „good forest“ (хороший лес).

Эту карту он отнес своим заказчикам, и они за большие деньги приобрели болота Мичигана. А пронырливый Джефферсон без труда нашел себе компаньона для покупки занесенных на его карту болот, на месте которых в действительности рос прекрасный высокоствольный лес.

Джефферсон заработал на этом деле 100.000, тогда как мой заработок лесника не превышал суммы в 500 долларов.“

„Но ведь это обман и надувательство,“ воскликнул возмущенный Уоркман. „Ведь, Джефферсон самым подлым образом обманул доверившихся ему заказчиков!“

„Да, Джонни, из этой истории нельзя вывести никакой морали, и одно время суды очень даже интересовались личностью Джефферсона. Но этот ловкач был в своем роде человеком чрезвычайно благодарным. Он на два года уехал в Канаду и выждал там, пока вся эта история не поросла быльем.“

„Значит, можно стать богачом — только надувая людей?“ сказал Джон Уоркман и задумчиво покачал головой.

„Ну, этого я не сказал бы, Джонни! Об этом ты порасспроси других! Я знаю только, что многие люди богатели путем надувательства, и что я сам никого никогда не обманывал, и вот так и остался в роли бедного чорта.“

„А я попытаюсь разузнать, как можно честным путем заработать миллионы,“ пробормотал про себя Джон Уоркман.

„Об этом ты поговори с другими! Может быть, это и возможно. Но я-то могу рассказать тебе только такие же подлые истории, а также поучить тебя кое-чему в нашем производстве“

„Да, производство! Я хочу услышать о производстве!“ воскликнул мальчуган.

„Производство мистера Беннета начинается очень далеко отсюда. Так, к его предприятию относятся деревья, растущие в Канаде, и уголь, извлекаемый из земных недр Миннеаполиса“

„Разве здесь топят и углем и дровами?“

„Нет, милый мой, лес стоит теперь слишком дорого! Миновали времена, когда сжигали целые леса для того, чтобы добыть земли под пашню. Теперь дерево превращают в бумагу.“

Когда ты идёшь с пачкой газет по Бродвэю, ты ведь в сущности несёшь под мышкой дерево, которое всего лишь за несколько дней перед тем росло в Канаде.“

„А где делают бумагу?“ прервал его мальчуган.

„Отчасти здесь, отчасти в Канаде. В свое время я побывал в канадском предприятии мистера Беннета. Там целые бригады рабочих отправляются в леса, но уже не с пилой и не с топором в руках.“

Они берут с собой самодвижущуюся паровую машину-локомобиль и паровую пилу, которую подвозят к подножию древесного ствола. Пар со свистом входит в паровой цилиндр, и пила с молниеносной быстротой врезается в дерево. Через несколько минут могучий ствол с треском падает на землю.

Пила тотчас же направляется на низвергнутый ствол, распиливая его на мелкие куски, удобные для погрузки в вагоны. По маленькой на-скоро сооруженной железной дороге лес свозят на главную линию, по которой его доставляют на бумажную мельницу.

Это место — настоящий земной ад! Здесь другие пилы распиливают дерево на более короткие куски. Особые машины освобождают их от коры. Затем грубые точильные камни из песчаника с адской быстротой размалывают дерево в мельчайшую волокнистую массу.

Водяная струя промывает эту массу от песка, и то, что еще так недавно красовалось в лесу в виде прекрасного дерева, превращается на наших глазах в тусклую древесную кашу.

Эта масса течет в хлоровую баню, из которой

она вытекает в отбелённом виде, вновь промывается, разрыхляется, размешивается и, наконец, поступает на бесконечную ленту из проволочной сетки, через которую вода стекает вниз. Затем древесная масса прессуется между валиками, нагревается, снова прессуется, проходит еще расстояние в десять метров, и вот бесформенная масса превращается в печатную бумагу, — в ту самую, которую ты видел вчера в машине-мамонте. Вот одна из отраслей производства мистера Беннета.“

„Well“ (хорошо), сказал мальчуган, „а что-же дальше?“

„All right“ (превосходно), я думаю мы отправимся теперь в наборную, где сейчас всё в полном ходу. Там ты увидишь, Джонни, как готовятся те самые свинцовые пластинки, с которых мы вчера сняли бумажные формы.“

Из машинного отделения оба отправились в другое помещение. Там стояли машины, напомнившие Джону Уоркману музыкальные автоматы в трактирах Бродвэя. Они были под стеклом, через которое виднелись разного рода рычаги и блестящие части.

Отчасти они имели вид шкафов и в то же время были похожи на пишущие машины, потому что у каждой из них имелась клавиатура. Перед каждым таким шкафом сидел человек и с необычайным рвением бил по клавишам.

„Алло, Джимми, в чем дело?“ спросил мистер Грэнси передового наборщика.

„Важное дело, Джо! Предвыборная речь Тафта! Уже два часа мы соединены прямым проводом с Мильвоки. Мистер Тафт говорит с быстротой двух наборных машин. Но мы уж поспеем к первому вечернему выпуску.“

Джон Уоркман подошел к одному из наборщиков. Он видел, как тот отбарабанивал телеграмму в пятьсот строк, между тем как по трубкам вверх и вниз двигался бесконечный поток букв, — они то появлялись, то исчезали.

Каждые десять секунд раздавался сигнал — в виде звонка. В этот момент Джон слышал легкое

шипение и клокотание и видел, как из машины выскакивала блестящая свежее-отлитая свинцовая строка.

„Это, милый мой, очень хитро устроенная машина,“ сказал мистер Грэнси. „Если, например, наборщик приводит в движение рычаг А, — то в тот же миг за столом выскальзывает и катится вниз латунная формочка данной буквы. Соответственно с выстукиваниями наборщика все эти формочки собираются вместе и затем автоматически отливаются в свинце. Как только одна строчка готова, звонит колокольчик. Теперь ты уже видел, как отдельные свежее-отлитые строки выходят из машины.“

Но самое изумительное — еще впереди. — Машина одним ударом выбрасывает все латунные формочки обратно — в запасной ящик, где они механически рассортировываются по алфавиту!“

В этот момент наборщик кончил депешу. Ему принесли новые рукописи

„Работа как будто подошла к концу,“ сказал наборщик. Тут зазвонил телефон.

„Чорт возьми, я так и думал,“ сказал старший наборщик и положил трубку на место. „Тотчас же нужно подготовить к печати экстренную листовку с речью Тафта; она выйдет всего за час до выпуска вечернего номера.“

„Итак, все солдаты к оружию!“ засмеялся мистер Грэнси. „А о своём „мамонте“ я не беспокоюсь, — он не подведёт.“

Уоркман и его спутник пошли дальше и увидели, как метранпаж из отдельных свинцовых строчек составлял большие свинцовые листы с набором. Затем они подошли к „мамонту,“ который начал свою трудную работу

И вот — Джон Уоркман уже бежит по Бродвэю. Он кричит и подвывает:

„Экстренный выпуск „Нью-Йорк Геральда“! Речь президента Тафта! Новая позиция республиканской партии!“

Глава V.

„Алло, Джонни,“ приветствовал на другой день своего нового приятеля мистер Грэнси. „Сегодня — беспокойный день. В Чикаго горит зерно стоимостью в пять миллионов долларов. Два больших амбара — в пламени. Ведь, первый экстренный выпуск ты уже распродал. Теперь мы ждем иллюстраций из Чикаго.“

„Мы их сегодня не получим, мистер Грэнси, ибо самый скорый поезд-молния идет из Чикаго в Нью-Йорк двадцать два часа“

„Это — правда, Джонни. Но электрическая искра летит гораздо быстрее. Фотографии, которые снял наш агент в Чикаго, придут сюда по проводу.“

Я думаю, сегодня мы вместе с тобой воспользуемся карточкой мистера Беннета.

Мы пойдем на станцию телефотографии.“

Они вышли из машинного отделения, сели в лифт и поднялись на двадцать второй этаж колоссального здания. Там они вошли в маленькую комнату. Карточка мистера Беннета и здесь проявила свою чудодейственную силу, — все двери открывались перед ними.

Посередине маленькой камеры, в которой они очутились, стоял длинный, тяжелый дубовый стол. На нем помещался блестящий прибор. Из черной трубки исходил ослепительный, тонкий, как волос, луч, падавший в аппаратуру.

Служащий распоряжался около прибора и в то же самое время говорил по телефону. Слова: „произвести синхроническое включение тока,“ — донеслись до ушей Джона.

„Что это значит?“ спросил он изумленно.

„Это означает, что два электромотора, — один в Чикаго, а другой здесь, на столе, должны двигаться с одинаковой скоростью. Одновременность работы обоих аппаратов должна быть соблюдена с точностью, измеряемой до делений одного миллиметра.“

Снова зазвонил телефон. „Синхронизм достигнут. Сейчас я вставлю пленку в аппарат.“

Служащий вышел в соседнюю темную камеру и принес оттуда черный цилиндр, который вложил в аппарат, а на цилиндре укрепил пленку.

„Три часа десять минут пятнадцать секунд, — до приведения цилиндра в движение осталось всего шесть секунд,“ крикнул он в телефон и приложил руку к кнопке.

Тихо считал он: тринадцать — четырнадцать — пятнадцать! При последнем слове он нажал кнопку. Та часть аппарата, в которую он вложил пленку, стала вращаться.

„Началась приёмка первого снимка,“ крикнул он в телефон, повесил трубку на место и спокойно уселся на стуле.

„Это будет длиться восемь минут,“ пояснил он Джону Уоркману. „Тогда мы получим первый снимок горящих амбаров.“

„Расскажите, как это делается!“

„Это не так просто, мальчуган! В Чикаго вращается точно такой-же цилиндр, как здесь, и на него наклеена копия чикагского снимка. Этот цилиндр движется одновременно с нашим.“

На него падает тонкий луч. Когда он попадает на черные места снимка, цилиндр остается тёмным, потому что свет не доходит до него.

Но когда луч опускается на светлые места фотографии, он падает на селеновую поверхность цилиндра. Селен — чудесное вещество, пропускающее электрический ток при свете, и задерживающее его в темноте. В зависимости от того, куда падает световой луч в Чикаго, — на тёмное или светлое, — наш нью-йоркский аппарат получает по проводу ток большей или меньшей силы.

У нас этот ток служит для регулирования тонкой металлической пластинки, которую он то подводит под световой луч, то отводит. Вы можете разглядеть простым глазом, как вибрирует эта пластинка. В зависимости от количества света, воспринимаемого светочувствительной пленкой на нашем цилиндре, у нас, как и в Чикаго, запечатлеваются то светлые, то тёмные места снимка.

Когда, таким образом, вся фотография передана нам по телеграфу из Чикаго, т. е. когда там и здесь развернут весь цилиндр, я получаю готовый снимок, который остается только проявить.

В этот момент опять зазвонил телефон, фотограф взял трубку и крикнул в Чикаго:

„Well, я накладываю теперь новую пленку.

Почти в ту же секунду в аппарате раздался звон, и вращавшийся цилиндр остановился.

Фотограф вынул из аппарата черный футляр, вложил туда новый, и снова привел цилиндр в движение.

„Теперь пойдите в тёмную камеру“, сказал он.

Там горела красная лампа. Он положил пленку в ванночку, и Джон Уоркман увидел, как на ней обозначились темные и светлые места.

Прошло не больше двух минут, и он уже смог разглядеть на снимке очертания огромных зерновых амбаров, пламя, тяжелые облака дыма и толпы народа.

Через четыре минуты снимок был погружен в закрепитель. Через восемь минут фотограф вынул из аппарата другой чикагский снимок, отправился с ним в темную камеру и начал его проявлять, а первый снимок подставил под струю воды. На новой фотографии Джон Уоркман имел теперь возможность наблюдать усиление страшного пожара.

Он увидел, как пожарные лодки, снабженные стосильными паровыми насосами, выкачивали воду из озера Мичиган и целыми потоками окатывали горящие здания.

Когда был готов второй снимок, фотограф бросил его в закрепитель, а первый положил в сосуд с чистым спиртом, прополоскал немного и вынул. Уже через десять секунд фотография совсем высохла.

Фотограф свернул ее, положил в трубку, нажал рычаг, и картинка помчалась по почтовым трубкам здания в гравировальную мастерскую.

„А что теперь будет?“ спросил Джон Уоркман.

„В гравировальной приготовят клише для га-

зеты“, пояснил мистер Грэнси. „Теперь мы туда и направимся.“

Они прошли по нескольким лестницам, которые привели их в фотографическое ателье гравировальни. Джон Уоркман увидел, как фотограф разгладил снимки, переданные по телеграфу и направил на них свой аппарат, в который он вставил пластинки.

Неожиданно ярко загорелись дуговые лампы. Из них брызнул ослепительный фиолетовый свет, так что глазами стало больно. Скоро свет потух, но в продолжение еще нескольких секунд ослепленный Джон Уоркман ничего не видел.

Когда он снова прозрел, фотографы уже уносили проявленные пластинки в гравировальную мастерскую.

„Это — не обыкновенные пластинки, Джонни“, сказал фотограф. „Это — цинковые пластинки, которые теперь будут погружены в кислоту. Через четверть часа кислота вытравит все то, что на снимке должно выйти светлым. А то, что должно остаться темным, — кислота не тронет. Таким образом мы получим клише, по которому начнут печатать стереотипом — так же, как с набора.“

Джон Уоркман увидел, как пластинку положили в кислоту, как ее покрыла жёлтая пена, и как ее снова вынули оттуда. Потом пластинку купали еще несколько раз, пока она не оказалась готовой для вытравливания.

„Но с этой пластинки мы не можем еще печатать стереотипом, мистер Грэнси“, сказал гравировщик. „Для экстренных выпусков мы должны пользоваться оригиналом. В противном случае наш пресс — мамонт привел бы в негодность тонкие и хрупкие пластинки. Поэтому мы должны приготовить несколько клише.“

„Первое клише — готово. Еще есть время, Джонни“, сказал мистер Грэнси, и вместе со своим спутником направился с верхнего этажа, где работали фотографы, — вниз, в машинное отделение.

Они пришли как раз в-время. Набор уже был

в машине, в которую теперь вкладывали одно клише за другим.

Ровно через час по получении фотографий из Чикаго, начал работать пресс-мамонт. — Это произошло через час пятьдесят минут после того, как чикагский агент сфотографировал объятые пламенем амбары.

А еще через десять минут раздался рев газетчиков-мальчуганов на Бродвэе:

„Экстренный выпуск „Нью-Йорк Геральда“! Снимки горящих амбаров в Чикаго, — фотографии переданы по телеграфу!“

Когда Джон Уоркман распродал экстренный выпуск, он снова возвратился в машинное отделение.

„Скажите мне, мистер Грэнси, ведь передача фотографий по проводу — замечательное изобретение? Вероятно, изобретатель стал миллионером!“

„Напротив! — Изобретатель, один немецкий профессор, ухлопал на это дело часть своего состояния, а в итоге вышло для него мало толку. Тот, кто хочет стать миллионером, не должен заниматься подобными изобретениями.“

„Так какими же, мистер Грэнси?“

„Сейчас скажу тебе, к а к и м и“, ответил машинный мастер и начал набивать свою трубку. — „Да, да, сейчас я тебе расскажу, какого рода изобретения я имею в виду.“

Был у меня, например, приятель — Йошуа Эндрьюс из Омаги. Он брал патенты на медицинские изобретения. В 1896 году он осчастливил мир знаменитыми слабительными пилюлями. Так вот, он признался мне, что эти изумительные пилюли состояли всего лишь из сала и толченого кирпича. Они пользовались огромной популярностью, потому что Эндрьюс упаковывал их в очень красивые ярко-красные коробочки. В продолжение одного года он продал целый миллион коробочек. Каждая из них стоила один доллар, — не ему, конечно, а публике!

Йошуа Эндрьюсу они обходились не более как в пять центов, потому что сало и толченый кирпич были в то время чрезвычайно дешёвы в Омаге.

„Но ведь это обман!“ воскликнул возмущённый Джон Уоркман.

„Обман — это слишком некрасивое слово, Джонни. Йошуа Эндрьюс просто считал себя хорошим дельцом.“

Но он, однако, далеко отстал от Джемми Гинтона из Алабамы. Тот отправился в Сен-Луи, где, как известно, черных больше, чем белых.

Он отлично знал все слабости своих черных сограждан! Ему было известно их заветнейшее желание: изменить цвет своей кожи.

„Но это же немыслимо!“ вскричал Джон Уоркман. „Разве можно превратить негров в белокожих?“

„Этого я не знаю, но мне хорошо известно, что Джемми Гинтон приготовил изумительную умывальную воду для негров. Один флакон стоил — доллар, а шесть — пять долларов!“

После ежедневного употребления этой воды — чернейший негр должен был превратиться в белого человека.

„Из чего же состояла эта вода?“ спросил Джон Уоркман.

„Из раствора серной кислоты! Уже после третьего умыванья — даже у мало чувствительных негров кожа висела лохмотьями.“

„Что же дальше?“

„Джемми Гинтон уехал в Канаду, которая по конвенции выдает одних только убийц, да и то неохотно. — Он захватил, конечно, с собою деньги, которые выручил от продажи полутора миллиона флаконов с умывальной водой для негров.“

„А как же негры?“

„Они втирали в себя серную кислоту до тех пор, пока могли еще держаться на ногах. Некоторые, разумеется, погибли, — тогда для остальных понемногу стало ясно, что их жестоко надули! Изумительную умывальную воду для негров вылили в реку,

и вся история понемногу забылась. Негры остались такими же черными, как и были.

Однако, изобретение-то не плохое! Если бы ты, например, или дюжина других молодцов сызнова попытались бы надуть негров, они опять попались бы на удочку.“

„Итак, изобретение передачи фотографий по телеграфу едва покрывает расходы изобретателя, а мошенники зарабатывают миллионы?“ снова возмутился Джон Уоркман. „Если нет других путей для того, чтобы стать миллионером, я не хотел бы им быть! Но я надеюсь найти лучшую дорогу!“

„Алло, Джонни, ты хочешь стать миллионером, — об этом ты мне еще не рассказывал,“ засмеялся развеселившийся Грэнси.

„Конечно, я хочу стать миллионером, — таким вот, как мистер Беннет! Для этого-то я и изучаю производство.“

Так так. „мистер Грэнси задумчиво покачал головой. „Я работал в самых разнообразных предприятиях, но никогда не думал стать миллионером. Мне всегда казалось, что честный человек добьется немногого. Ну, что-ж, может быть, тебе посчастливится! В таком случае поделись со мной своим опытом. — Надеюсь, и для меня еще не поздно разбогатеть.“

„Я буду искать честного пути,“ решительно сказал Джон Уоркман, „и надеюсь, что найду его! Где воля есть, там будет и дело, — это я прочел в одной хорошей книге, и хотел бы, чтобы эти слова подтвердились на мне.“

„Кто знает, может быть, Господь Бог хочет сделать из тебя миллионера. Твоя любознательность — тому порукой. Well, не забудь меня в случае удачи!“

„Не забуду, если и вы обо мне вспомните когда-нибудь.“

Когда Уоркман уходил, мистер Грэнси посмотрел ему вслед и сказал про себя:

„Если не ошибаюсь, он сделан из того теста, из которого выпекаются миллионеры!“

Глава VI.

Почти год прошел со дня смерти маленького Чарли Бекерса. Как-то раз, в послеобеденное время, Джон Уоркман, вопреки своему обыкновению, не появился в машинном отделении газеты. К удивлению матери, он остался в этот день дома.

Молчаливо сидел четырнадцатилетний мальчуган за столом и синим карандашом рисовал всевозможные круги и фигуры на полях газеты.

„Уже два часа,“ сказала мать, думая, что мальчик, углубясь в свои мысли, пропустил время.

„Да, мама, я знаю,“ ответил Джон Уоркман.

„Разве ты не пойдешь к мистеру Беннету?“

„Нет, мама, дело приняло для меня другой оборот.“

Страх проник в сердце матери. Она подумала, что у сына вышли какие-нибудь неприятности, и счастливый случай, который ему представился, может теперь ускользнуть.

„Что у тебя там вышло, Джон?“ нежно спросила она. „Ты поссорился с машинным мастером? Или еще какая-нибудь неприятность?“

„Нет, нет, мама, успокойся! Ни с кем из рабочих я не ссорился, и вообще у меня не было никаких неприятностей.“

„Почему же ты не идешь в таком случае? Подумай, какое блестящее будущее ожидает тебя! Теперь ты уже знаешь многое, — может быть, мистер Беннет скоро даст тебе работу.“

Джон Уоркман посмотрел на неё необычайно серьезно. Матери показалось, что перед ней сидит не её четырнадцатилетний сын, а опытный взрослый человек.

„Послушай, мама,“ сказал Джон Уоркман, „я уже добился кое-чего! Чтобы стать тем, кем я хочу быть, я должен был ознакомиться со всеми мелочами производства гигантской газеты.“

Я изучил работу печатных машин и знаю все их преимущества. — Я видел, что может сделать машина, и насколько она сберегает время и силу.

Разве этого недостаточно, мама? Я уже практически поработал около всех машин, и хоть завтра смогу управиться с любой из них. У меня достаточно познаний для рабочего, труд которого оплачивается сполна: я никого не подведу! Но .“

Джон Уоркман сделал паузу. Он снова принялся разглядывать нарисованные им линии. Взяв карандаш, он начертил еще несколько таких линий на газетном листе.

В этом занятии он находил исход своему беспокойству. Когда ему надо было разрешить какую-нибудь трудную задачу, он всегда чертил всякие завитушки, сами по себе не имевшие никакого смысла.

„Ты должен Бога благодарить за то, что успел уже так много узнать! Тебе всего четырнадцать лет, но по знаниям ты уже можешь равняться с опытным рабочим.“

Подумай, может быть, скоро мистер Беннет предложит тебе место, и ты будешь зарабатывать от двадцати восьми до тридцати долларов!“

„Даже тридцать пять долларов, мама! Ведь за сверхурочные часы получают вдвое больше.“

„Так почему же ты не добиваешься этого? Если ты будешь так же бережлив, как прежде, то уже через несколько лет у нас будет маленькое состояние!“

Мальчуган горько рассмеялся в ответ.

„Нет, это не привлекает меня, мамочка! Мы должны как можно лучше использовать те дары, которые получаем от Господа Бога. Вот, послушай, мама! Если я буду рабочим, то воспользуюсь только четвертью тех познаний, которые уже успел приобрести. А что же будет с другими тремя четвертями?“

„Не понимаю тебя, возразила мать. „Я думаю, каждый человек отдаёт работе, которой занимается, не четвертую часть своих сил, а всю свою силу.“

„Нет, мама, — уж извини меня: жизнь научила меня другому. Видишь ли, есть большая разница между людьми: одним Бог дает силу, а другим — ум.“

Люди, богатые одной только физической силой,

действительно, отдают своей работе все, что имеют, и это их удовлетворяет.

Другое дело — люди с умом. Они могут сполна использовать все свои силы только в том случае, если работа находится в соответствии с деятельностью их разума.

В типографии и в машинных отделениях мне говорили, что я парень довольно смыслённый.

И вот я должен сказать тебе, мама, что в предприятии мистера Беннета — для меня нет такого места рабочего, на котором я смог бы использовать все свои силы и почувствовать себя вполне удовлетворённым.“

Большими глазами смотрела на него мать. Впервые вышел у нее такой разговор с сыном. Он, её мальчик, казался ей теперь каким-то далеким и непонятным.

Она почувствовала ту боль и ту горечь, которые испытывают многие матери, когда детское платье становится слишком узким для их сыновей.

Она не знала, что ей ответить.

То, что сказал ей Джон, было для неё слишком сложно.

Она живо чувствовала правду в словах сына, но ум её никак не мог вместить их смысла. Беспомощно глядела она на Джона, который снова принялся вычерчивать всякие завитушки на бумаге. Наконец, она сказала:

„Что же теперь будет, Джон? Не можешь же ты всю жизнь торговать газетами!“

Глаза у Джона разгорелись:

„Почему же нет?“ сказал он с легкой усмешкой.

Женщина нервно сжала руки. „Но, Джон, — ведь это мальчишеская работа!“

„О нет, мама!“ засмеялся Джон Уоркман. „То, что я до сих пор делал, делает и мистер Беннет. — Он продает газеты!“

Вся разница только в том, что он продает свои собственные газеты. Послушай, мама! После того как я познакомился с тем, как он продает свои

газеты, у меня засела мысль делать то же самое — я хочу продавать свои собственные газеты!“

„Что ты говоришь?“ воскликнула мать. „Ты хочешь продавать свои собственные газеты? Джон, Джон, я боюсь, что ты такой же фантазер, как и твой отец.“

„Надеюсь, что нет! Ведь, у меня,“ — он бросил плутовский взгляд на свою мать, — „много трезвости, которую я унаследовал от тебя. Я думаю, практическая сметка будет сдерживать полет моей фантазии.“

Ты же сама всегда говорила, что я не мечтатель, как отец,“ — он стянул мускулы на лице, — „я уже практик и зарабатываю деньги.“

„Знаю, Джон, знаю! Почему же ты в таком случае не хочешь поработать некоторое время у мистера Беннета, как все рабочие?“

„Нет, мама, мне надо еще многому научиться, и мистер Беннет не сможет вознаградить меня за понапрасну упущенное время. А ты не беспокойся, мамочка, — пока я жив, мы голодать не будем. И не сердись на меня: я стремлюсь к тому, к чему имею влечение и склонность.“

Он поднялся и увидел, что мать смотрит на него глазами, полными слез. Серьезность его исчезла. Он снова стал мальчуганом.

Джон бросился обнимать и целовать свою мать.

„Мамочка, не печалься! Ведь это так прекрасно — то, чего я хочу!“

„Знаю, Джон, знаю! Я вполне согласна со всем, что ты мне говорил. Ведь, дурным мой Джон никогда не будет.“

Неожиданно постучали в дверь, но они не обратили на это внимания. В комнату вошел десятилетний газетчик Фрэд Бэрнэй.

„Алло, Фрэд,“ удивлённо сказал Джон и высвободился из объятий своей матери. „Что случилось? Что тебе нужно?“

Тут Джон заметил крупные слезы на глазах Фрэда.

„Что такое, Фрэд? Отчего ты плачешь?“

„Да, Джон,“ хрипло сказал мальчуган. „У меня несчастье. Не знаю, чем помочь горю. Полиция забрала моего брата Роберта.

„Роберт арестован? Но он, ведь, хороший парень. — Зла от него никто не видал. Что же он сделал?“

„Ничего,“ всхлипывая ответил Фрэд.

„Вот что, Фрэд,“ сказал Джон, „сядь сюда за стол, вытри слёзы и постарайся все рассказать, как можно яснее! Иначе я не смогу ничем тебе помочь.

А ты, мамочка, пожалуйста, оставь нас наедине! Может быть, Фрэд будет стыдиться тебя.“

Мать, не возражая, вышла в кухню. Когда дверь за ней закрылась, Джон обратился к несчастному мальчику:

„Перестань реветь, Фрэд! — ты ведь не старая баба!“

„Конечно, конечно,“ всхлипывая согласился с ним мальчуган, „но подумай только, что случилось!“

Иду я с братишкой по Бродвэю — мы еще не успели продать все наши газеты. Брат на минутку задержался у витрины. Рядом с ним стояли — дама и еще двое каких-то молодцов.

Вдруг дама — как завопит! — зовёт полицию, хватая братишку за плечо и кричит:

„Этот негодяй украл у меня сумку!“

Появляется сыщик и задерживает брата. Кругом, конечно, собирается толпа и, подумай, Джон, из пачки газет, что была у брата подмышкой, сыщик вытаскивает золочёную сумочку с разорванной цепочкой!

Брат клянётся, что он тут ни при чем, но ему не верят и тащат в полицию.

Ах, Джон, если бы ты мог помочь ему! — иначе он погиб!“

Джон Уоркман сложил руки на груди и нахмурился.

„Это скверная история, Фрэд,“ сказал он, помолчав. „Я думаю, твоему брату ничем не поможешь.“

„Но ты, ведь, знаешь, Джон, что мой братишка никогда воровством не занимался.

„А как мы это докажем?“

„Ах, Джон,“ сказал Фрэд Бэрнэй, „ты ведь в сѐ можешь! Помоги ему! Наши ребята посоветовали

мне как можно скорее итти к тебе. Ты — единственный, кто может помочь.“

„Попробую, поскольку это в моих силах. Вот что, — мы тотчас же отправимся к адвокату мистера Беннета. Он даст нам совет.“

Через полчаса Джон Уоркман уже находился в бюро адвоката Франка. Сейчас же по предъявлении чудодейственной карточки мистера Беннета оба мальчугана были приняты.

Внимательно выслушав всю историю, адвокат сказал:

„Не стану вас обнадеживать, Джон Уоркман!

Похищенную вещь нашли у Роберта Бэрнэя, и дама, которая утверждала, что он вор, будет говорить то же самое и на суде под присягой. Никакие оправдания тут не помогут. Я думаю, Роберта Бэрнэя сошлют на острова или посадят в тюрьму.

Но я заинтересовался этим случаем и возьму на себя дело защиты.“

Когда Джон Уоркман вместе с плачущим Фредом приближался к зданию газеты, он упорно думал над тем, что следует предпринять в связи с этой скверной историей.

Через полчаса первый вечерний выпуск газеты был распродан, и он решил, что теперь не имеет смысла возвращаться домой.

Глазами, полными мольбы, смотрел Фред на своего старшего товарища. Это доверие мальчугана возбуждало Джона; он думал: „обязательно надо помочь Роберту!“

Вдруг Джон резко свистнул.

„Нашел, Фред, нашел! Дело для меня теперь ясно — ты должен вспомнить, как выглядели те два молодчика, что стояли рядом с дамой: если ты сумеешь описать их нашим ребятам, дело пойдет на лад!

Сможешь ли ты это сделать?“

„Почему бы нет, Джон? Одного из них я даже знаю. Это — Билль Смит; он живет в Бруклине. Мы с ним вместе учились в школе. Но туда он заглядывал редко, — и его за это не раз наказывали.

После школы, вместе с другими молодцами, он не раз участвовал в кражах.“

„Значит, это — bad boy (скверный парень)! Мы должны сейчас же поехать в Бруклин и попытаться

словить ловкача! Ну, а второй вечерний выпуск сегодня уже не придется продавать. Дело Роберта — поважнее!”

„Что ты будешь делать у Билля Смита?“ спросил Фрэд Бэрнэй.

„А вот увидишь! Главное — нам нужно его найти! Есть ли у него родители?“

„Как же! Его отец — содержатель винной лавки.“

После этого в продолжение нескольких часов искали мальчики жилище Билля Смита. Только наступление ночи заставило их прекратить поиски.

Попрежнему всхлипывая, возвращался Фрэд домой. Джон был также в плохом настроении, однако, как умел, утешал мальчугана.

„Утро вечера мудренее,“ говорил он ему.

„Завтра уже поздно будет,“ плача возражал Фрэд. „Завтра утром братишку поведут к судье, и тот его накажет.“

В эту ночь Джон Уоркман не сомкнул глаз. Ища выхода из скверного положения, он пристально вглядывался в темноту своей комнаты. В невиновности Роберта Бэрнэя он был уверен.

На другой день утром Джон сказал своим товарищам, чтобы они — перед тем как пойти в школу. — еще раз собрались у здания газеты: он должен сообщить им нечто очень важное!

Через два часа все мальчуганы снова были около дворца газеты. Джон Уоркман сказал им:

„Ребята! Вы наверное знаете, что вчера был арестован Роберт Бэрнэй. Считаете ли вы его виновным?“

Глаза мальчуганов вспыхнули от негодования.

„Нет!“ закричали они. „Роберт Бэрнэй — честный парень! Мы все можем подтвердить это.“

„Но это дела не спасает,“ возразил Уоркман. „Вы все могли бы помочь мне в другом отношении. Знает ли кто из вас Билля Смита из Бруклина?“

„Знаем, знаем!“ крикнули двое. „Мы ходим с ним в школу. Он — дурной мальчик!“

„Это мне известно!“ ответил Джон. „Вчера я хотел разыскать молодчика, но мне это не удалось.“

„Пять минут тому назад я видел его на Бродвэе. С ним шло еще несколько других школьников,“ крикнул один из мальчуганов.

„Где ты их видел?“ спросил Джон Уоркман.

„Около 32-ой улицы. Они всегда там бродят.“

„Нельзя терять времени, ребята! Сейчас половина восьмого, а уже в десять часов Роберта Бэрнэя поведут в суд, чтобы решить, виновен он или нет. К этому времени мы должны доставить парня в суд. Помогите мне, ребята, словить Билля! Мне нужно с ним серьезно поговорить.“

Я хочу доказать невинность Роберта Бэрнэя! Билля, а не Роберта следует засадить в тюрьму! Чтобы он от нас не убежал, разделимся на две партии. Каждая из них пойдет по одной стороне Бродвэя вплоть до 32-ой улицы. Кто встретит Билля Смита, пусть задержит его!“

Одобрив план Джона, мальчуганы отправились в путь. Искать им пришлось недолго.

Билль Смит стоял около киоска, торговавшего табаком и сладостями, и оделял четырех молодых папиросами. Джон Уоркман подошел к нему, положил руку на его плечо и сказал:

„Well, Билль Смит, рад тебя видеть! Я должен поговорить с тобой.“

Билль был парень ражий, — почти на голову выше нашего героя.

„Чего тебе от меня нужно, маргышка?“ презрительно бросил он Джону.

„Я должен с тобой поговорить!“ спокойно повторил Джон Уоркман.

Тут Билль и его товарищи заметили остальных мальчуганов-газетчиков, тесно окружавших Джона.

„Чего вам от меня надо?“ крикнул еще раз Билль, чувствуя опасность и сунул правую руку в карман.

Никто ему ничего не ответил. Все мальчуганы ждали, что скажет Джон.

„Дай дорогу!“ завопил Билль и оттолкнул Джона. „Пусти меня, или плохо будет!“ угрожающе крикнул он.

„Хорош фрукт!“ сказал Джон, все еще сохраняя спокойствие. „Ты напрасно думаешь, что мы пришли сюда, чтобы дать тебе дорогу. Мы хотим задержать тебя и этих вот молодцов, чтобы вместе отправиться в суд, где сегодня будут судить Роберта Бэрнэя!“

Краска выступила на лице Билля, и Джон, пристально его наблюдавший, заметил это. Теперь для него стало ясно, что Билль виновен в краже.

Негодяй нагло расхохотался.

„Чорт возьми!“ крикнул он, „какое мне дело до Роберта Бэрнэя? Я не запихивал сумки в его газеты!“

„Вот как!“ воскликнул Джон Уоркман. „Так кто же это сделал? Кто-нибудь из твоих товарищей?“

„Это — неправда!“ вставил один из приятелей Билля. „Он солжёт, если согласится с этим!“

„Слышали?“ крикнул Джон Уоркман. „Теперь всё ясно! Сейчас же иди со мной в суд!“

„Чорт тебя побери!“ завопил Билль и злобно сверкнул глазами на Джона.

„Берите его!“ приказал Джон своим друзьям.

Когда Билль Смит увидел вокруг себя сжатые кулаки, он ловко, словно настоящий грабитель, бросился к дверям табачного киоска и высвободил правую руку из кармана брюк. Перед глазами испуганных мальчуганов блеснул револьвер.

Никто из них не успел еще подумать о защите, как Билль уже навел на них дуло револьвера и, не целясь, дал несколько выстрелов. Многие из мальчуганов с громким криком повалились на землю.

Джон Уоркман, словно его ударили плетью, почувствовал острую боль чуть ниже плеча.

В продолжение нескольких секунд мальчуганы пребывали в состоянии слепого ужаса.

Страшный гнев охватил Джона. Как кошка, прыгнул он на Билля и повалил дюжего парня на землю.

Но более сильный, испытанный в драках Билль еще не сдавался; он выхватил из кармана нож. В

этот момент десяток успевших опомниться мальчуганов набросились на него и схватили за руки.

На шум прибежал полисмен.

Четверо мальчуганов были ранены пулями Билля Смита. Полиция отвезла их в карете скорой помощи в госпиталь.

Один из полисменов, отерший кровь на рукаве Джона, спросил его, не ранен ли он. Тот ответил отрицательно, -- вероятно, он лишь немного оцарапался во время схватки с Биллем

В тот самый суд, где как раз в этот момент уже судили Роберта Бэрнэя, полиция, по указанию Уоркмана, доставила Билля Смита.

С уважением посмотрел судья на Джона Уоркмана и его товарищей-газетчиков, когда они рассказали ему о своей схватке со Смитом.

Отвечая на строгие вопросы судьи, Билль Смит уже не смог отрицать свою вину.

После краткого допроса правда вышла наружу.

Билль Смит надрезал цепочку сумки и, заметив опасность, засунул добычу в пачку газет стоявшего поблизости Роберта Бэрнэя.

Полисмен, обыскавший Билля, нашел в его карманах целый ряд воровских инструментов.

После обнаружения этой существенной улики суд пришел к выводу, что имеет дело с преступником, хоть и молодым, но уже опытным.

Роберт Бэрнэй был немедленно освобожден из-под стражи. Судья сказал ему:

„Своей свободой ты обязан этому вот маленькому Шерлоку Холмсу! Он ловко провел твое дело.“

Все глаза обратились на Джона Уоркмана, который стоял у судейского стола. Несмотря на всю выдержку, он неожиданно почувствовал себя плохо, страшно побледнел и упал.

Полисмен и сам судья подбежали к нему и увидели, что он ранен в руку. Потеря крови была причиной его слабости.

К счастью, ни он, ни его товарищи не были ранены опасно: после перевязки все смогли вернуться домой.

Однако, на время они должны были отказаться от работы. Тогда Роберт Бэрнэй сговорился со своими товарищами, что они вплоть до окончательной поправки будут уделять часть своего заработка Уоркману и другим раненым.

Опять имя Джона Уоркмана появилось на первой странице „Нью-Йорк Геральда“; и во второй раз получил он письмо от мистера Беннета, в котором газетный король поздравлял его с геройским поступком и выражал желание увидиться с ним в самом ближайшем будущем.

Для Джона Уоркмана, сидевшего дома без дела, было большой радостью видеть заботливость и внимание товарищей. И чем больше он думал, тем больше утверждался в своих планах, выполнение которых должно было послужить ко благу близких ему людей.

Глава VII.

Прошло несколько недель, прежде чем Джон Уоркман смог наконец подняться с постели и выйти на улицу.

Окончательно выздоровев, он, как и прежде, направился к зданию „Нью-Йорк Геральда“ Распродав очередной выпуск газеты, он снова пошел учиться в предприятие газетного короля, — на этот раз в бумажное отделение, где работал старый мастер Миллер. Саксонец по происхождению, он двадцати двух лет приехал в Соединенные Штаты и был принят на службу в предприятие Беннета. Рабочие бумажного отделения не долюбливали его за угрюмость нрава.

Когда к нему явился Джон Уоркман, Миллер нахмурился и пробормотал что-то о глупых молоко-сосах, которые лезут к нему, чорт знает зачем и почему. Мальчуган пристально на него посмотрел и сказал:

„Вы здесь — главный, — поэтому я и обращаюсь прежде всего к вам. Если у вас нет времени, пошлите меня к одному из ваших подручных. И

потом я совсем не молокосос, а вы вообще невежливы!“

„Что-о?!“ Старик даже рот открыл от изумления: он не привык к такому обращению. Затем он неожиданно засмеялся и подал Джону руку.

„Гм ты мне нравишься! — Видно, парень бравый! — Хорошо, я посвящу тебя во все тайны бумажного производства. Для начала запомни следующее: кради все, что ни попадетя! Так меня учили еще в Германии. Понял?“

„Но, мистер Миллер!“ вскричал изумлённый Джон. „Ведь это нечестно! Неужели в Саксонии все так и делают?!“

„Успокойся!“ — улыбнулся мистер Миллер. „Кради не руками, а глазами. — Глазей, но не лапай! — так говаривал мой учитель в Германии. Если хочешь достичь чего-нибудь, иди в мир с раскрытыми глазами! Всё подмечай, всему учись!“

„А можно таким образом стать миллионером?“ спросил Джон Уоркман.

„Почему бы нет, Джонни? У кого острый взгляд, тот всё может. А теперь я расскажу тебе о бумажном производстве.“

И старик Миллер начал свое повествование.

Сперва он рассказал Джону о временах давно минувших, — о том, как он работал для мистера Беннета в девственных лесах Южной Америки. — Там деревья не спиливали, а взрывали динамитом. Затем он поведал кое-что о живописной жизни на этих лесных разработках, и, наконец, — о самом производстве, о том, как зеленое дерево превращается в белую бумагу.

Многое уже было известно Джону. Но он слушал рассказ старика, затаив дыхание, с разгоревшимися глазами.

„Всё ли тебе ясно, мой мальчик?“ спросил его мастер.

„Да, теперь все ясно! Но вот что меня еще занимает: целые леса идут на бумагу лишь для того, чтобы на ней печатать “

„Ты, конечно, прав,“ сказал Миллер. „Но о том, что именно на бумаге печатают, порасспроси в наших редакциях. В этих делах я не знаток.“

„Я так и сделаю. По моему, редакционная работа — самая важная во всём предприятии,“ сказал Джон.

„Этого не берусь решать, ответил бумажный мастер. „Советую тебе обратиться в редакцию к моему другу мистеру Чарли Бэрнсу, — уж он тебе все расскажет.“

„Я обязательно пойду к нему,“ сказал Джон Уоркман, „а вас очень благодарю за хороший совет.“ Он крепко пожал руку старику.

На другой день Джон отправился в редакцию разыскивать мистера Бэрнса.

Редактор, еще совсем молодой человек, с интересом оглядел Джона Уоркмана, — каждый в предприятии знал, что мальчуган находится под особым покровительством самого газетного короля.

Чарли Бэрнс дружески поздоровался с Джоном Уоркманом и предложил ему сесть.

„Что привело тебя ко мне?“ спросил он Джона, который с изумлением оглядывал скромный кабинет.

Он совсем по-другому представлял себе редактора. Раньше ему казалось, что редактор должен быть важным стариком с седой бородой, который восседает в огромной комнате, сплошь заставленной книгами.

Однако, его предположения не оправдались! Джон видел перед собой гладко выбритого человека лет тридцати.

Глаза редактора весело поблескивали. Он курил сигаретку.

„Я хотел бы узнать у вас,“ начал Джон Уоркман, „откуда достаете вы сведения, печатаемые в газетах?“

„Не я один получаю сведения и пишу статьи. Одной головы для этой работы мало.“

„Об этом я и раньше думал,“ сказал Джон Уоркман. „Вы не совсем верно поняли мой вопрос.“

Я хотел бы узнать, откуда вы лично получаете сведения?»

„Зачем тебе это нужно знать?“

„Зачем?“ Джон Уоркман удивился этому вопросу. Помолчав несколько секунд, он сказал:

„Со временем я хочу стать тем же, что и мистер Беннет.“

„Мое почтение!“ — молодой редактор рассмеялся. „У тебя очень скромные аппетиты! Желаю успеха! Что же, ты уже знаешь, какие средства необходимы для достижения этой цели?“

„Конечно,“ ответил Джон Уоркман. „Поэтому я и пришел к вам; мне хочется поучиться у вас редакционной работе.“

„Ага! понимаю!“ сказал редактор: его забавлял тон мальчугана. „Тебе мало даст, если я расскажу, каким образом я собираю необходимые сведения. В моем деле главную роль играет особое чутье.“ Он взглянул на лежавшие перед ним листки.

„Посмотри-ка! Тут у меня целые дюжины заметок. Я отдаю в печать только те, которые имеют интерес для публики. Но перед тем я должен их обработать, — придать им надлежащую форму.“

„Все эти заметки вы получаете от репортеров?“

„Да, мой мальчик.“

„Что это за люди?“

„Это, милый мой, самые разнообразные люди. Если бы ты, например, рассказал мне о преступлении, несчастном случае или ещё о каком-нибудь происшествии в городе, то был бы моим репортером.“

Если принесённое тобой известие окажется интересным, я занесу его на бумагу, и ты получишь гонорар, который у нас выплачивается построчно.“

„Я не знал, что на этом можно заработать много денег.“

„Почему же нет?“ возразил редактор, „ты не плохо зарабатываешь, если доставишь интересные сведения, не известные мне из других источников.“

В этот момент редактору доложили:

„Мистер Вилли Рунгэ.“

„Прошу,“ сказал редактор и обратился к Джону Уоркману:

„Сейчас ты увидишь одного из моих репортеров. Он работает у нас около двух лет. От него я получаю большую часть моих сведений.“

Вошел элегантно одетый молодой человек лет двадцати пяти и дружески поздоровался с редактором.

„Что нового?“ приветливо спросил его последний.

„Целая куча новостей! Я только что из Гобокена. — Вместе с Петрозино, шефом итальянского отделения полиции, я побывал там в настоящем разбойничьем гнезде.“

Уже целую неделю я выслеживал молодцов. Вчера вечером мне удалось обнаружить их убежище, о чем я сразу же поставил в известность Петрозино. И вот, сегодня утром, с ним и его сыщиками я отправился в Гобокен.

Мы накрыли всю шайку, пятнадцать человек, — все итальянцы.

Эти молодчики принадлежат к опасному сообществу „Черная Рука“. Две недели тому назад они похитили сына итальянского торговца Томазелли, — и надеялись получить выкуп.

Полагаю, что эта история послужит темой для передовой статьи вечернего выпуска.“

„Безусловно,“ согласился редактор. „Сейчас вас проведут в отдельную комнату, — там вы напишете статью. Имеются ли у вас снимки?“

„Конечно,“ ответил репортер. „Мне кажется, я удачно заснял своим кодаком сцену борьбы между сыщиками и преступниками. Я тотчас же отправлю пластинки в фотографическую лабораторию, — их проявят, пока я буду писать.“

Редактор нажал электрическую кнопку на своем письменном столе. Появился мальчик-рассыльный. Он велел ему отвести репортера в свободную рабочую комнату.

Когда репортер вышел, редактор обратился к Джону:

„Вот тебе первый практический урок репортажа.“

Настоящий репортер не только ждет событий, — он гонится за событиями, и даже помогает полицейским ищейкам.“

Снова появился мальчик-рассыльный и положил телеграмму на письменный стол мистера Бэрнса.

Редактор быстро прочёл ее, посмотрел на часы, вынул из стола маленький жестяной ящичек и сунул туда телеграмму. Затем он запер ящичек и бросил его в особое отверстие, имевшееся в его письменном столе. После этого он нажал рычаг. Раздалось легкое шипение. Через несколько секунд Джон услышал следующий разговор по телефону:

„Метранпаж! Сейчас вы получите телеграмму. Она должна появиться — еще в обеденном выпуске.

Что?! — набор уже готов? — В таком случае выкиньте известие о пожаре в Питсбурге и напечатайте вместо него мою телеграмму.“

Он бросил трубку и обратился к Джону:

„Это была телеграмма по морскому кабелю из Лондона.

Если бы я получил ее минутой позже, она не смогла бы появиться в дневном выпуске.

В нашем деле дорога каждая минута. Если бы мы напечатали эту телеграмму в вечернем выпуске, то это могло бы принести большой ущерб нашей промышленности.

Телеграммы этого рода находятся в ведении моего коллеги мистера Бутлера, редактора отделения биржевых известий. Но он уже два дня болен, и я его замещаю.“

„Могли бы вы мне сказать, что это была за телеграмма?“

„Почему бы нет? Но ты едва ли поймёшь, в чем тут соль! В телеграмме всего три слова: Пьерпонт Морган заболел.“

„Да, я ничего не понимаю! Каким образом люди в Америке могут потерпеть страшные убытки от того, что в Европе захворал Морган?“

„Сейчас объясню тебе, мой мальчик. — Крупных богачей, в руках которых сосредоточены такие предприятия, как угольные копи, железные дороги,

машиностроительные заводы, или другие не менее важные отрасли промышленности, сотни людей ссужают тысячами долларов, чтобы они могли успешно вести свое дело. Если один из таких миллиардеров заболевает, для мелких капиталистов, вложивших свои деньги в его огромные предприятия, возникает опасность, — как бы они не стали получать при новом владельце меньше процентов, чем при старом, уже испытанном руководителе. В американских предприятиях Пьерпонта Моргана заинтересовано 20—30.000 человек. Для них вопрос о здоровье миллиардера имеет чрезвычайную важность. В момент получения известия о болезни такого человека, как Морган, должны упасть в цене выпущенные им акции, или, — чтобы тебе было понятнее, — долговые обязательства на его фабрики и заводы.

Представь себе, что ты купил акцию моргановских предприятий в 1000 долларов. Эта акция приносит тебе от девяти до двадцати или даже тридцати процентов прибыли. Это значит, что акция, которой ты обладаешь, имеет для тебя большую ценность, чем тысяча долларов.

За такую акцию ты можешь получить на бирже чуть ли не вдвое больше выставленной на ней цены — или, по крайней мере, на несколько сот дороже. Увеличение прибыльности акции всегда повышает её стоимость.

Если же какие-нибудь обстоятельства приводят к сокращению прибыли или, быть может, к её полному прекращению, акция падает в цене, — за нее тебе дадут тогда меньше тысячи долларов.

Надеюсь, ты имеешь теперь общее представление о биржевых спекуляциях ценными бумагами.

„Мне все еще не ясно,“ ответил Джон Уоркман. „До сих пор я думал, что такие миллиардеры, как Пьерпонт Морган, вкладывают в свои предприятия только собственные деньги. А вы говорите, что они получают деньги от других людей, — и эти капиталы составляют их имущество.“

„Не совсем так! Я вижу, ты еще не вполне уразумел. Вдумайся в следующее.“

Предположим, где-нибудь на нашем Западе ты находишь источник нефти. У тебя как раз столько денег, чтобы купить данный участок земли. Собственник при этом, конечно, не знает, что ценность его участка равняется, быть может, богатству целого государства.

Но у тебя нет больше ни гроша: не с чем начать разработку!

Нужны деньги. Откуда их достать?

В таком случае — путем газетных объявлений — ты можешь обратиться к капиталистам с предложением ссудить тебя деньгами.

Получив некоторый капитал в долг, ты обязуешься выплачивать своим кредиторам определенный процент прибыли.

Если тебе, в продолжение нескольких лет, удастся хорошо заработать, и уже не будет нужды в чужих капиталах, ты сможешь выкупить все свои долговые обязательства или нефтяные акции, цена которых будет зависеть от биржи, где обращаются все ценные бумаги.

Лишь тогда ты станешь полным обладателем всех богатств, заключающихся в твоём нефтяном источнике.“

„Как это хорошо устроено,“ воскликнул Джон Уоркман. „Очень вам благодарен за ваши разъяснения. Значит, достаточно найти залежи нефти или угля, — и ты уже богатый человек!“

Редактор рассмеялся. „Должен тебе сказать, что капиталисты вкладывают свои деньги и в другие начинающиеся предприятия, а также ссужают изобретателей.“

Все большие состояния в Америке, и вообще во всем свете, составились путем удачных спекуляций.

Те, кто занимаются технической или умственной работой в чужих предприятиях, никогда не становятся миллионерами. Только очень редко, участвуя в прибылях предприятия, приближаются они к богатству.“

Удивленно смотрел Джон на редактора. Его мысль усиленно работала.

Он увидел мир с совсем новой стороны. Только теперь представил он себе путь к богатству. Он понял, что никакая, хотя бы самая усиленная и плодотворная, техническая или умственная работа не дает возможности разбогатеть.

„Можно вам предложить еще один вопрос?“ обратился он к редактору. „Не знаете ли вы, каким образом мистер Беннет основал свою газету?“

„Конечно, знаю. У отца мистера Беннета была большая лесная ферма на далеком Западе. Начав порубку, он скоро увидел, что перевозка его леса в Нью-Йорк или Бостон обходится слишком дорого.

Тогда он решил делать из дерева бумагу, которую продавал по всей Америке. Вскоре он пришел к выводу, что лучше всего самому использовать бумагу. Тогда он основал в Нью-Йорке газету. Печатая на своей собственной бумаге, он много выиграл. К тому же ему удалось заполучить ценных сотрудников, которые сумели привлечь к его газете внимание публики.

На этом примере видно, что можно разбогатеть, не прибегая к чужим капиталам.“

В этот момент на письменном столе зазвонил колокольчик. Редактор открыл клапан и вынул из выше описанного отверстия маленький жестяной ящичек.

В нем находился текст телеграммы, отпечатанный на клочке бумаги. Редактор начал корректировать. Быстро исправив одну ошибку, он снова положил телеграмму в жестяной ящичек и нажал рычаг. Ящичек исчез в отверстии.

„Пожалуйста, объясните мне устройство этого механизма,“ попросил Джон.

„Это пневматическая почта. Особые трубки ведут из моего помещения на восемнадцатый этаж, где работают наборщики. Это значительно облегчает пересылку корректуры.“

„Многому можно у вас поучиться,“ задумчиво сказал Джон Уоркман. „А что это такое — корректура?“

„Это очень просто. Случается, что наборщики искажают текст. Поэтому мне всегда присылают оттиски каждой набранной статьи. Я исправляю отдельные слова, посылаю текст обратно и затем получаю новые оттиски, которые уже содержат все мои исправления.“

В это время в комнату вошел рассыльный. Он положил какую-то папку на письменный стол и остался ждать в дверях.

Редактор открыл папку. Джон Уоркман заметил, что она была наполнена снимками.

Мистер Бэрнс начал их внимательно разглядывать. Некоторые отбрасывал в сторону. Оставшиеся фотографии он наклеил на большой лист бумаги.

Закончив эту работу, он взял телефонную трубку.

„Вы готовы, мистер Рунгэ?“

„All right, я жду.“

„Приходите ко мне!“

„Зачем вы так аккуратно наклеили эти снимки на бумагу?“

„Сейчас сюда придет мистер Рунгэ, и тогда ты все узнаешь. Статья будет напечатана вместе с этими снимками. Наши рисовальщики приделают к ним виньетки.“

В дверь постучали. Редактор произнес: „come in.“ В бюро вошел мистер Рунгэ.

Не успев еще сесть на стул, он уже начал читать редактору свою статью.

Редактор то и дело отпускал отдельные замечания. Когда репортер окончил, он сказал ему:

„Я не вполне доволен заголовком, — он невыразителен.“

Еще несколько десятков заглавий было отброшено. Наконец, было найдено то, что требовалось. Тогда редактор на верху листа со снимками сделал надпись синим карандашом. Затем, чтобы наборщики знали, в каком порядке набирать строки, он пометил текст цифрами и передал папку рассыльному. Репортер закурил папиросу. Он ждал корректуру.

„Может быть, вам интересно знать, кто это сидит у меня,“ сказал редактор.

Мистер Рунгэ засмеялся.

„Я был бы плохим репортером, если бы не знал, что это никто иной, как Джон Уоркман.“

„Разве вы меня знаете?“ удивленно спросил Джон.

„Конечно, мой мальчик! Нам, нью-йоркским репортерам, ты хорошо известен. В свое время я написал статью о том, как ты хоронил маленького Чарли Бекерса. Недурно тогда заработал!

Если ты когда-либо выкинешь что-нибудь в этом роде, сообщи мне, прежде чем это станет известным моим коллегам. Барыши — пополам!

Жаль, что я не видел сцену пальбы! Когда ты выступал в роли Шерлока Холмса! Об этом можно было бы написать великолепную статейку. Но нельзя быть сразу повсюду.“

„Я хотел бы тоже стать репортером,“ сказал Джон Уоркман. „Мне кажется, что я смог бы написать много интересного. Вы бы кое-что изменили, и таким образом составила бы статья!“

„Это ново!“ засмеялся редактор. „Ты был бы тогда самым младшим сотрудником нашей газеты. Знаешь ли ты что-нибудь интересное?“

„О, очень много,“ ответил Джон. „Продавая газеты, я нередко наблюдаю происшествия, которые стоило бы описать.“

„Я думаю!“ согласился редактор. „Расскажи-ка теперь кратко какую-нибудь историю.“

„Извините “ сказал Джон Уоркман и бросил значительный взгляд на дымящего папиросой репортера. — „Вы видите, — мы не одни!“

Редактор расхохотался.

„Браво, браво! Ты, я вижу, знаешь, что такое конкуренция. Прямо бесподобно! Молодец!“

„Ах, шельма!“ воскликнул репортер, „а я уж мечтал получить тему для статьи.“

„Я так и думал,“ заметил Джон, „но мне самому хочется заработать.“

В этот момент принесли первые корректуры. Редактор и мистер Рунгэ немедленно принялись за работу.

Они читали корректуру с лихорадочной поспешностью. Просмотренные длинные столбцы были тотчас же опущены в пневматические трубки.

Вскоре прибыли также подготовленные к печати снимки.

Джон Уоркман с напряжённым интересом наблюдал за работой. Не прошло и часа, как на письменном столе редактора уже лежали окончательно готовые к печати тексты, снимки и рисунки. Редактор в последний раз просмотрел все эти матерьялы и дал, наконец, разрешение печатать.

„Сейчас я хочу еще заглянуть в гравировальную мастерскую, а завтра принесу вам свою первую статью,“ сказал Джон.

„Прекрасно, мой мальчик! Может быть, ты станешь опасным конкурентом твоего старшего товарища. Я думаю, ты видишь и подмечаешь много такого, на что взрослые не обращают внимания.“

Затем он обратился к мистеру Рунгэ: „Что вы там опять пишете? Уже новая статья?“

„Один момент .“ ответил мистер Рунгэ, „сейчас будет готово. Прекрасная статья! Теперь слушайте:

Самый юный американский репортер.

Начиная с завтрашнего дня, читатели нашей газеты будут с интересом читать статьи самого младшего репортера нашей газеты, четырнадцатилетнего Джона Уоркмана. В его статьях мы сохраним наивность стиля и отроческую свежесть восприятия. Таким образом мы дадим совсем новый вид репортажа.

Вероятно, наиболее постоянным из наших читателей уже знакомо имя Джона Уоркмана. Год тому назад он вместе со своими коллегами-газетчиками устроил пышные похороны своему товарищу Чарли Бекерсу.

Читатель, может быть, припомнит, что совсем недавно Джон Уоркман выступил также в роли Шер-

лока Холмса. Он задержал на Бродвэе целую банду юных преступников и спас таким образом своего товарища Роберта Бэрнэя, который был арестован по подозрению в совершении карманной кражи.

В настоящее время Джон Уоркман только что оправился от раны, причиненной ему пулей предводителя шайки Билля Смита, и будет теперь работать в нашей газете в качестве репортера. Мы уверены, что и в этой области он совершит нечто незаурядное. Его статьи будут подписаны полным именем.“

„Вы вполне достойны своего места, мистер Рунгэ,“ сказал удовлетворенный редактор.

„Полагаю,“ согласился репортер. „Наше ремесло требует использования каждого подходящего случая. Годится ли статья?“

„Да, да!“

„All right,“ сказал мистер Рунгэ. „В статье 29 строк, вместе с заглавием — 32. За каждую строчку 25 центов. Итого 8 долларов.“

Этим заработком я обязан моему юному коллеге Джону Уоркману. По сему случаю пойду с ним обедать на Бродвэй.“

Он протянул Джону руку, которую тот крепко пожал. Они распрощались с редактором и отправились в ближайший к зданию газеты ресторан, где репортер заказал роскошный обед, истратив на него свой гонорар.

Раставаясь, они условились встретиться в субботу в редакции у мистера Бэрнса, чтобы совершить совместное турнэ по Нью-Йорку.

Вечером, в постели, Джон Уоркман почувствовал, что за этот день он выучился большему, чем за весь год своего ученичества в предприятии мистера Беннета.

Словно отлитые из бронзы стояли перед ним слова мистера Бэрнса: большие состояния наживаются — или крупными работодателями, или счастливыми спекулянтами на бирже.

В эту ночь ему снилось, будто он открыл большое нефтяное озеро. Не успел он хорошенько понять, какое это богатство, как вдруг налетела гроза,

и в озеро ударила молния. До самых облаков поднялся колоссальный огненный столб. От нефтяного озера осталась огромная черная дыра.

Через несколько лет Джону Уоркману пришлось вспомнить этот сон.

Глава VIII.

На другой день, в начале девятого утра, Джон Уоркман, распродав газеты, снова появился в бюро мистера Бэрнса.

Кабинет редактора находился в длинном корридоре с целой сотней дверей. На каждой из них виднелась белая дощечка с именем служащего; над ней бросался в глаза светящийся номер, — если он потухал, это означало, что в комнате никого нет.

За каждой дверью, в кабинете, похожем на тот, что был в распоряжении мистера Бэрнса, работал один из многочисленных младших редакторов. Этажом выше находилась главная редакция.

У каждого редактора был свой отдел в газете, которая выходила пять раз в день. — Для её обслуживания требовалась работа десятков редакторов и нескольких сотен сотрудников, разбросанных по всему свету.

За все 1440 минут, составляющих сутки, огромное предприятие ни секунды не оставалось без работы. В его недра устремлялся целый поток известий, статей, заметок, требовавших немедленного опубликования.

Ни в одной армии мира не было такой строгой пунктуальности в работе, как в предприятии газетного короля.

Когда Джон Уоркман хотел уже постучать в дверь кабинета Бэрнса, к нему подбежал рассыльный, поклонился и почтительно спросил:

„Извините, пожалуйста, сэр, — ваше имя — Джон Уоркман?“

„Да. Что вам угодно?“

„У меня к вам поручение от мистера Беннета.

Он велел передать вам, чтобы вы немедленно явились к нему.“

Джон Уоркман был даже несколько раздосадован тем, что мистер Беннет нарушил его планы. Ему захотелось предупредить мистера Рунгэ, чтобы тот не ждал его понапрасну.

Рассыльный увидел, что Джон Уоркман хочет постучать в дверь кабинета.

„Постойте, сэръ,“ предупредил он. „Мистер Беннет уже знает, что вы здесь. Если вы будете медлить, он будет на меня в претензии. Мистеру Беннету дорогá каждая секунда.“

Рассыльный взглянул на дверь с надписью и сказал:

„О причине вашего опоздания вы сможете сообщить мистеру Бэрнсу по телефону. Уж я об этом позабочусь.“

Джон Уоркман согласился и последовал за рассыльным в приёмный зал. Служитель уже был предупрежден о его приходе и проводил Джона в лифт.

Мальчуган подивился тому, с какой быстротой и точностью выполняются здесь все приказания мистера Беннета.

Через несколько секунд он уже находился в приёмной комнате газетного короля.

Секретарша приветливо с ним поздоровалась и сообщила о его приходе мистеру Беннету.

„Здравствуй, Джон,“ приветствовал его миллионер и протянул ему руку. „Ты, кажется, думаешь обо мне реже, чем я о тебе! Получил ли ты мое письмо?“

„Да,“ ответил Джон Уоркман. „Но у меня не было свободного времени; к тому же ваше приглашение показалось мне не слишком важным, — поэтому я и отложил своё посещение.“

„Позволь-ка,“ прервал его мистер Беннет, „знай раз навсегда: если я посылаю тебе приглашение, — значит, мне действительно нужно тебя видеть.“

Мистер Беннет был смущен, кажется, первый раз в жизни. Он никак не мог понять, чем подсказан этот ответ Джона, — особой мудростью или

мальчишеским самомнением. Но, вместе с тем, реплика мальчугана пришлась ему по вкусу.

„Well, может быть, ты прав! Я доволен, что ты умеешь беречь свое время, и мне нравятся твои рассуждения.

Лишь сегодня утром я прочел заметку, что ты становишься репортером моей газеты.

„Да,“ ответил Джон, „мистер Рунгэ дал об этом заметку. Он слышал, как я говорил у вашего редактора, мистера Бэрнса, что хочу стать репортером.“

„Это — неплохая идея! Думаю, что ты будешь полезен для моей газеты.

Я вижу, что тебя не привлекает место рабочего в моем предприятии.“

„Нет, мистер Беннет,“ решительно отрезал Джон Уоркман, „я не хочу попусту тратить время.

„Как это так?“

„Очень просто,“ пояснил Джон, „у меня в голове больше, чем это нужно для обслуживания машин.“

Вдруг гулко зазвонил большой металлический колокол, стоявший на письменном столе Беннета. Джон Уоркман был поражен этими странными звуками.

Мистер Беннет нажал несколько электрических кнопок на столе.

Как на нечто таинственное, зловещее, смотрел Джон на металлический колокол.

Газетный король уловил его взгляд.

„Этот колокол сообщает о каком-нибудь из ряда вон выходящем несчастье. Как только он зазвонит, я сразу же приглашаю к себе своих главных редакторов, чтобы узнать, в чем дело, и принять соответствующие меры. В тот же момент начинают звонить точно такие же колокола в кабинетах моих главных редакторов, чтобы они приготовились“

Не успел он закончить фразу, как в комнату, без всякого доклада, вошло пять человек. Один из них, длинный, сухощавый, тип истого янки, положил на стол газетного короля какую-то записку.

Ознакомившись с её содержанием, мистер Беннет сказал:

„Господа, здесь депеша, переданная по беспроволочному телеграфу. В ней значит: :

C. Q. D.

„Републик“ столкнулся с неизвестным судном и идет ко дну в сорока милях от Нантукета.“

Джон Уоркман заметил, как все побледнели. Выражение ужаса промелькнуло на лицах собравшихся.

C. Q. D. — особый знак беспроволочного телеграфа. Он означает: „Мы — в большой опасности — помогите.“

Каждый знал, что „Републик“ — большой океанский пароход White Star Line. Несколько сот видных американцев лишь вчера отправились на нем в путешествие по Средиземному морю.

В списке пассажиров значилось более пятисот имён, принадлежащих к лучшим фамилиям Америки, представители которых — в это суровое время года — пожелали насладиться климатом южной Италии и Египта.

Семья мистера Беннета, — его жена и дети, — также находилась на гибнущем пароходе. Руки газетного короля дрожали, когда он взялся за роковой листок бумаги и прочел его снова.

Текст страшной телеграммы при этом вторичном чтении — нисколько не изменился.

Но мистер Беннет овладел собой. Его лицо приняло твердое и решительное выражение. Он снова почувствовал всю свою силу, выпрямился и больше уже не думал о судьбе своей жены и детей, которые, быть может, погибали в этот момент в волнах океана.

Теперь он был прежде всего повелителем газетного царства и должен был действовать.

Коротко и спокойно прозвучало его первое приказание :

„Осведомьте все редакции.“

Четверо сотрудников бросилось к стоявшему в углу аппарату. Через полминуты все редакции знали содержание депеши.

Через двадцать пять минут мальчишки-газетчики уже выкрикивали на Бродвэе:

„Републик“ столкнулся с неизвестным судном в сорока милях от Нантукета и идёт ко дну с пятьюстами пассажирами. Подача помощи почти невозможна вследствие тумана.“

А еще через полчаса вышел новый, экстренный выпуск газеты, который покупали нарасхват. Движение остановилось. Все читали:

„Геральд Оффис посылает экспедиции для оказания помощи гибнущему пароходу!“

Каждые пять минут Геральд Оффис принимал по беспроволочному телеграфу все те же три роковых буквы:

S. Q. D.

С ужасом вглядывались в редакциях газеты в этот таинственный страшный призыв о помощи с тонущего корабля. Каждый раз думалось: может быть, это последний крик сотен людей, глядящих в лицо самой смерти!

Все старались подавить в себе чувство ужаса и оказать хоть какую-нибудь помощь.

На одной из площадей на окраине Нью-Йорка (это — так называемая „Батарей“), там, где когда-то голландские пушки приветствовали первых переселенцев, стоит маленький одноэтажный домик, который бросается в глаза тем, что на его крыше водружена высокая железная мачта. На её верхушке — целая масса медных проволок, которые проходят через крышу во внутренность маленького домика. На его дверях выведена надпись большими золотыми буквами:

„Нью-Йорк Геральд“.

Это — беспроволочная приёмная станция „Нью-Йорк-Геральда“. Она получает все известия с моря. В Нью-Йорке этот домик обычно именуется коротко: „Шип-Ньюс“, что значит по-русски „корабельные новости“.

Перед этим Шип-Ньюс'ом собралась огромная толпа. Все с напряженными лицами ждали последних известий. Сюда спешили автомобили и экипажи.

Недалеко от Шип-Ньюс'а покачивался на волнах „Аулет“ — небольшое судно, принадлежащее „Нью-Йорк Геральду“. На нем также находились аппараты беспроволочного телеграфа. Жители Нью-Йорка называли его „недремлющим оком“.

Этот кораблик, словно беспокойная морская птица, не знал ни секунды отдыха за все 1440 минут суток. Обычно он доставлял репортеров „Геральда“ на пароходы, приближающиеся к Нью-Йорку, — чтобы проинтервьюировать сколько-нибудь выдающихся людей — еще до их высадки на американский берег.

Этот кораблик знал всё, что происходит в гавани Нью-Йорка — вплоть до плавучего маяка Сэнди-Гук, и даже до отмелей Нантукета.

Но сегодня „Аулет“ должен был стоять на якоре у „Батарей“, потому что в гавани и дальше — в океане, стоял тот густой туман, про который моряки говорят, что он так же непроницаем, как десять шерстяных одеял.

„Аулет“ находился всего в каких-нибудь пятнадцати метрах от Шип-Ньюса, но его почти не было видно.

Из Шип-Ньюса вышла группа людей, одетых в непромокаемые плащи. Стоявшие в толпе заметили среди них фигуру мальчика. Это был Джон Уоркман. Мистер Беннет позволил ему участвовать в спасательной экспедиции „Геральда“.

Из тумана доносился заунывный вой сирены. Сквозь серую пелену медленно двигалась черная тень небольшого парохода, обслуживающего полицейские власти и таможенные учреждения.

За ним следовали лоцманские суда, буксирующие океанские пароходы в гавань. Они были снабжены одеялами, пищевыми продуктами, канатами, пробковыми матрацами и другими приспособлениями для оказания помощи погибающим.

На борту этих пароходов находились корреспонденты „Геральда“, несколько врачей и Джон Уоркман.

Под вой сирен и резкие звуки колоколов суда отправились в путь. Через несколько минут они исчезли в тумане.

Ощупью, руководствуясь одним только компасом, пробирались они через гавань и, после четырех часов упорной работы, выбрались, наконец, в открытое море.

Каждую минуту они могли наскочить на один из огромных пассажирских или торговых пароходов, стоявших в гавани. Не раз они почти натыкались на серые стены могучих морских чудовищ, ввиду тумана принужденных бросать якорь в фарватере.

Завыванье корабельных сирен, звон колоколов, крики в рупор и сигнальные выстрелы, казалось, не имели никакого смысла в этой адской обстановке. Из-за тумана никто не мог определить, с какой стороны исходили предупредительные сигналы.

Глава IX.

Медленно, словно по громадному неисследованному болоту, пробивались вперед буксиры и пароходы.

Участники экспедиции с беспокойством вглядывались в туман и прислушивались к каждому звуку. Ничего не было видно. Чем дальше они углублялись в открытое море, тем гуще становился вокруг туман.

Иногда только доносились издали заглушенные голоса людей, с борта какого-нибудь гигантского пассажирского парохода.

Слышалось kloкотание воды, выкачиваемой внутренними корабельными насосами, да монотонный шум машины.

Неожиданно, словно огромная тень фантастической допотопной птицы, в сером мраке появилось лоцманское судно под парусами. Из тумана послышался глухой крик в рупор:

„Кто вы? — Куда вы идёте?“

„Здесь „Аулет“ Нью-Йорк Геральда. В поисках „Републик“. Вы слышали что-нибудь?“

„Ничего не знаем,“ раздалось в ответ. „Что с судном?“

Ответ „Аулета“ был тотчас же поглощен туманом. Лоцманское судно скрылось. В этот момент на „Аулете“ раздался сигнал беспроводного телеграфа.

Застопорили машины. Через несколько секунд „Аулет“ передал в рупор только что полученную депешу:

„Балтик“ в 17 милях от Нью-Йорка отклонился от своего курса и идёт на помощь „Републик“.

Через несколько минут пришла вторая телеграмма, сообщавшая, что на помощь вышла и „Лукания“ общества Cunard Line.

Вскоре была получена по беспроволочному телеграфу депеша из Шип-Ньюса:

„На борту „Републик“ находится И. Б. Конолли. Сообщите ему, чтобы он описал катастрофу и послал телеграмму Геральду.“

Мистер Конолли был другом президента Рузвельта и ехал на „Републик“ в Гибралтар, чтобы присоединиться там к возвращавшемуся из кругосветного плавания американскому флоту. Он считался одним из лучших в Америке рассказчиков морских историй.

Было послано несколько телеграмм в направлении Нантукета. Через четверть часа пришел ответ:

„Конолли здесь!“

Вздых облегчения вырвался из груди телеграфиста.

Он послал ответную искру:

„Где вы находитесь?“

„На борту „Балтик“.

„Аулет“ телеграфировал снова:

„Поручение мистера Беннета. Опишите аварию „Републик“. Мы на пути к вам!“

В ответ — лаконическое „да“. Аппарат снова умолк.

По некоторым морским приметам они опреде-

лили, что находятся теперь близ Сэнди-Гук — в узком фарватере Геднэйского канала. Проезд по нему был сильно затруднен, так как здесь лежал огромный остов недавно затонувшего парохода „Финанс“. Спасательные суда ползли, как улитки. Тем не менее каждую секунду они могли наткнуться на обломки. В таком случае им грозила неминуемая гибель.

Все с напряженным вниманием смотрели с борта парохода. Малейшая неосторожность могла повести к катастрофе.

Участники экспедиции облегченно вздохнули, когда, на расстоянии каких-нибудь нескольких метров, заметили торчащие из воды мачты затонувшего парохода. — Опасность миновала. Теперь они жадно прислушивались, не завоет ли сирена с Сэнди-Гук, — самой передовой станции нью-йоркских лоцманов.

Здесь, в узком фарватере, целый ряд кораблей стоял теперь на якоре.

Наконец-то сквозь густой туман пробились лучи рефлекторов Сэнди-Гук. Четверть шестого пароходы подошли к этой лоцманской станции. Одиноко, словно остров Робинзона, лежит она среди песчаных отмелей океана.

Однако, в Сэнди-Гук ни лоцманы ни телеграфисты ничего не знали о местонахождении „Балтика“, подобравшего спасшихся пассажиров. Для „Аулета“ здесь была получена телеграмма, сообщавшая, что „Нью-Йорк Геральд“ уже успел отправить новую экспедицию.

Пароходы снова двинулись в туманное море. Становилось все темнее. — Вокруг был уже не серый туман, а черная ночь.

Снова завывли во мраке сирены, и зазвонили морские колокола. Каждые десять минут телеграфист посылал лаконическое:

„Где „Балтик“?“

После трехчасового ожидания получили наконец ответ:

„Балтик“ здесь!“

„Где вы?“

„Это трудно определить. Кто вы?“

„Судно Геральда „Аулет“

„All right, мы ждём вас.“

Ужасный туман действовал на людей, как сильное наркотическое средство. Матросы и репортеры чуть не валились с ног.

Джон Уоркман, закрыв лицо руками, сидел на корме парохода. У него было такое ощущение, как будто он находится в страшном хаосе — без конца и края, и уж никогда не выйдет из него. Голова кружилась от серых туманных теней, маячивших перед глазами. С наступлением ночи мрак как бы поглотил все его мысли. Он знал только одно: кругом тьма, и больше нет ничего!

Неожиданно посветлело. Все глаза обратились вверх. Может быть, это лунный свет, прорвавшийся сквозь плотную завесу тумана?

Но через несколько минут все снова потеряли надежду. Опять наступила тьма египетская. Так прошло еще полчаса. Вдруг всех оглушил страшный рёв сирены. Тотчас же крикнули в рупор:

„Кто там?“

„Здесь „Балтик“, раздалось в ответ.

Все насторожились. Из темноты спросили:

„А вы кто?“

„Аулет!“

Маленькие суда с новой энергией принялись за поиски гигантского парохода. Прошел еще почти целый час. Наконец экспедиция „Геральда“ подошла вплотную к высоким бортам медленно пробирающегося гиганта.

Оказалось, что они давно уже находились на расстоянии всего каких-нибудь нескольких десятков метров друг от друга.

При свете рефлектора Джон Уоркман разглядел теснившихся на палубе парохода пассажиров, спасенных с „Републик“.

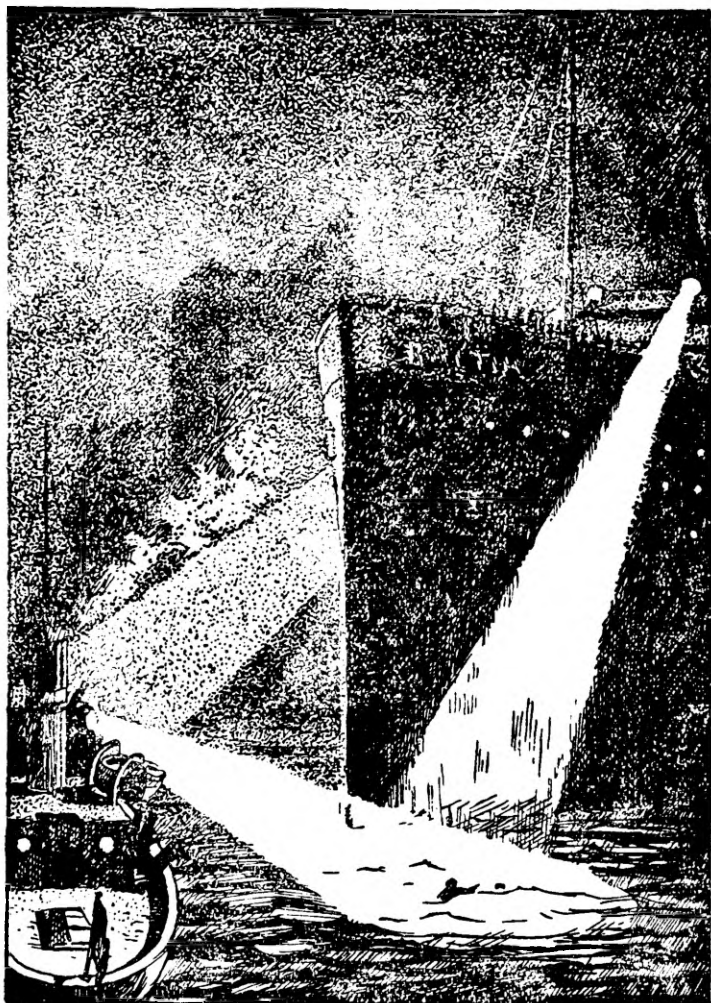
Томсон, шеф журналистов, крикнул в рупор:

„Мистер Конолли на борту?“

„Да, сэр, я здесь.“

„Описали ли вы катастрофу?“

„Да, сэр.“
„Положите ваши записки в жестянку и бросьте
мне.“

Затем мистер Томсон обратился к Джону Уоркману:

„Эй, парень, надеюсь, ты умеешь плавать! Если ящик упадет в воду, я обяжу тебя канатом и спущу вниз.“

Наконец-то и Джону нашлась работа! Случилось то, чего опасался мистер Томсон: жестяной ящичек упал в воду.

Едва услышав всплеск, Джон бросился в холодную воду и благополучно выловил жестянку.

Под одобрительные возгласы экипажа его вытащили на борт, мокрого, как курицу, отвели в капитанскую каюту, завернули в тёплые одеяла и уложили в постель.

Между тем репортеры снеслись с пассажирами „Балтика“. Они узнали от них, что на „Републик“ налетел итальянский пароход „Флорида“, который и подал первую помощь. Спасшиеся пассажиры едва имели время одеться.

А что случилось с „Републик“, никто не знал. Капитан, офицеры и вся команда остались на борту поврежденного парохода. На „Флориде“ после столкновения также открылась течь. Тогда призвали на помощь проходивший мимо „Балтик“, который и принял всех спасённых пассажиров к себе на борт.

Мистер Томсон отдал ряд дальнейших приказаний.

Маленький буксирчик должен был немедленно возвратиться в Сэнди-Гук, чтобы передать там по телеграфу в редакцию „Геральда“ рассказ мистера Конолли.

В это время „Аулет“ направился дальше, к Нантукету, — за сведениями о судьбе „Републик“.

К шести часам утра маленький буксирчик с трудом добрался до Сэнди-Гук, а в пять минут седьмого телеграфист уже начал передавать сообщение Конолли в редакцию газеты, где оно было обработано с лихорадочной поспешностью и отправлено в типографию.

В девять часов утра вышел очередной номер „Нью-Йорк Геральда“, который — первым в Америке — сообщал все подробности о катастрофе с „Републик“. Газета, по обыкновению, побила рекорд!

Между тем „Аулет“, на котором находился Джон Уоркман, пробирался всё дальше сквозь туман.

В десять часов утра туман, наконец, рассеялся, и экипаж увидел необъятный простор океана, освещённого ярким солнцем.

Около часа пополудни они заметили на отмели Нантукета чёрные пятна, похожие на гигантских морских птиц. В бинокль можно были разглядеть, что пятна эти ничто иное как обломки „Републик“, около которых находились спасательные шлюпки и суда, пришедшие на помощь.

Скоро „Аулет“ приблизился к сильно накренившемуся на-бок остову „Републик“. Участники экспедиции увидели, как матросы перетаскивали имущество пассажиров на грузовые пароходы.

Особенного удивления заслуживала деятельность мужественного телеграфиста „Републик“. Ему все были обязаны тем, что после столкновения и береговая станция Нантукета, и проходившие мимо пароходы слышали призыв С. Q. D.

Он был единственный, не потерявший головы во время возникшей паники. До последнего момента он находился в своей маленькой рабочей комнате и покинул ее лишь после того, как вода затопила телеграфные аппараты. Взяв его к себе на борт, „Аулет“ отправился в Нью-Йорк, куда прибыл только на следующий день.

Большие толпы народа приветствовали смелых журналистов и героев „Републик.“

В триумфальном шествии направились они на Бродвэй ко дворцу газетного короля. Дамы бросали цветы, — особенно много досталось их на долю Джона Уоркмана, о котором уже прочитали в „Геральде“, что, бросившись в океан, он спас жестянку с записками Конолли.

Мистер Беннет наградил Джона пятьюдесятью долларами, и деньги эти дали нашему герою возможность осуществить свою заветную мечту.

Глава X.

„Знаешь, мама,“ сказал Джон на следующий день, „я хочу заняться одним большим делом, и ты должна мне помочь! Если дело выгорит, я смогу хорошо обеспечить тебя на всю жизнь.“

Его мать, сидевшая за ужином напротив него, в испуге уронила нож на тарелку. Она знала своего Джона, как только мать может знать сына. Она не только слышала, но чувствовала сердцем всё, что он говорил ей!

„Что же ты надумал?“ спросила она. „Ты хочешь обеспечить меня на всю жизнь? Не значит ли это, что ты намерен со мной расстаться?“

Джон не знал, что ответить.

Он чувствовал, что матери будет больно, когда она услышит о его замысле.

Но Джон не любил окольных путей: он погладил её руку и сказал:

„Не смотри так мрачно, мамочка!“

„Нет, нет,“ ответила она. „То, что ты говоришь, не раз говаривал мне твой отец! Но я вовсе не смотрела мрачно на жизнь. Наоборот, я видела всё в слишком розовом свете.“

„Нет, в самом деле, мама!“ пытался он её успокоить. „Ты не должна думать обо мне ничего плохого! Ты знаешь, что со времени смерти отца я всегда думаю о том, как бы заработать деньги. Ты ведь слишком слаба, чтобы заниматься тяжелой работой. И вот, слава Богу, я достаточно силен, чтобы работать на тебя. Я уже не маленький. Многие называют меня „сэр“. Не могу же я вечно торговать газетами на Бродвэе!“

„С этим я согласна, Джон. Но тебе и так незачем торговать газетами! Скажи только мистеру Беннету, и он даст тебе место рабочего в своем предприятии. Тысячи людей были бы рады получить такой заработок!“

Горькая складка легла около губ Джона.

„Прости, мама, — всё, что ты говоришь, может быть вразумительно для многих, но только не для меня!“

Уже завтра я смог бы получить место у мистера Беннета и зарабатывать двадцать долларов в неделю. Но тогда пропало бы даром всё, чему меня научила жизнь! Проработав с утра до вечера, я возвращался бы домой таким усталым, что мне было бы не до мыслей о карьере. Я стал бы довольствоваться уютной комнатой, хорошей едой и мягкой постелью“

Мать нервно сложила руки.

„Грешно тебе так говорить, Джон! Домашний уют, теплая постель, хорошая еда — разве это так мало? Тысячи людей молят Бога, чтобы он дал им хоть это.

Ты ведь видел тех бедняков, которые каждое утро толпятся около бесплатных кухонь мистера Беннета. Как бы они были рады получить то, что ты отвергаешь с таким презрением!“

„Конечно,“ ответил Джон, „но ты должна знать, что между людьми есть разница. Если тысячи стремятся только к тому, чтобы иметь теплый угол и горячую пищу, это еще вовсе не означает, что и я должен довольствоваться тем же.

Для меня домашний уют не есть самое высшее на свете. Я хочу идти вперед по тому пути, который я раз и навсегда избрал себе.

Мне мало быть простым рабочим. У меня нет желания часами стоять на одном и том же месте около машины, и в продолжение бесконечных дней, недель, месяцев повторять всё одну и ту же работу!

Такой деятельностью могут довольствоваться лишь люди с очень узким кругом интересов, простые рабочие, которые вкладывают в свой труд все свои небольшие способности. Понимаешь ли ты, мама, что я хочу сказать?“

Мать кивнула ему в ответ.

„Я хорошо понимаю это, Джон. Но кем же ты хочешь стать?“

Джон весело, по-мальчишески рассмеялся:

„Тем же, что и мистер Беннет!“

Мать в продолжение нескольких минут ничего не отвечала. Наконец, она глубоко вздохнула.

„Хорошо ли это, Джон? У тебя такие же фан-

тазии, как и у твоего отца! Они могут принести тебе несчастье.“ „Well,“ ответил Джон. „В таком случае я буду сам виноват. Но, я думаю, будет лучше, если ты вместе со мной порадуешься моим планам насчет будущего.“

„Это невозможно, Джон. Ты говоришь о цели, которая слишком высока, и я не в силах понять твои желания.“

„Не в первый раз мальчишки-газетчики выходят в большие люди в Америке!“

„Это-то верно, Джон.“

„В таком случае, зачем же ты мне противоречишь?“

А теперь я расскажу тебе свой план, выполнение которого будет иметь для тебя большое значение.

Я получил от мистера Беннета пятьдесят долларов. Должен сказать, что это незаслуженно полученные деньги. Поездка вместе с репортерами к обломкам „Републик“ была для меня не работой, а только учёбой.

Эти деньги — знак расположения ко мне мистера Беннета, и я хочу употребить их на дело.“

„Так, так,“ сказала мать, „но почему же ты не хочешь зарабатывать свой хлеб в качестве репортера мистера Беннета?“

„Неужели ты думаешь, мама, что простой рабочий может заниматься репортажем?“

Репортер должен ужасно много знать. Ему нужно путешествовать, чтобы как можно лучше изучить свет. Он должен получить совсем особенное образование. Лишь тогда он сможет стать хорошим журналистом.

Вот я и хочу пройти соответствующую подготовку. В Нью-Йорке мне тесно. Мне надо забраться подальше.“

„Но, мой мальчик,“ возразила мать, „в таком случае читай газеты! Добрая половина всех статей посвящена тому, что происходит в не Нью-Йорка.“

„Ты права, мамочка. У мистера Беннета сотни репортеров собирают сведения за пределами Нью-

Йорка и — тут Джон задумался и сделал маленькую паузу.

„Видишь ли, мамочка, эти репортеры получают очень мало, — иногда меньше, чем простые рабочие машинного отделения. И я не хочу быть таким репортером, — мне хочется стать настоящим журналистом.“

„Что же это такое — настоящий журналист? Я не знаю.“

„Сейчас объясню тебе:

Журналист — это такой сотрудник газеты, который даёт целые статьи о политике и экономической жизни различных стран. Он пишет также о науке и об искусствах; он освещает все выдающиеся события в жизни государств и народов.

Журналист, мамочка, должен в случае надобности раскрывать тяжёлые преступления, над которыми полиция напрасно ломает голову.

Журналист, как мне объяснил мистер Беннет, должен бороться за добро и справедливость, а чтобы знать, что хорошо, что плохо, ему нужно много путешествовать. Лишь вдали отсюда, в чужих краях, знакомясь с самыми разнообразными людьми, он имеет возможность досконально изучить свое ремесло.“

„Это для меня слишком сложно“, сказала мать. „Из твоих слов я понимаю только одно: ты хочешь меня покинуть.“

Подумай, — если я не буду около тебя, кто же тогда станет стирать тебе носки и рубашки и приводить в порядок твое платье?“

„Об этом я уже думал, мама. Я должен научиться и этому! Или ты думаешь, я не сумею выстирать себе носки?“

„Конечно, Джон, но я как-то не думала о том, что мы с тобой должны разлучиться!. Подумай, Джон, тогда ведь я буду совсем одна на свете.“

„Но, мамочка!“ Джон снова погладил узкую руку своей матери. „Как мрачно ты смотришь на вещи! Ведь, ты будешь писать мне, а я — тебе! Когда я хорошо заработаю, я пошлю тебя денег или красивых вещей. А если с тобой что-нибудь слу-

чится, я приеду с первым же поездом или парохомом!"

„Но что же я буду делать, пока ты вернёшься?“
Глаза у Джона заблестели.

„Когда я вернусь, у меня будет большой экипаж с четверкой лошадей, на запятках — лакеи, и все побегут смотреть, как я буду подъезжать к твоему дому. А в карманах у меня будет много денег! Все тогда узнают, кто такой Джон Уоркман!"

„Ах, мальчик, мальчик!"

„Мама, у меня такое чувство, что все именно так и будет! Я всегда о тебе заботился после смерти отца. Если мой план осуществится, я сумею сделать для тебя очень много."

А сейчас на те пятьдесят долларов, что мне дал мистер Беннет, я найму тебе хорошую удобную квартиру с кухней."

Мать покачала головой. Она совсем перестала понимать своего сына.

„Для чего мне удобная квартира? И почему я должна жить в ней одна? И кто заплатит за следующий месяц? Деньги мистера Беннета не так уж велики."

Джон снова рассмеялся.

„В умелых руках, мамочка, пятьдесят долларов — это целое состояние! То, что я начинаю с этими деньгами, должно повести к твоему полному благополучию, и не только твоему, но и многих сотен моих товарищей-газетчиков."

Мать удивлялась все больше.

„Даже твоих товарищей? — И всё на эти пятьдесят долларов?"

„Вот увидишь, мама! Завтра вечером я расскажу тебе всё подробно, и ты согласишься, что мое внутреннее чувство меня не обманывает. У меня здорово хороший план!"

Напрасно она упрашивала Джона рассказать ей всё — теперь же. Он взял бумагу, перо, чернила, и она видела только, что он принялся делать какие-то подсчёты.

Джон даже не заметил, как его мать, задумчиво покачав головой, ушла в свою комнату.

Здесь она сложила руки и начала молиться:

„Господи Боже, не дай погибнуть моему мальчику! Укажи ему правильный путь!“

Краткая молитва несколько успокоила её. Но сердце все еще продолжало болеть за сына.

На другой день Джон постарался как можно скорее распродать свои газеты. Затем он пошел в восточную часть города и останавливался здесь перед теми домами, которые сдавались в наем.

Наконец, уже около полудня, он нашел небольшой одноэтажный дом в шесть комнат, который находился недалеко от гавани. Его владелец недавно скончался.

Джону удалось сговориться с управляющим. Он заплатил ему 35 долларов за месяц вперед.

Получив ключ, он впервые вошел в дом, как полноправный хозяин, и почувствовал себя маленьким царьком. У него было такое торжественное настроение, словно он входил в храм.

Он даже боялся громко ступать.

В то же время ему показалось, что он здесь не чужой, — словно он уже жил в этом доме раньше! Внимательно осмотрел он каждый уголок.

Когда он вышел на двор и затем проник в маленький запущенный сад, он заметил там качели. Испустив радостный крик, Джон снова почувствовал себя мальчуганом и начал раскачиваться на качелях.

Как высоко взлетал он, как хорошо ему было!

В детстве он нередко мечтал о таких качелях, но в домах для бедняков, где ему приходилось жить, не было ни садов, ни качелей.

Весело напевая, Джон Уоркман принялся осматривать сад.

„Там — около забора,“ думал он, „я построю домик для кроликов, а рядом с ним курятник. Мамочка будет каждый день получать свежие яйца, которые так ей полезны. А на чердаке я устрою голубятню. Боже мой, как мама будет всему этому радоваться!“

Ему уже казалось, что он воочию видит все эти прелести. — Целые выводки кур и кроликов, играющих на зелёной траве! И под сиренью, за столиком, покрытым белой скатертью, сидит его мать и пьёт кофе!

И всё это создано им, её единственным сыном! Джон снова взобрался на качели. Он был вполне счастлив!

Внезапно ему вспомнился Чарли Бекерс, — он сам не знал, почему. Может быть потому, что у Чарли не было качелей. Ах, нет! — по другой причине. — Как-то раз Чарли рассказал ему, что когда он станет миллионером, то купит себе сад, в котором будет пруд с золотыми рыбками. — Но ведь это же безумие! Нет, лучше кролики и куры, — их можно по крайней мере зажарить! Боже мой, как обрадуется мама, и как это удивительно, — ведь завтра как раз день ее рождения!

„До свидания, милый сад!“ крикнул он и снова вошел в дом.

Задержавшись в одной очень светлой комнате, он подумал:

„Вот это для мамы! Здесь много солнца и прекрасный вид в сад“

Но вдруг его хорошее настроение улетучилось. Что ему до всей этой красоты?

Ведь сам-то он должен скоро уехать, — далеко, далеко! И он даже не заметил, как по лицу его потекли слезы.

Мечты о счастливом будущем улетели прочь. Но он быстро овладел собой.

„Не ной, Джон,“ сказал он вслух, „слезы не помогут.“

Через четверть часа, уже опять весёлый и бодрый, он выбежал из „своего“ дома.

Придя домой, он сказал матери:

„Вот это ключи от нашего дома. Он находится на 14-ой улице, № 216. Разуши, пожалуйста, свою старую уборщицу. Пусть она пойдет в наш дом, вымоет всё и приведет в порядок! Часа через два я приду сам и рассчитаюсь.“

Матери ничего не оставалось, как подчиниться желанию сына. Вместе с уборщицей она отправилась на новую квартиру. У ней даже щёки разгорелись, когда она увидела сад и домик.

Между тем Джон отправился к знакомому мебельщику.

„Мистер Джонас,“ сказал он ему. „У меня к вам дело.“

„All right, чего же ты от меня хочешь?“

„Мне нужна мебель.“

Торговец очень удивился:

„Гм — уж не хочешь ли ты жениться?“

Джон Уоркман рассмеялся.

„Нет, мистер Джонас, — рановато!“

„Для чего же тебе тогда мебель?“

„Сейчас объясню вам. Я нанял дом. Только что уплатил за наем 35 долларов. Надеюсь, вы откроете мне кредит, как вы это делаете другим вашим заказчиком?“

„Почему бы нет?“ сказал мебельщик. „Могу отпустить и в кредит! Какую же мебель хотел бы ты приобрести?“

„Сию минуту“ начал Джон. „Пока что я дам вам десять долларов вперед. Затем вы будете получать от меня такую-же сумму ежемесячно. А нужно мне вот что: десять самых простых коек с подушками, одеялами и постельным бельем, несколько умывальников и столов, пару дюжин стульев. Согласны ли вы на мои условия?“

„Гм .. это очень странный заказ! Уж не хочешь ли ты открыть больницу?“

Джон рассмеялся: „Нечто в этом роде! Уж я знаю, что мне нужно! Пожалуйста, доставьте мне все эти вещи сегодня же после обеда! Ах, да, еще нужны занавески и кое-какая посуда.“

„Хорошо, хорошо,“ согласился мебельщик, „как бы только не забыть!“

Он провел Джона в бюро и там — с его слов — составил полный список вещей. Затем Джон уплатил деньги и пошел по направлению к своему новому

дому, а мебельщик, покачивая головой, долго смотрел ему вслед.

„Что за притча,“ думал он, „больницы Джон, конечно, не откроет. Ведь, он не врач. Ничего не понимаю!“

Дома Джон застал женщин за уборкой. — Уже почти всё было готово, но в комнатах стоял страшный холод.

Он отправился к угольщику и купил у него топлива на один доллар. Затем он сам принялся топить все печи.

Через час в квартире стало совсем тепло.

Мать снова обратилась к сыну за разъяснениями: „Что же ты предпринимаешь, Джон?“

Вместо ответа Джон сказал: „Ты, мамочка, будешь жить наверху, в большой светлой комнате с окнами на юг. Рядом с ней еще одна комната и кухня, — всё это будет в твоём полном распоряжении. А остальное — для меня. Завтра как раз первое число, и ты сможешь сразу же переселиться сюда.“

Вскоре подъехал фургон с мебелью, и носильщики начали вносить в дом койки, столы, умывальники и корзины с одеялами и постельным бельем.

Вскоре мебель была расставлена согласно указаниям Джона, и носильщики ушли, получив от него на чай. Мать молча смотрела на всю эту процедуру.

„Ах, Джон,“ сказала она, „что все это означает? У меня прямо-таки голова идёт кругом. Зачем столько постелей?“

„Скоро узнаешь, мама,“ ответил Джон, „запасись только терпением! А сейчас помоги мне развесить занавески да скажи уборщице, чтобы она постелила кровати.“

„Хорошо, хорошо, но зачем столько коек?“

„Терпение, мама, терпение!“ сказал Джон все с тем же таинственным видом. „Сделай только, что я прошу, а затем отправимся домой.“

Вскоре занавески были повешены, постели приведены в порядок, и комнаты приняли уютный вид.

Через два часа, вместе с двумя уборщицами, он

вернулся в свой новый дом. Мать осталась пока на старой квартире.

Джон послал женщин в кухню, чтобы они разместили там стаканы, чашки, кастрюли и прочую посуду. А сам пошел в самую большую комнату, где стоял круглый стол и двенадцать стульев, и начал развешивать картинки. — Это были вырезки из воскресных номеров „Нью-Йорк Геральда“ Он уже давно собирал их.

На самом видном месте он повесил портрет Гарримана, унаследованный им от Чарли, и сделал надпись :

„В воспоминание о нашем Чарли Бекерсе“

На стол он постелил большую красную скатерть, поставил вазу и разложил имевшиеся у него книги для юношества, — „Робинзон Крузо“ и другие. А уборщице велел сходить в газовое бюро для заявки.

Затем он сбегал в магазин за букетом цветов, который водрузил в вазу. Потом велел купить чаю, сахару, хлеба и масла. Когда все было готово, он сказал себе с чувством полного удовлетворения : „Теперь могут притти мои гости!“

Было уже около шести часов. С минуты на минуту должен был выйти вечерний выпуск „Нью-Йорк Геральда“ Джон побежал на Бродвэй. Газетчики шумно приветствовали своего товарища.

„Эй, ребята, у меня для вас приятная новость ! Когда я был ранен Биллем Смитом, вы помогли мне в продолжение нескольких недель. Теперь мне хочется вас отблагодарить. Слушайте !

Я хочу основать клуб мальчишек-газетчиков. Точно такой же клуб, какой имеется у купцов и богачей нашего города.

Я уже нанял дом. Теперь каждый из вас за небольшую плату сможет там пить, есть и спать. Как вам нравится мой план?“

Сперва все притихли от удивления. Затем грянуло громкое „ура“

„Сегодня мы устроим первое заседание нашего клуба,“ продолжал Джон, „приходите в восемь часов

вечера на 14-ую улицу, в дом номер 216. Я буду вас ждать.“

Мальчуганы с восторгом стали обсуждать блестящий план Джона Уоркмана. Как они были счастливы! Как они были горды!

Г л а в а XI.

Замысел, который Джон привел теперь в исполнение, уже давно зрел в его голове. Он хотел создать домашний очаг для бесприютных ребят.

Джон отлично знал, что большинство из них ночует или в грязных ночлежках или просто на улице, где-нибудь на парковых скамейках, завернувшись в несколько старых газет!

Им всем жилось очень тяжело, а между тем они были отличными ребятами, хорошими товарищами. Многие из них, видя, как трудно приходится старшим, бежали из дому. А некоторых родители сами выгоняли на улицу. Были и такие, которые вообще не знали ни отца ни матери.

Но у всех была надежда на лучшие времена: им хотелось как можно скорей и как можно больше зарабатывать!

Вечером дом Уоркмана имел довольно торжественный вид. Горел газ. Два стола были накрыты белыми скатертями. В кухне кипела вода для чая.

Нерешительно, почти боязливо, вошли первые мальчуганы. На Джона они смотрели с почтением. Когда собрались все сорок, он обратился к ним с речью:

„Ребята, вы должны здесь чувствовать себя как дома! Никому из вас больше не придётся ночевать на улице. За умеренную плату вы будете получать здесь еду, питье, постель. Сейчас мы все это обсудим. Садитесь!“

Стульев не хватило, так что большинство усесться на полу.

„Те из вас, которые живут без родителей, платят десять центов за ночлежку или спят на улице. Не многие из вас получают горячую пищу. Все это

изменится, если мы будем крепко стоять друг за друга! С миру по нитке — голому рубаха! Я думаю, всё это достаточно ясно! Общий расчет за месяц следующий: плата за наем дома — 35 долларов, выплата долга за мебель — 10 долларов, топливо и освещение — тоже 10 долларов. Итого — 55 долларов; а нас будет человек сорок — пятьдесят.

И вот я делаю следующее предложение.

Каждый из нас уплачивает по 5 центов в день. С сорока человек это даст 2 доллара, а в месяц — 60 долларов. Уплачивающие 5 центов — считаются членами нашего клуба. За эту плату они могут каждый вечер проводить в клубе — читать книги, играть и так далее. А за ночевку особая плата — 5 центов, и ещё за чай и ужин — также 5 центов.

Пока что места немного. Но лучше спать вдвоём в одной постели, чем на улице или в ночлежке.

Если в кассе получится избыток, мы купим еще мебели и белья, а также книг и всевозможных игр.

В деле Чарли Бекерса и во время истории с Биллем Смитом вы доказали, что у вас имеются настоящие товарищеские чувства. — Надеюсь, мы поладим.“

Джон закончил свою речь. Некоторое время длилось молчание. Вдруг все повскакали с мест и бросились к Джону. Ему жали руки, его тискали, обнимали, целовали.

Джон начал первый денежный сбор.

Все тотчас же вытащили из карманов монеты. Некоторые были так увлечены идеей Джона, что давали сразу по два и даже по три доллара.

Затем сосчитали тех, кто не имел постоянного места жительства. Таких оказалось восемнадцать человек. Значит, — одна постель на двоих.

Между тем Роберт Бэрнэй принес из кухни чай и бутерброды.

Джон продолжал:

„Ребята, те из вас, у кого есть мать, знают, что это такое! Никто так не любит нас, как наши матери! И если нам попадает от них, то всегда за

дело! Но матери часто думают, что мы, мальчики, должны вести себя также тихо-спокойно, как девчонки! Но мы ведь не бабы! — Тем не менее, мы, конечно, очень любим наших матерей. И вот, ребята, у меня к вам просьба! Мне хочется, чтобы моя мать жила в нашем клубе. Она будет следить за порядком и работать на кухне. Ведь у нас-то нет для этого времени! Мы все хотим зарабатывать! Не правда-ли?“

„Да, конечно, правильно!“ раздалось сразу несколько голосов.

„И вот я прошу вас дать моей матери помещение, отопление и стол, а также некоторое вознаграждение за её заботы и труд. Согласны ли вы?“

Все с радостью приняли предложение Джона.

„Спасибо, ребята,“ ответил Джон. „Вы снимаете с меня заботу о матери. А теперь выберем президента и еще двух инспекторов, — они будут совместно заниматься всеми расчетами.“

Джон Уоркман был единогласно выбран первым президентом клуба. А Роберта Бэрнэя и Гарри Конизона выбрали инспекторами. Затем мальчуганы выработали устав клуба:

1. Громкий разговор, свист и пение после десяти часов вечера строго воспрещаются. За нарушение — 10 центов штрафа. В случае повторного нарушения — изгнание из клуба.

2. Для курения отведена особая комната. Члены правления могут запретить курение слабым и болезненным.

3. Инспектора назначают на каждый день дежурных для уборки спален и помещения для собраний.

4. Завтрак получают только хорошо вымытые и причесанные ребята.

5. Желающий получить ночлег должен уплатить вперед 5 центов.

6. Ровно в 10 часов вечера тушится свет во всех помещениях.

7. Если окажется достаточно места, ночлег могут получать также газетчики других районов.

8. Распоряжения правления и госпожи Уоркман исполняются немедленно. Дурное поведение и неряшливость караются исключением из состава товарищества.

Затем мальчуганы перешли к решению денежных вопросов.

Остающиеся суммы вносятся на текущий счет в банк. С общего согласия из них могут быть выдаваемы ссуды членам клуба в случае болезни или крайней нужды. Будет заведена особая приходорасходная книга.

Покончив со всеми этими делами, мальчуганы беседовали еще в продолжение полчаса. Затем президент нового клуба сказал:

„Ребята, уже четверть одиннадцатого. Спать пора! Сапоги оставьте в кухне! Завтра, в половине пятого, Генри Рокс, Рихард Абель и Чарли Бранд вычистят сапоги и подметут комнаты. Каждый должен сам убрать свою постель, затем помыться и вычистить платье. Завтрак — в шесть часов.

А теперь, кто не остается на ночлег, пусть идет домой!“

Но все еще остались на некоторое время. Мальчуганам очень хотелось посмотреть, как улягутся спать члены нового клуба.

„Алло, Джим!“ обратился Уоркман к маленькому смуглому итальянцу, „разве не лучше здесь, чем на скамеечке в парке, под газетами?“

Сонный мальчуган счастливо улыбнулся:

„Grazie, grazie, Signor!“

„Эй, ребята!“ крикнул один из мальчиков: „миллионеры вряд ли спят лучше, чем мы теперь!“

„Словно Рождество наступило!“ сказал другой.

Все были с этим согласны.

Только рождественский дед с седой бородой принял на этот раз облик юного Уоркмана!

Г л а в а XII.

„Здравствуйте, мистер Бэрнс,“ сказал на другой день Джон, входя в кабинет редактора. Мистер Бэрнс приветливо с ним поздоровался.

„Я принес вам интересную статью. Вот только недостает фотографий. Пожалуйста, не сокращайте! Мне нужны деньги для моего клуба.“

Мистер Бэрнс расхохотался: „Для клуба?“

„Ну, да! Я ведь президент клуба нью-йоркских мальчишек-газетчиков.“

„Чорт возьми, — это великолепно! Когда же был основан ваш клуб? Я ничего еще о нём не слышал . . .“

„Вчера вечером.“

„И ты — президент?“

Джон кивнул головой.

„Есть ли у вас помещение?“

„В нашем распоряжении целый дом.“

„Дом?!“ — Редактору показалось, что он ослышался.

„Откуда же вы достали средства?“

„Мы все сложились.“

Мистер Бэрнс взял клочек бумаги и начал записывать.

„А какая у вас цель?“

„Нам необходим кров. Не можем же мы вечно ночевать на скамейках в парке!“

„Конечно, но имеются ли у вас кровати?“

„Разумеется. Теперь мы спим, как миллионеры! У нас есть и кухня.“

„Кто же будет для вас готовить?“

„Моя мать.“

„И ей заплатят за это?“

„Да! Каждый будет вносить 5 центов в день, а за ночлег особо 5 центов. Но у нас еще мало денег. Я принес вам статью о нашем клубе. Гонорар пойдет в клубную кассу.“

„Ты энергичный парень! Твое начинание должно изумить и пристыдить наших миллионеров-благотворителей. Джон, я уважаю тебя“

„Я очень рад, что вы одобряете мой план. Если бы вы знали, как скверно жилось моим товарищам!“

„Я имею об этом представление. Сейчас же отправляйся наверх — в ателье. Тебя там сфото-

графируют. Все должны знать, как ты выглядишь. Я напишу сногшибательную статью!“

„Но мне хотелось бы пополнить кассу клуба! А если вы напишете, то “

„Успокойся, Джон!“ прервал его мистер Бэрнс. „Я уступаю свой гонорар в пользу клуба. Иди немедленно в ателье! А затем мы вместе отправимся в ваш клуб, чтобы сделать там несколько снимков.“

Через десять минут они покатали в автомобиле на 14-ую улицу. Редактор хотел, чтобы его статья появилась еще в дневном номере.

К счастью, в клубе оказалось несколько мальчуганов. Мистер Бэрнс был приятно поражен, увидев чистые, уютно убранные комнаты. Клуб превзошел все его ожидания. Он сфотографировал несколько комнат, мальчуганов, а также клубную хозяйку, госпожу Уоркман. Затем он записал устав клуба. Его очень заинтересовал также портрет покойного железнодорожного короля Гарримана с надписью:

„В воспоминание о нашем Чарли Бекерсе.“

Он понял, почему этот портрет с надписью висит на самом почетном месте: бедный Чарли был невольным виновником всего этого благополучия.

„Закажите красивую рамку для этого портрета,“ сказал мистер Бэрнс и выложил на стол пять долларов.

Затем он помчался в редакцию.

Вся первая страница газеты была посвящена клубу мальчиков-газетчиков, которые восторженно завывали на Бродвэе: „Джон Уоркман — президент клуба юных газетчиков!“

Джон бегом пустился домой, чтобы показать матери её портрет в газете. Госпожа Уоркман со слезами радости смотрела то на газету, то на сына.

Но Джона уже и след простыл. Он побежал распродавать газеты. Этот день прошел для него словно в сказке. Многие жали ему руку, гладили по голове и говорили: „Славный парень!“ В карман ему совали деньги и лакомства. Никогда не распродавал он так быстро своих газет! Пришлось несколько раз бегать за новой партией.

В трамвае одна весьма почтенная дома послала к нему свою маленькую хорошенькую дочку лет шести. Крохотная барышня подошла к нему и сказала:

„Вот тут чек от моей мамы — для твоих бедных товарищей, и еще мама велела поцеловать тебя.“

Под одобрительные возгласы публики девочка обвила руками его шею и крепко поцеловала. Джон густо покраснел. Потом, подойдя к клубу, он увидел там огромную толпу и целые ряды автомобилей и экипажей. Он еле пробрался в дом.

Его мать стояла, окруженная тесным кольцом многочисленных посетителей. Она почти потеряла голову, — не знала, как отвечать на все задаваемые ей вопросы. Всё вокруг было заставлено подарками — мебелью, подушками, коврами, книгами, платьем; привезли даже два рояля и бильярд.

Наконец, мать увидела своего сына.

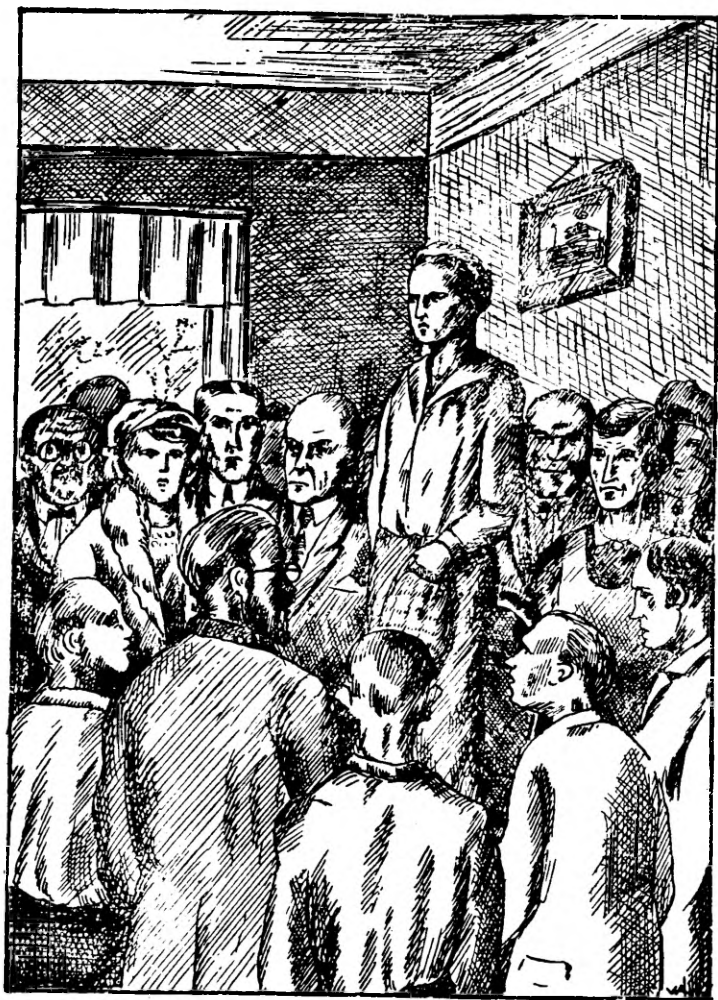
„Джон, Джон, иди ко мне!“ крикнула она, как бы прося о помощи. Все расступились. Он подбежал к матери. Она прижалась к нему. Все смотрели на них с умилением. Один пожилой господин, очень почтенный на вид, выступил вперед.

„Сэр,“ начал он, „или лучше — президент клуба газетчиков, мистер Джон Уоркман! Мы пришли сюда, чтобы засвидетельствовать свое уважение и удивление перед вашей плодотворной деятельностью. Тысячи наших сограждан были тем же, что и вы — простыми газетчиками.“

Я сам. владелец крупного железопромышленного предприятия, торговал когда-то газетами. Мне хорошо известна тяжелая, полная лишений жизнь газетчиков. Вы осуществили то, о чем мы, бывшие газетчики, давно уже мечтали. Вы дали кров своим бездомным товарищам. Вы защитили их от голода и холода. Вы создали оплот для будущих руководителей нашей страны.

Я обращаюсь к почетным гостям этого клуба: крикнем трижды „ура“ в честь первого президента клуба мальчиков-газетчиков, в честь достопочтенного Джона Уоркмана!“

Громовое „ура“ раздалось в ответ на эту речь. Джон видел вокруг оживлённые лица, сиявшие ра-

достью. В глазах этих людей он читал одобрение и признание своих выдающихся способностей.

Из рук почетных гостей посыпались чеки, банк-

ноты, золото, серебро. Не зная, куда все это девать, он начал складывать дары в передник своей матери. Затем пожилой господин, сказавший речь, поставил его на стул, чтобы все могли видеть юного президента. Джон Уоркман начал свою благодарственную речь:

„Лэди и джентльмены! Вы пришли сюда приветствовать меня, как основателя нашего клуба. Но все эти приветствия должны быть отнесены прежде всего к моему умершему товарищу. Так было написано сегодня в газете, которую я продаю, и я вполне согласен с автором этой статьи. Мне пришлось видеть, как мой маленький товарищ Чарли Бекерс умирал на чердаке конюшни. С тех пор я начал обдумывать, нельзя ли как-нибудь изменить к лучшему нашу жизнь газетчиков.

В моих планах меня всегда поддерживала любовь к матери. Она давала мне силу для выполнения того, что я задумал. Мне уже давно приходится заботиться о моей мамочке — она слишком слаба, чтобы работать.

Четыре года тому назад отец сказал мне перед смертью: „Джон, позаботься о матери.“

И вот я всё время заботился о ней.

Спасибо вам за помощь! Спасибо от меня и моих товарищей! А теперь, обратился он к стоявшим позади мальчуганам, ответим троекратным ура на приветствие наших гостей!“

Мальчуганы закричали, как по команде, и „ура“ прогремело не три раза, а по крайней мере — дюжину раз. Кто-то сунул в руку Джона огромный американский флаг. Все запели национальный гимн.

Затем гости начали расходиться.

Мальчуганы принялись за подсчет подарков. Когда через несколько часов они кончили, у всех вытянулись лица от изумления, — они не верили своему счастью. Все это было словно сказка из „Тысячи и одной ночи.“ Они получили целое состояние, большое состояние! Так одаривать умеют одни только американцы. Для них собрали более 80.000 долларов!!

Они получили чеки чуть ли не от всех миллионеров. Газетный король прислал 20.000 долларов и письмо, в котором обещал каждое Рождество устраивать для них ёлку.

На радостях мальчуганы совсем позабыли о сне. Напрасно госпожа Уоркман уговаривала их итти спать. Никто не слушался. Юные газетчики уснули лишь под утро, — кто на столе, кто на полу.

Только Джон долго еще бодрствовал. Он смотрел на своих спящих товарищей и думал обо всем происшедшем. Да, ему посчастливилось! Он сумел позаботиться и о матери и о товарищах. Теперь он может отправиться в далекие странствия по белу свету. У него есть на это право! Джон уже видел себя взрослым человеком, миллионером, дающим работу и хлеб тысячам людей. Это — его цель. Он должен стать тем же, чем был газетный король!

Наконец, и он соскользнул на пол и заснул, все еще держась за древко флага. Джон Уоркман, мальчуган-газетчик, утопал в мягких складках растилавшегося под ним американского знамени.

Годы странствий по Западу.

Глава XIII.

Теплым августовским вечером Джон сидел в комнате, которую занимал вместе со своей матерью, и с упоением читал жизнеописание знаменитого изобретателя Томаса Эдисона. Эту книгу дал ему мистер Бэрнс. „Эдисон, так сказать, твой коллега“, сказал Джону редактор, „он, как и ты, в холод и в дождь продавал на улице газеты. А теперь он знаменитый создатель новой отрасли промышленности и обладатель миллионного состояния!“

Джон с захватывающим интересом читал эту книгу. Он узнал, что Эдисон, будучи тринадцатилетним мальчиком, не захотел удовлетвориться продажей газет в своем родном Детройте. Он начал продавать их в поездах, между Детройтом и Чикаго, — это было выгоднее! А четырнадцати лет отроду он основал свой собственный железнодорожный листок, который он сам составлял, набирал, печатал и продавал в поезде.

Вдруг Джон прервал чтение и задумался. Он прочел, что Эдисон еще мальчиком изучил алфавит Морзе, и это дало ему возможность быстро схватывать содержание телеграмм, которые он читал на станциях, где останавливался поезд. Таким образом он получал очень важные известия для своей газетки. У Джона еще не было таких познаний. Он решил как можно скорее пополнить пробелы своего образования. Тут ему пришли на ум слова старого мастера Миллера: „Отсутствие знаний — не порок, но

стыдно век быть невеждой!“ . Ну, он-то, Джон, успеет еще набраться ума-разума!

Он взглянул в окно. Вдали виднелся нью-йоркский залив, а еще дальше — бесконечный океан и клонящееся к закату алое солнце. Джон замечтался. Три дня тому назад ему исполнилось пятнадцать лет. Значит, он уже на год старше Эдисона, когда тот открыл свое первое самостоятельное предприятие. — Джон не был удовлетворен тем, что ему удалось сделать. Ему, правда, посчастливилось обеспечить свою мать, у него много друзей, он лично знаком с самим мистером Беннетом и успел уже кое-чему научиться, но — он всё еще продает газеты! Разве это занятие для взрослого человека?!

Дальше Джон прочитал о том, как Эдисона выгнали из поезда за то, что, занимаясь каким-то химическим опытом, он чуть-было не спалил целый вагон. Тогда он поступил телеграфистом на железнодорожную станцию. Но как же Эдисон вышел в большие люди? Каким образом он стал гениальным изобретателем и миллионером? — Джон снова принялся за книгу.

Вдруг он услышал, что его мать с кем-то разговаривает на кухне. Через несколько минут дверь открылась, и вошла госпожа Уоркман в сопровождении неизвестного ему господина лет тридцати.

„Вот, Эдуард, — мой сын, о котором ты наверное уже слышал“ . Посетитель подошел к Джону и по-американски крепко пожал ему руку. „Алло, Джонни, рад с тобой познакомиться! Я видел твой портрет и читал описание твоих приключений даже в газетах Дальнего Запада. В Нью-Йорк я приехал ненадолго, и вот пришел познакомиться!“

Это был один из младших двоюродных братьев госпожи Уоркман — горный инженер Эдуард Уинстон, который уже в продолжение нескольких лет работал на Дальнем Западе, в Калифорнии. Его попросили остаться. Сперва разговор зашел о родственниках, о разных дедушках и бабушках. Наконец, Эдуард Уинстон начал рассказывать о своих теперешних делах. „Я работаю на цинковых разра-

ботках в южной Калифорнии. Ужасная местность, — ни капли воды! Прежде всего мы вырыли колодцы, а через три месяца в пустыне вырос город. Провели железную дорогу, начался вывоз руды.“

Джон слушал, затаив дыхание. Перед ним открывался чудесный новый мир, нечто совсем не похожее на привычную жизнь в Нью-Йорке! Его глаза лихорадочно заблестели. Эдуард Уинстон понял переживания Джона и сказал:

„Поезжай, дружок, на Запад! Оставь старый Восток и отправляйся на ю н ы й Запад. Там больше воздуха, простора!“

Начало темнеть. Госпожа Уоркман внесла в комнату керосиновую лампу.

„Я читаю биографию Эдисона,“ начал Джон. „Сейчас я остановился на том месте, где говорится, как он стал телеграфистом. Очень интересная книга, мистер Уинстон! Я хотел бы знать, побывал ли Эдисон на Западе.“

Эдуард Уинстон пожал плечами. „Во времена юности Эдисона — и наш Восток был еще молод. Теперь всё — по другому! Если бы Эдисон должен был начать всё снова, он обязательно поехал бы на Запад! К тому же Детройт и Чикаго, где он начал свою деятельность, находятся приблизительно по середине. На Востоке ему не позволили бы печатать газету в багажном вагоне!“

„Значит, ты тоже знаешь историю Эдисона,“ прервал его Джон. — „Кто же из нас, американцев, её не знает?“ смеясь ответил Эдуард Уинстон. „Эдисон работал иногда по двадцать четыре часа в сутки, и мог бы работать больше, если бы сутки не состояли всего из двадцати четырех часов!“

И Уинстон начал рассказывать анекдоты, которые передавались изустно, и нигде еще не были напечатаны. Так, например, работая над одним важным изобретением, Эдисон совсем забыл о своей свадьбе. Друзья должны были силком вытащить его из лаборатории, чтобы ехать венчаться! А однажды он работал шесть дней и шесть ночей подряд: — ассистенты сменялись по несколько раз, а Эдисон не

выходил из лаборатории, пока ему не удалось сделать нужное открытие!

Эдуард Уинстон ушел поздно вечером: он должен был с ночным поездом выехать обратно на Запад. Госпожа Уоркман давно уже отправилась спать, а Джон все еще сидел и думал. Рассказы родственника произвели на него сильное впечатление: он окончательно укрепился в своем давнем намерении ехать на Запад.

Джон встал и направился в общую спальню мальчиков, где принялся будить инспектора клуба Чарли Коплея. Тот долго сопел и ворчал, — никак не мог проснуться.

„Вставай, Чарли, и иди за мной!“

Мальчуган кое-как оделся и пошел за Джоном в главную комнату клуба.

Стрелка больших стенных часов стояла на двенадцати. Они уселись за столом друг против друга.

„Чарли, до новых выборов ты будешь исполнять обязанности президента клуба. Я сегодня уезжаю из Нью-Йорка.“

Чарли Коплей даже поперхнулся от удивления. Джон Уоркман продолжал: „Это мое твердое решение. Ты один будешь знать об этом. Сейчас я передам тебе все книги и кассу клуба. Придется часа три поработать. Тогда я смогу спокойно уехать!“

Чарли беспрекословно подчинился распоряжению президента клуба. Джон открыл несгораемый шкаф, принес деньги и книги. Начались подсчеты. За два года существования клуба Джон с успехом вел всю бухгалтерию. Он старался, чтобы его сотрудники по управлению клубом также принимали участие в этой нелегкой работе. Когда пробило три часа, они кончили. Выяснилось, что состояние кассы вполне соответствовало цифрам приходо-расходных книг. Тогда Джон Уоркман написал квитанцию: „Сим удостоверяю, что вплоть до 4 августа 1912 года Джон Уоркман содержал в порядке все книги и кассу клуба мальчиков-газетчиков.“ Эту квитанцию Чарли Коплей должен был подписать. Джон бережно уло-

жил её в бумажник, передал Чарли ключи, крепко пожал ему руку и вышел из комнаты.

Затем он принялся писать письмо матери. Джон знал, что ему никогда не удастся выбраться из Нью-Йорка, если он посвятит мать в свои планы и будет с ней говорить с глазу на глаз. Стиснув зубы, он написал нижеследующее:

„Дорогая мама, я уезжаю на Запад. Об этом я думал уже давно. То же самое мне советовал сегодня Эдуард Уинстон. Как только найду себе службу, сообщу адрес. Не беспокойся! Ты обо мне услышишь, и скоро я вернусь.

Твой Джонни.“

„Готово! — Это было самое трудное“, подумал он. Затем он быстро уложил в свой узелок пару запасных сапог, бельё, новый костюм и жизнеописание Эдисона. Потом он вынул деньги, — их у него было больше 500 долларов. Одну сотню зашил он под подкладку куртки, двадцать долларов мелочью сунул в карман, а остальные деньги вложил в письмо к матери. Захватил еще пол-хлеба и колбасу, — теперь всё готово!

Он вышел на улицу. Была еще ночь, и горели фонари. Он сел в трамвай, который в этот поздний час был совсем пуст. Замелькали улицы, имевшие номера вместо названий. До сотой улицы — деловая часть города, затем — вплоть до двухсотой — жилищный район. Потом начался пригород. Все чаще виднелись пустыри между домами. Наконец, трамвай остановился. Джон поспешно выскочил из него. Кругом было совсем темно. Здесь город уже кончался. После некоторых усилий Джон выбрался, наконец, на немощеную, ухабистую сельскую дорогу. Для Америки это характерно, — там сперва строят железные дороги и только потом прокладывают шоссе, которые и теперь оставляют желать лучшего. Джону Уоркману пришла в голову не особенно остроумная мысль: в этом царстве железных дорог он решил отправиться на Запад пешком!

Понемногу начало светать. Появились отдель-

ные повозки фермеров, отвозивших в город мясо, свежие овощи, молоко и фрукты. Вскоре совсем рассвело. Вдали засинели очертания леса. Домов почти не было видно. Вокруг расстилались старательно возделанные поля. На траве блестели алмазы росинок. Птицы приветствовали странника своим щебетаньем. Услышав пение зяблика, Джон начал подражать ему. У него это вышло довольно удачно.

Где-то в деревне пробили часы на башне. Джон сосчитал удары — шесть часов! Значит, как раз теперь встанут его товарищи. А через полчаса они побегут галопом на Бродвэй за газетами.

Джон Уоркман больше уж не побежит с ними! Теперь он свободен, как поющие в кустах птицы. Мир раскрыт перед ним. Кругом — цветы. Наверху теплое солнце и высокое небо. Нет вокруг ни озабоченно снующих людей, ни уличного шума! Повсюду тишина, и такой чудесный, чистый утренний воздух! Джон Уоркман совсем не знал до сих пор этого мира природы. У него было такое чувство, словно он начинает выздоравливать после тяжелой, целые годы длившейся болезни.

Проходя через небольшую деревню, Джон зашел в булочную закусить, но его отдых продолжался недолго: ему хотелось быть одному. Он снова услышал звонкое пение жаворонков и начал собирать букетик цветов. Тут он вспомнил мать. Как хорошо было бы с ней вдвоем скитаться по белу свету! Как бы она радовалась всей этой красоте!

Ему вдруг взгрустнулось. Но он вспомнил, что у его мамочки есть маленький садик, в котором он сам посадил для неё цветы. Эта мысль его успокоила. Джон начал напевать веселую песенку. Проходя мимо орешника, он вырезал себе палку.

Около полудня он выбрал уютное местечко в тени клёна, улегся, заложил руки за голову и стал смотреть сквозь зеленую листву на синее небо. Вскоре он крепко заснул. Белокурые кудри выбились на его разгоряченный лоб. На губах играла легкая улыбка. Рядом, в траве, лежал небольшой узелок и ореховая палка.

Г л а в а XIV.

Жарко светило полуденное солнце. Казалось, вся природа изнывала от зноя. Около того места, где спал Джон, начинался густой кустарник, и росла ежевика. Невдалеке находился лес.

В старые времена, по проходившей здесь дороге переселенцы направлялись из Нью-Йорка через Коннектикут на Запад. Тогда здесь происходило целое переселение народов. Миллионы людей с домашним скарбом шли и ехали по этому пути искать счастья на Западе! Но за последние пятьдесят лет, с тех пор как страна покрылась густой железнодорожной сетью, дорога опустела и заглохла. Ею пользовались теперь только фермеры.

Неожиданно из лесу донеслись какие-то страшные крики. Но наш утомленный, крепко уснувший герой их не слышал. Затем показалась из-за кустов безобразная, пестро раскрашенная голова молодого индейца. Осторожно, словно хищный зверь, поглядел он во все стороны и, заметив спящего Джона, издал лёгкий свист.

Индеец внимательно оглядел Джона, чтобы убедиться, крепко ли он спит, и затем прислушался, нет ли кого поблизости. Потом он снова исчез в чаще. Через несколько минут в лесу раздались протяжные свистки.

Точно такие же сигналы послышались в ответ. Снова раздвинулся кустарник, и к Джону Уоркману стал подползать на животе молодой индеец. Почти неслышно, как змея, приближался он к спящему. Верхняя часть его туловища была обнажена и пестро раскрашена по военному обычаю индейцев. Его кожаные штаны поддерживались ремнем, к которому были прикреплены — большой нож, лассо и колчан с полудюжиной длинных размалёванных стрел. В руках он держал большой лук.

За ним выползло из леса еще несколько индейцев, которые так же бесшумно начали приближаться к безмятежно спавшему Уоркману.

По индейскому обычаю, они расположились

кольцом вокруг юноши, чтобы ему некуда было бежать, если проснётся раньше времени.

Вдруг послышался с дороги стук колёс. Индейцы окаменели. Один из них, пристально взглядывавшийся по направлению приближавшейся повозки, дал своим товарищам знак рукой. Тогда все они с необычайной ловкостью попрятались за большие камни или кусты, так что их нельзя было заметить с дороги.

Проезжавший мимо фермер действительно ничего не заметил. Но Джон Уоркман слышал сквозь сон стук колес. Ему почудилось, что он снова в Нью-Йорке и продает газеты вблизи надземной дороги, по которой с грохотом пронесится поезд.

Едва повозка удалилась, индейцы, по знаку старшего, выползли из-за кустов и снова окружили спящего так, чтобы он не смог — ни защищаться, ни убежать. Затем двое из них отстегнули от ремней свои лассо и с громким криком набросились на Джона. Другие начали связывать ему руки и ноги. Широко раскрытыми глазами смотрел Джон на безобразные лица своих врагов. Сначала он не мог понять, в чем дело.

Через несколько секунд он рванулся, чтобы сбросить с себя индейцев, но они уже успели связать его: иначе пришлось бы им немало повозиться!

Джон напряг все свои силы. Связанный по рукам и ногам, он шаром катался по земле, отпихивая от себя индейцев, однако в конце концов был вынужден прекратить сопротивление. Сердито смотрел он на индейцев, один из которых выступил вперед и сказал:

„Бледнолицый находится во власти молодых воинов племени Сиуксов. Пусть бледнолицый знает, что с него снимут скальп! Он последует за краснокожими воинами в их лагерь. — Там Черный Орел и его храбрые воины решат, как поступить им с бледнолицым.“

Первый раз в жизни кулаки Джона сжимались в бессильной ярости. Сверкая глазами, ответил он индейцам:

„Вы — трусливые собаки, а не храбрые воины! Всего в нескольких милях от Нью-Йорка нападаете на безоружного спящего человека! Скоро попадете вы в руки ближайшего шерифа, и он приговорит вас за вашу наглость к ударам плетью. Вот наказание, которого вполне заслужила ваша красная кожа!“

Дружный хохот раздался ему в ответ. Молодой предводитель дал знак рукой, чтобы его воины замолчали, и сказал:

„Бледнолицый — дерзок, но это — дерзость старой бабы. Пусть он покажет свое мужество у столба пыток! Слова же его — словно ветер над прерией. Эй, вперед! Перетащите-ка его в наш лагерь!“

Джон Уоркман еще раз попытался освободиться от пут. Но — напрасно! С ненавистью смотрел он на смеющиеся лица молодых индейцев.

„Вы — хуже, чем уличные хулиганы!“

Они подняли его и понесли в лес. Иногда индейцы останавливались и прислушивались, — повидимому боялись чего-то. Это придавало Джону смелости. Он подумал: наверное, они опасаются каких-нибудь находящихся поблизости людей, которые могут притти ему на помощь. Он начал как можно громче проклинать их и ругаться, чтобы его могли услышать. Тогда индейцы заткнули ему рот тряпкой.

Но Джон не терял надежды. Его мысль напряженно работала. С ним происходило нечто совершенно невероятное! Ведь, он находился так недалеко от Нью-Йорка, где индейцев знают больше по романам, и все занятные истории об их жизни считают вымыслом!

Откуда взялись эти индейцы? Как могли они появиться в окрестностях самого большого города Америки? Он никак не мог найти подходящего объяснения.

Лес, по которому его несли, становился все гуще и темнее. Вскоре они подошли к большому озеру. На опушке леса, у самого берега, возвышался утёс. К его подножию подступали волны, но в этом

месте было еще так мелко, что люди без труда обходили утёс вброд.

С вершины этого утеса свистнул дозорный индеец. Его товарищи ответили ему таким же свистом.

Индейцы вошли в воду, которая доходила им до щиколотки. Вскоре они обошли утес и вышли на лужайку, где виднелись пестрые индейские палатки, и горели костры.

Около самого большого костра стоял белый человек. Возле него сидело около дюжины молодых индейцев. Все они громко приветствовали своих товарищей и начали с любопытством рассматривать Джона Уоркмана.

„Алло, Черный Орел,“ крикнул белый, „ты, кажется, принес нам жаркое к обеду?“

Джон заметил, что белый обратился к тому самому индейцу, который уже несколько раз говорил с ним и, повидимому, играл роль вожака. Тот ответил:

„Черный Орел нашел бледнолицого в пределах своей охотничьей земли. Он забрался туда без позволения, и за это будет посажен на кол!“

Белый, единственный вполне взрослый человек в их кругу, дружески посмотрел на Джона и сказал:

„Well, мой мальчик, надеюсь, ты простишь этих джентльменов. Наше дело — хорошее, но в своем рвении они зашли слишком далеко.“

Джон поднял голову и гордо посмотрел на белого и на индейцев.

„Я не понимаю вас, сэр,“ начал он, „как можете вы защищать этих хулиганов? — О каком „хорошем деле“ вы говорите? — Эта банда заслуживает примерного наказания. Как только освобожусь, я оповещу фермеров и пойду к ближайшему шерифу, чтобы он обезвредил это осиное гнездо краснокожих. Повидимому, эти молодцы бежали из исправительного дома, куда их следует снова засадить.“

Все расхохотались, — и индейцы, и белый. Это взорвало Джона. Он никак не мог понять, почему они так потешаются над ним. Белый подошел к нему и сказал:

„Я вижу, ты все еще принимаешь этих мальчу-ганов за настоящих индейцев. Они такие же индейцы, как и ты сам! Мы — скауты.“

„Я не понимаю вас, сэр! Кто это — скауты?“

„Сейчас объясню тебе, мой мальчик! Но сперва развяжите его и окажите ему гостеприимство!“

Черный Орел подошел к Джону: „Великий белый вождь, которому мы все подчиняемся, велит нам принять тебя, как гостя.“ Затем он обратился к своим товарищам: „Развяжите пленника!“

Джон расправил свои молодые крепкие мускулы и сказал:

„Не советовал бы вам теперь связываться со мной! Повторяю: это — была трусость с вашей стороны — напасть на спящего!“

„Нет, не трусость, бледнолицый,“ возразил Черный Орел. „Наш образ действий подсказан жизненной мудростью, которой ты мог бы у нас поучиться! Чтобы победить сильнейшего, — нужно его лишить возможности сопротивляться.“

„Об этом я подумаю,“ сказал Джон. Он вспомнил, что старый мастер Миллер говаривал ему нечто подобное. В словах Черного Орла несомненно заключалась некоторая доля правды.

„Скажите, пожалуйста“, обратился Джон к белому, — „что это за странное общество? Я надеюсь, вы ничего не будете иметь против этого выражения! Никогда раньше мне не приходилось слышать, что невдалеке от Нью-Йорка до сих пор живут еще индейцы!“

Все опять начали громко смеяться.

„Как? Ты все еще не видишь,“ сказал белый, „что кругом нет никаких краснокожих? Здесь только мальчики, играющие в индейцев. Мы — нью-йоркские бой-скауты. Разве ты ничего о них не слышал? Сейчас объясню тебе, в чем дело. Вот только взгляну, готов ли наш маис “

Он подошел к котелку, висевшему между тремя железными прутьями, и острой деревянной палочкой помешал варившийся маис. Убедившись, что зернышки

еще недостаточно размякли, он снова подошел к Джону Уоркману.

„Присядь-ка сюда! Я так и быть представлюсь тебе, хотя у нас и не в обычае салонная вежливость! Меня зовут Фрэд Вандербильт“

У Джона даже дыхание сперло от изумления! В имени Вандербильта для американцев есть что-то сказочное, — оно пахнет золотом, миллиардами

„Извините меня, сэр, за любопытство“, сказал Джон, „не родственник ли вы знаменитому Вандербильту?“

„Да, мой мальчик! Но это еще ничего не значит. А как тебя зовут?“

„Джон Уоркман.“

Теперь изумились мальчуганы-индейцы.

„Ты тот самый Джон Уоркман?“

„Да, сэр, я — Джон Уоркман.“

„Well, очень рады с тобой познакомиться.“

Все мальчуганы образовали вокруг него тесный кружок. Им приходилось читать о нём в газетах. Для многих из них он был образцом героя, — они нередко мечтали подражать ему. Теперь они увидели его так близко! Как это часто бывает в жизни, они представляли себе, что он должен выглядеть совсем по-другому. Все они молча его рассматривали.

Джон подумал, что они не верят ему. Он вытащил из кармана номер „Геральда“, в котором был напечатан его портрет.

„Вы, кажется, не верите, что я, действительно, Джон Уоркман? Вот — убедитесь,“ — и он протянул им газету.

Но никто из мальчиков и не думал сомневаться в правдивости его слов. Молодой Вандербильт еще раз пожал руку Джону и сказал: „Ты нас не понял. Никто не подозревал тебя во лжи. Прости нам нашу шутку! К тому же я имею право задерживать всякого, кто без позволения вступает на эту территорию, — вся округа принадлежит моему отцу. Но забудем эту историю и станем друзьями! Мы будем очень рады, если ты проведешь с нами несколько дней. Поживи здесь, присмотришь!“

Джон Уоркман окончательно успокоился. До-
сады — как не бывало!

Теперь он был даже рад, что его затащили сюда против его воли. Он не мог не оценить этого случайного знакомства с представителем одной из знаменитейших фамилий Америки.

К нему приблизился какой-то очень долго-
вязый молодой человек. Он протянул Джону руку и сказал:

„Рад с тобой познакомиться. Меня зовут Фрэд Гаррисон. Я еще учусь в школе. Хочу стать инженером. В моей палатке есть свободное место. Ты можешь у меня остановиться.“

„Well, boys, сказал тот, кого Джон принял сначала за единственного белого в этом лагере. „Маис разварился. Теперь можем пообедать.“

По обычаю дикарей все уселись прямо на землю. Посередине поставили котелок с маисом и маленький горшочек с солью. Все принялись есть с большим аппетитом.

Хотя Джон и вырос в очень бедной обстановке, ему было странно есть руками! — без тарелки, без ножа и вилки! Но для остальных мальчиков, которые все были детьми известных богачей, это должно было казаться чем-то еще более необычайным. Однако вся эта компания уписывала маис с большим увлечением! На десерт принесли белый хлеб и фрукты. Затем все легли отдохнуть. Джону пришлось впервые войти в настоящую индейскую палатку. Так же, как и у индейцев, — пестро разрисованное полотно палатки было укреплено на сдвинутых железных прутьях. Отверстие вверху палатки было прикрыто связкой ивовых веток. Постели были из мягкого, густого мха. Их покрывали одеяла из грубой шерсти. На кольях висели охотничьи снасти и одежда.

В эту ночь Джон Уоркман спал так же крепко, как и все остальные. Его разбудили глухие удары в барабан. Это был индейский сигнал к пробуждению.

Все мальчики быстро оделись и собрались около большого пестро-раскрашенного камня рядом с па-

латкой их предводителя, — Черного Орла. Последний отдал распоряжения относительно предстоящей игры.

Она заключалась в следующем: два скаута, взвалив на спину две козьих шкуры, направлялись в лес. Там они сваливали их где-нибудь в укромном месте. Остальные должны были в продолжение двух часов отыскать — местонахождение этих шкур. Кто нашел первый, — получал приз. По окончании игры все вместе выкупались. Потом наши скауты уселись вокруг костра и принялись за еду. Утренний завтрак состоял из чая и хлеба.

Затем все скауты начали гримироваться под индейцев.

После обеда Джон сказал Фрэду Гаррисону, который приютил его у себя:

„Завтра утром я вас покину. Мне нельзя долго оставаться без дела.“

„Куда же ты хочешь ехать?“ спросил его молодой студент.

„На Дальний Запад. Хочу зарабатывать деньги!“

„На Запад? Well, my boy! я тоже направляюсь туда. Поеду на ферму, — далеко за Чикаго. В прошлом году я работал там вместе с моими товарищами во время сбора урожая. Если хочешь, отправимся вместе!“

„С удовольствием. Как далеко это отсюда?“

„Пешком мы не скоро добрались бы!“ смеясь ответил Гаррисон. „По железной дороге два дня пути.“

„А я хотел бы все-таки идти пешком! По дороге буду изучать местность, — это не лишено пользы.“

„Верно!“ ответил Фрэд Гаррисон. „Но тебе придется идти туда по крайней мере четыре недели. Между тем за этот срок ты смог бы там заработать долларов тридцать. Билет же стоит десять долларов, так что твой чистый доход будет равняться двадцати долларам. — Уж лучше поедем вместе!“

После короткого размышления Джон согласился.

Вечером скауты устроили большой пир в честь отъезжающих. Он закончился военной пляской индейцев. Жители Нью-Йорка, вероятно, страшно испугались бы, если бы попали в этот лес и увидели

раскрашенных краснокожих, дико пляшущих в тёмном лесу вокруг костра! Даже Джону показалось, что он находится не среди своих друзей-скаутов, а где-то в дебрях Дальнего Запада.

На другой день, рано утром, вся молодёжь, в полном индейском облачении, проводила отъезжавших на станцию. Фрэд Гаррисон взял билеты до Спрингс-гилля, который находится на расстоянии двух с половиной тысяч миль от Нью-Йорка.

Глава XV

Впервые предстояло Джону ехать в известном своей скоростью экспрессе Западно-американской железной дороги.

Он привык к быстрым темпам нью-йоркской жизни. Тем не менее, в страшной скорости, развиваемой поездом, для него было нечто совсем сказочное. Он был взволнован и преисполнен гордости: ведь с теми же удобствами едут на Запад миллионеры!

Когда он продавал газеты на огромной центральной станции Нью-Йорка, у него бывало иногда такое чувство, словно он находится в театре и видит какое-то страшно напряженное драматическое действие.

Как там бывало шумно, — сколько криков, сигналов! Как все мчались, спешили! Всем была дорога каждая секунда. Несмотря на дальность расстояния, знаменитый Тихо-океанский экспресс приходил и уходил с изумительной точностью. А локомотивы! — Могучие, блестящие, они казались Джону какими-то сказочными чудовищами, существами из другого мира, — непонятого и заманчивого. Чего только не видели эти паровозы! С какой необычайной быстротой вертелись их колеса! Какая сила была у этих железных чудищ! Они перевозили тяжелые, неповоротливые вагоны через весь материк, — от Атлантического океана к Тихому! И всего в несколько дней! Тогда как раньше нужны были месяцы!

Еще по дороге к маленькой станции Стэмфорт, Джон обратился к молодому Вандербильту:

„Не странно ли, что теперь больше не бывает катастроф с нашими скорыми поездами?“

Вандербильт засмеялся. „Наш Тихо-океанский экспресс — самое безопасное место во всем свете! Я знаю это по собственному опыту. А вы что скажете, ребята?“ — „Конечно!“ отвечали все хором.

„Два года тому назад отец послал меня служить на одну принадлежащую ему дорогу на юге. Я ездил целый месяц в качестве истопника на локомотиве № 8590. Наш машинист, который уже двадцать два года находится на железнодорожной службе, рассказывал мне, что несчастья с поездами — большая редкость. А если что случается, то всегда по вине людей. Механизм машин можно сравнить с человеческими мускулами и нервами, разница только в том, что он работает гораздо точнее и лучше!“

Вскоре они пришли на маленькую станцию Стэмфорт. Ее построили только потому, что поблизости жил Рокфеллер, — у этого самого крупного богача Америки имелись здесь обширные поместья. Поезд останавливался на этой станции всего на полминуты. Тем не менее пассажиры обычно громко выражали свое недовольство. Как истые американские дельцы, они требовали от поездов — „speed!“

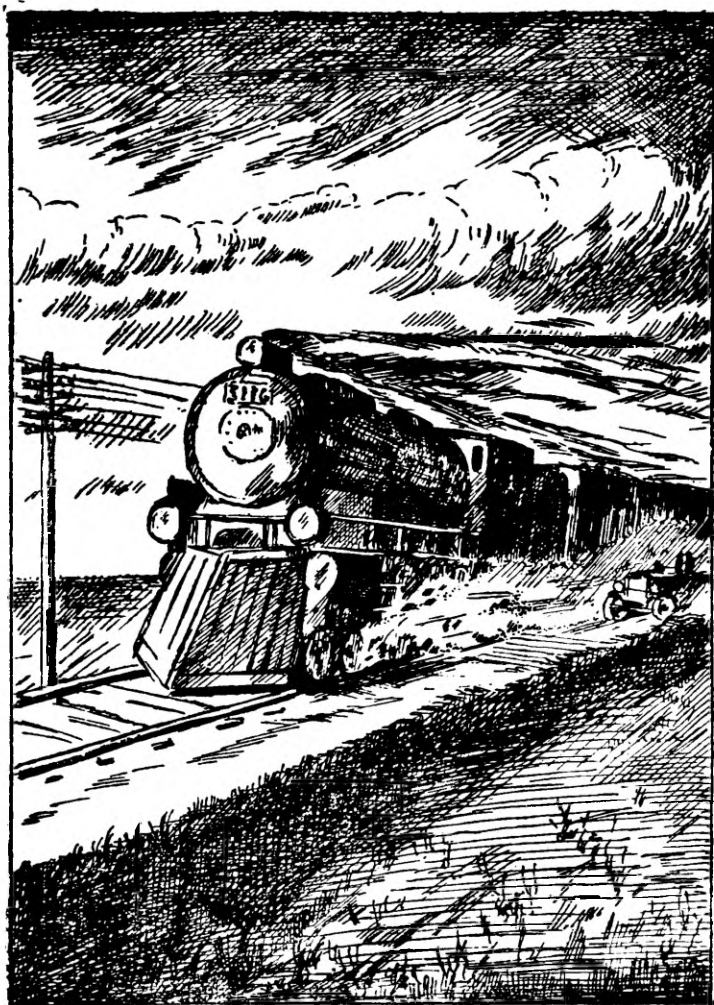
Speed — speed — speed — скорость! Это то, чего американец требует всюду. Для выполнения этого требования железнодорожные кампании производят очень строгий отбор служащих. В машинисты и истопники берут только людей, которые так же, как и машины, сделаны из железа и стали!

Когда Джон Уоркман и Фрэд Гаррисон вошли в вагон, они увидели вытянувшиеся от удивления лица пассажиров, смотревших на толпу собравшихся у вагона „индейцев“. Джон и Гаррисон поспешили к окну, чтобы знаками ответить на шумные приветствия своих друзей.

Раздались сигналы к отъезду.

Когда экспресс начал отъезжать от станции, к ней подкатил бешено мчавшийся автомобиль, кото-

рый немедленно понесся вслед за поездом. На заднем сидении стояло двое молодых людей. Они хлад-

нокровно ждали удобного момента, чтобы вскочить на высокую площадку вагона.

Около всех окон теснились взволнованные пас-

сажиры. Экспресс шел все быстрее. Но и автомобиль прибавил ходу.

Крик ужаса вырвался у многих пассажиров, когда один из молодых людей выпрыгнул из автомобиля. Прыжок оказался удачным. Вскоре прыгнул второй. Ему не так повезло: он наверняка попал бы под колеса, если бы его спутник вовремя не подал ему руки и не втащил его на площадку. Почувствовав себя спасенным, он крикнул шоферу:

„Поезжайте обратно и телеграфируйте в Нью-Йорк, чтобы мне со следующим поездом выслали в Чикаго все письма и телеграммы!“

„Yes, Sir,“ ответил шофер. Через несколько секунд он и его автомобиль уже скрылись из виду.

Оба молодых человека вошли в вагон. Ошеломленные пассажиры поздравляли их с благополучным исходом рискованного предприятия. Один из прибывших встретил знакомого:

„Well, Джонстон,“ сказал он ему, „мне нужно было обязательно поспеть на этот поезд! Я вышел из нью-йоркской биржи в момент ее закрытия — ровно в три часа. Но, к сожалению, вышла задержка с автомобилем: я опоздал в Нью-Йорке на поезд. Тотчас же помчался к Стэмфорту, — ведь до этой станции экспресс идет не так быстро! Завтра я во что бы то ни стало должен быть на открытии чикагской биржи. Завтра же, в три часа, покачу обратно и послезавтра утром буду снова на бирже в Нью-Йорке.“

Услышав эти слова, Джон Уоркман с особенной силой почувствовал безумную спешку американской деловой жизни. Недаром его соотечественники всегда кричали: speed — speed!

Экспресс развивал между тем все большую скорость. Он проходил 80 миль в час. За окнами вагона быстро мелькали поля, леса, реки и города.

„Как велика моя родина!“ думал Джон. Тихоокеанскому экспрессу, самому скорому из всех скорых поездов мира, нужно было по крайней мере пол-

дня, чтобы пересечь один только штат, а их насчитывалось в союзе около пятидесяти!

До другого океана было еще очень далеко. Джон высчитал: чтобы доехать до его берегов, нужно провести в вагоне четыре ночи и пять дней. Монотонный напев колёс действовал на него усыпляюще. Вскоре он и в самом деле крепко заснул.

Было уже снова утро, когда его разбудил Фрэд Гаррисон. В окно Джон увидел большое озеро, — это был Мичиган. Поезд шел вдоль его южного берега. Гаррисон повел Джона завтракать в вагон-ресторан. Опять мелькали за окном поля и фермы. Но уже чувствовалась близость большого города. Джон заметил грандиозную рекламу. Это была деревянная сигара колоссальных размеров с надписью: „The Hiavatha cigar manufactory.“

Золотые буквы рекламы мелькали уже где-то очень далеко, а Джон всё еще механически повторял: „Hiavatha — лучшая во всем мире сигара в пять центов.“ Эта фраза мозолила глаза во всех углах Соединенных Штатов. Джон хорошо знал ее по объявлениям в „Геральде“. Мелькали и другие рекламы — молока, жевательной резины и проч.

Между тем экспресс мчался мимо целого ряда колоссальных кирпичных зданий, на крышах которых виднелись огромные рекламные сигары. Повидимому это была фабрика „Гайаваты“. Здесь тысячи людей готовили миллионы сигар. Предприниматель, вероятно, такой же большой человек, как и Беннет! Но Джона пугала мысль разбогатеть на этом деле, — фабричные корпуса производили на него прямо-таки жуткое впечатление.

Вскоре они прибыли в „город ветров“ — Чикаго. И здесь — всё та же спешка, те же интересы, что и в Нью-Йорке. На станции мальчишки выкрикивали названия газет. Джон купил себе номер „Чикагских Новостей.“

Поезд опять помчался вдаль, на Запад, к своей конечной цели — Сан-Франциско. В окнах замелькали улицы, небоскребы, высокие трубы. Джон с восторгом смотрел на все эти каменные чудеса ве-

ликого города. Вдруг он улыбнулся, — вот он был в Чикаго и так и не успел прогуляться по его улицам!

Когда он снова выглянул в окно, — поезд уже был далеко от „города ветров.“ Они проехали весь Иллинойс. Поезд промчался по колоссальному мосту через Миссисипи и въехал в пределы старого индейского штата Иова. Затем переехали через Миссури. Началась Небраска.

После второй ночи, рано утром, они приехали, наконец, в Спрингсвилль. Это была совсем маленькая невзрачная станция, окруженная бесконечными прериями. Фрэд Гаррисон махнул рукой в сторону этих необозримых степей.

„Алло, Джонни! — Ты видишь теперь прерии! Они были когда-то ареной героической борьбы между белыми и краснокожими.“

„Да, да! Я всегда мечтал попасть в прерии. Они выглядят, как океан около Нью-Йорка. Неизвестно, где они начинаются, и где кончаются!“

„Верно, Джонни, неделями, месяцами можешь ты итти на запад, — и всё будут тянуться прерии!“

Оба вошли в маленькую деревянную хибарку, которую здесь называли „вокзалом“

„Алло!“ обратился Фрэд к одному из железнодорожных служащих, „нет ли здесь кого-нибудь из Спрингсфильда?“

„Нет, сэр! Но, может быть, вы найдете кого-нибудь оттуда в гостиннице „Висконсин“ Вы, вероятно, ищете работы?“

„Yes, Sir,“ ответил Гаррисон, „надеюсь, мы не останемся здесь без дела.“

„Безусловно! Год выдался урожайный, — работы много, а рук мало! Откуда вы приехали?“

„Из Нью-Йорка.“

„Так так Хорошо сделали, что приехали!“

Джон и Гаррисон вышли на сельскую дорогу. Несколько всадников бешено мчалось им навстречу, из прерии. Вид этих людей очень поразил Джона, — таких фигур ему еще не приходилось видеть. Он даже испугался, когда пятеро всадников неожиданно

вытащили револьверы и дали несколько выстрелов. — „Это разбойники; сейчас они нападут на нас,“ — подумал Джон.

„Что это за люди?“ тихо спросил он Фрэда. Тот заметил выражение испуга на лице Джона и засмеялся.

„Это—ковбои! Они хотят здесь немножко отдохнуть, то-есть выпить виски. Эти молодцы страдают неутолимой жаждой!“

Лица ковбоев были совсем черны от загара и довольно свирепы. У них были большие шляпы с широкими полями, пестрые рубашки с вырезом на груди и кожаные штаны. У пояса болтались ножи и револьверы. За ними бежали большие взъерошенные собаки.

Фрэд Гаррисон и Джон Уоркман шли теперь по направлению к местечку Спринггилль. Дорога была скверная, с глубокими колеями и выбоинами. Вскоре показался слева небольшой холм, над которым подымались клубы дыма. Фрэд указал рукой в сторону холма :

„Это — Спринггилль, самый большой город на протяжении многих сотен миль!“

Пройдя еще два километра, они увидели несколько деревянных домиков. Джон указал на них и сказал: „Слушай, Фрэд, ты вероятно подшутил надо мной. — Это даже не местечко!“

— „Ошибаешься, друг мой! Это очень даже значительное местечко. Там имеется трактир, в котором собираются ковбои, чтобы как-нибудь убить свободное время. Есть там и лавка, в которой ты можешь купить шнурки для ботинок, слабительное, дёготь, кожу, материю, франкфуртские колбаски, пуговицы и прочее. Затем в местечке выписываются газеты. Только я тебе не советую читать их! Местные жители сочтут тебя за преступника.“

„Почему же?“

„Во-первых, половина представителей здешнего общества не умеет читать, а во-вторых, их совершенно не интересует всё то, что происходит на свете за пределами Спринггилля! Другое дело, если

бы выходила местная газета, — её бы здесь читали! В газету же заглядывают только преступники, чтобы узнать, не напали ли власти на их след.“

„Очень жаль, Фрэд! Но я все-таки буду читать газеты.“

„В таком случае читай их тайком! А этот красный дом, — вон там, на горизонте, — отель „Висконсин.“

Джон засмеялся:

„Отель?“

„Да, именно отель! В чем-нибудь более грандиозном здесь не нуждаются. Большинству совсем не приходится пользоваться отелем. Если остаются без крова, — спят прямо на полу в трактире или, захватив одеяло, идут отдыхать в степь. Должен тебе сказать, Джонни, что спать на траве совсем не плохо, — иногда лучше, чем в самом комфортабельном отеле. У трактирщика есть, правда, железная походная кровать, но едва ли у него имеется вторая!“

„Почему же в таком случае его дом называют „отелем?“

„Потому что в нижнем этаже у него имеется зальчик, где продаются виски и пиво. — А как тебе известно, по нашим законам, торговля этими жидкостями дозволяется как раз отелям! Советую тебе пить там содовую воду с виски! Это предохраняет от лихорадки.“

Джон слушал его молча. Фрэд дружески ударил его по плечу. — „Повидимому, вокзал и отель произвели на тебя слишком удручающее впечатление! Но уверяю тебя, Спрингсгилль — это настоящий перл наших достославных Соединенных Штатов.“

„Да, местечко мне совсем не нравится. Это прямо позор! — Три жалких хибарки именуются здесь чуть ли не городом! Пойдем скорее на ферму!“

Гаррисон свистнул сквозь зубы.

„Дело не так просто, Джонни! Ферма Спрингсфильд, куда мы теперь направляемся, находится в ста пятидесяти милях к югу. Если мы пойдем хорошим бодрым шагом, то доберемся только через пять дней.“

В этот момент они услышали за собой стук копыт. Через несколько минут они увидели облако пыли, и в нём возвращавшихся со станции ковбоев.

„Посторонись, Джон!“ крикнул Гаррисон, „иначе они тебя раздавят.“

Путники отскочили в сторону, и мимо них бешеным галопом промчались ковбои.

„Стоп, ребята!“ крикнул вдруг один из наездников. Ковбои тотчас же круто осадили лошадей, так что у них чуть не подогнулись колени.

„Подойди-ка сюда поближе, парень!“ крикнул один всадник, обращаясь к нашему главному герою.

Джон посмотрел на него с удивлением и любопытством. Это был загорелый, голубоглазый мужчина. В противоположность своим спутникам, он носил длинную белокурую бороду. Широкополая шляпа была сдвинута на самый затылок.

„Я хочу поговорить с тобой и с твоим другом,“ сказал он, „я — шериф Эндикота. Сейчас гоняюсь по всему штату за одним грабителем. Может быть, вам скорее, чем мне, посчастливится поймать его. В таком случае вы получите премию в две тысячи долларов. Грабитель обретается где-то в окрестностях. Ему двадцать два года. Он на голову выше вас обоих. Под правым глазом у него длинный рубец. Постарайтесь поймать его и доставить живым или мертвым! Вознаграждение получите сразу же. Good bye!“

Затем все они снова помчались дальше.

„А много в этих местах таких грабителей?“ спросил Джон своего спутника.

„Конечно, мой милый, здесь не так безопасно, как на улицах Нью-Йорка! Поэтому я очень рад, что мы вдвоём совершаем наш путь через прерии.“

Некоторое время они шли молча.

„Послушай, Фрэд, ты сказал, что в Спрингсфильд можно и поехать. Разве туда идёт железная дорога?“

„Да, Джонни, — узкоколейная! По ней перевозят овощи, фрукты, зерно.“

„А я-то думал, что фермеры до сих пор ездят только на лошадях!“

„Около Нью-Йорка — да! Там большей частью маленькие фермы. А здесь повсюду очень крупные хозяйства. На нашем Западе имеются владения, которые по размерам равняются маленьким княжествам Европы. Ты будешь очень удивлен, когда увидишь здешние сельско-хозяйственные машины, необходимые для обработки всех этих огромных пространств. Но об этом после! А сейчас мы приближаемся к городу Спрингсвилль, который состоит всего из трех домов!“

„Неужели, действительно, только из трех? Я всё думаю, что ты шутишь надо мной!“

„Нет, мой мальчик! Видишь надпись на этом красном доме — European Hotel, Nebraska's greatest tenement (Европейская гостиница, самый большой дом в Небраске).“

Джон весело рассмеялся. По сравнению со зданиями на Бродвэе, этот дом казался совсем игрушечным. Около него толпились ковбои. На столбах, к которым они привязывали своих лошадей, виднелись плакаты с надписями — Lagerbeer, Brandy, и, конечно, — Old Whisky. Соседний дом был скорее похож на свинарник. Над ним развевался грязный американский флаг. Большая вывеска на крыше гласила — Nebraska's First Saloon.

Джон опять засмеялся: „Такого замечательного трактира не найдёшь в целом Нью-Йорке!“

Третье и последнее здание местечка гордо именовалось „торговым домом.“ Это был своего рода универсальный магазин. Здесь продавались — лекарства, пищевые продукты, шнуры для ботинок, иголки, веревки, зубные щетки, помада для волос, ножи, револьверы, всевозможные железные изделия, табак, материя, виски и вообще — всё что угодно! Эта лавка понравилась Джону больше, чем другие здания. Он вспомнил, что видел в Гобокене такие „торговые дома“ для моряков.

Он ударил своего друга по плечу и сказал: „Слушай, Фрэд, я не любитель пустого времяпрепровождения! Я выехал из Нью-Йорка, чтобы зарабатывать деньги. Лучше я поеду теперь же в ближайший боль-

шой город. Вот уже четыре дня я не зарабатываю ни цента.“

„Не беспокойся, Джонни! — На фермах теперь дорожат каждым лишним работником. Платят по полутора доллара в день, не считая харчей. А спать будем на сене! В прошлом году я заработал здесь так хорошо, что смог прожить целую зиму и внести плату за учење. Удовольствуйся этим! А сейчас зайдем в „Европейскую гостинницу!“

Глава XVI.

„Алло, мистер Арндт,“ приветствовал Фрэд толстого хозяина гостинницы, стоявшего у стойки. Окружавшие его фермеры оглянулись в сторону вошедших.

„Алло, мистер Гаррисон! Рад видеть вас снова в наших местах! Очень рад познакомиться с вашим молодым другом!“

„Дайте нам два стакана пива и несколько сандвичей!“

„Сию минуту, мистер Гаррисон! Вы наверное опять в Манитубу?“

„Yes, мистер Арндт! Надеюсь, мы пригодимся там!“

„Нам здесь очень нужны рабочие руки,“ сказал один из фермеров, „поезжайте ко мне на ферму! Я заплачу вам на четверть больше, чем мистер Гэмлей.“

„К сожалению, не могу, сэр,“ ответил Гаррисон. „Я уже в прошлом году дал слово мистеру Гэмлею, что буду снова работать на его жатвенной машине.“

Толстый трактирщик подал Фрэду два стакана светлого пенящегося пива.

„За твоё здоровье, мой мальчик,“ сказал Фрэд и чокнулся с Джоном, которому после долгой ходьбы по пыльной дороге очень хотелось пить. Он медленно, с наслаждением, глотал вкусный, освежающий напиток, содержащий совсем мало алкоголя.

„Сейчас я протелефонирую мистеру Гэмлею,“ сказал Фрэд, „чтобы он выслал за нами моторную дрезину “

„Неужели ты думаешь, что он это сделает? Ведь до его фермы сто пятьдесят миль!“

„Почему бы нет, Джонни? Сейчас созрела пшеница, и я ему очень нужен для работы на его косилке. Сейчас два часа пополудни. Вечером мы будем в Манитубе.“ И он пошел за деревянную перегородку, где находился телефон.

Джон с большим интересом прислушивался к разговорам фермеров. Они говорили о скоте и пшенице, о сборе урожая и о нехватке рабочих рук. Трудно было представить себе, что все эти люди являются обладателями крупных состояний. В большом городе их приняли бы за подозрительных бродяг. Между тем, у многих из них было больше денег, чем у некоторых банкиров крупных городских центров.

Вскоре вернулся Фрэд. — „Чорт возьми, никак не мог дозвониться! Боюсь, что испорчены провода.“

„Да, уж сегодня не вышлют за вами дрезину,“ проворчал фермер, который хотел пригласить Фрэда. „Если провода испорчены, — то их ведь не так скоро починят! Вам придётся денька два поторчать здесь .“

„А что это за дрезина?“ спросил Джон.

„Легонькая тележка на четырех колесах,“ пояснил Фрэд. „Едет по рельсам. Ее приводит в движение маленький бензиновый моторчик. На дрезине мы могли бы доехать в два с половиной часа.“

„У меня тоже была когда-то дрезина,“ вставил мистер Арндт, „только она постоянно портилась по дороге. Мотор-то я продал. А тележка все еще валяется в сарае.“

„Не покажете ли вы мне эту тележку?“ спросил Джон.

„Отчего же нет?“ ответил хозяин „отеля“, „я должен только посмотреть, — куда я её запрягал.“

„Для чего тебе эта тележка?“ удивился Фрэд. Но Джон уже вышел из комнаты.

За домом начиналась узкоколейная железная дорога. Джон остановился и стал глядеть на далеко расстилающиеся коричневато-зелёные просторы пре-

рий, напомнившие ему море. Он так загляделся, что даже забыл, зачем вышел на двор. Он глаз не мог оторвать от этой картины! Там, вдали, где-то очень далеко, зарыто его счастье — золотосные рудники, нефтяные источники, залежи угля или железа! Он уже видел себя властелином этой земли, крупным предпринимателем, который даёт хлеб и работу тысячам людей. Какой-то тайный голос шептал ему: „ты найдешь то, чего ищешь!“

Он думал также о прошлом этой страны, — о тысячах переселенцев, которые приезжали сюда, вели ожесточённую борьбу с индейцами, и через несколько лет возвращались богачами, или же погибли в этих бесконечных прериях.

„Алло, Джонни“, услышал он голос Фрэда, „ты, кажется, ловишь москитов! Или тебе чего-нибудь недостает?“

„Я хочу как можно скорее попасть в Манитубу. Пойду посмотреть старую дрезину в сарайчике.“

Фрэд иронически улыбнулся.

„Ты же слышал, Джонни, — хозяин сказал, что продал мотор.“

„А вот увидим!“ бросил Джон и пошел к сараю, наполненному всяким старым хламом. Покачивая головой, Фрэд помог ему извлечь тележку из-под кучи мусора. Запылённая, покрытая ржавчиной, она имела весьма жалкий вид.

„На этой тележке мы никогда в жизни не доберемся до Манитубы!“

Не давая никаких объяснений, Джон попросил Фрэда помочь ему перетащить дрезину на рельсы, которые находились на расстоянии пятидесяти метров от сарая.

„Ты, кажется, с ума сошел, Джонни“, проворчал Фрэд. Дальнейшее поведение Уоркмана еще более укрепило его в этом мнении. Джон посмотрел сперва на солнце, затем на колёса дрезины и вдруг поднял правую руку.

„Totally crazy! (Совсем ошалел!)“ пробормотал Фрэд Гаррисон. „Вероятно у него с непривычки легкий солнечный удар!“

„Скоро поедем в Манитубу!“ решительным тоном сказал Джон. „Пойди к мистеру Арндту, заплати ему и скажи, что мы на два дня увезем его тележку.“

Фрэд, недоумевая, возвратился в трактир. Придя обратно через десять минут, он увидел нечто, по истине достойное удивления. Джон установил на дрезине три железных шеста. На них он укрепил большой мешок из-под картофеля: это был своего рода импровизированный парус. В него дул сильный степной ветер, и тележка только потому оставалась еще на месте, что Джон положил перед колёсами большой камень. Теперь только Фрэд понял, в чем дело.

Вскоре вышел мистер Арндт со своими гостями; он сказал:

„Это очень смыслёный молодой человек! Из него выйдет толк.“

Фермеры прокричали „ура“ и подбросили вверх свои шляпы. Мистер Арндт отвалил камень и подтолкнул дрезину. Сперва она покатилась медленно, потом все быстрее и быстрее

Сначала они ехали молча. Кругом расстилалась необозримая равнина. Высохшая степная трава достигала половины человеческого роста. Ветер колыбал её, и казалось, что степь волнуется, как море. Слышался только металлический звук быстро катящихся колёс да завыванье ветра, который все усиливался. Фрэд Гаррисон с озабоченным видом посмотрел на небо. Его окраска несколько изменилась. Не приближается ли гроза? — Светло-голубое августовское небо начало быстро темнеть. На горизонте виднелись густые черные клубы туч.

„Эй, Джонни, в небе есть что-то подозрительное,“ сказал Фрэд.

„Да, я тоже заметил. Что это там за странные облака?“

„Не знаю, Джонни, может быть пожар в прерии! Я думаю, мы лучше сделали бы, если бы остались в гостях у мистера Арндта.“

Между тем ветер становился все сильнее.

„Пожар ведь где-то еще очень далеко,“ сказал Джон.

„Но ветер несет нас прямо в огонь,“ ответил Фрэд.

„Я могу в любой момент спустить наш парус. Тогда дрезина остановится.“

Фрэд задумался. Помолчав немного, он сказал:

„Мы не избегнем опасности, если даже остановим дрезину. Когда в прериях бывает пожар, он распространяется в обе стороны.“

„Как это в обе стороны, Фрэд?“

„Ты не знаешь, что это такое — пожар в прерии! С одной стороны — огонь с бешеной скоростью идёт по ветру, а с другой — медленно против ветра, то есть, приближаясь к нам. — Едва ли нам удастся удрать назад!“

Они опять замолчали. Через несколько минут Джон сказал:

„Лучше поедем вперед, Фрэд!“

„Это безумие, Джонни.“

„Я не думаю, Фрэд.“

„Мы въедем прямо в огонь. Спусти парус!“

Фрэд приподнялся, чтобы помочь Джону, но последний не тронулся с места. Они неслись теперь со страшной быстротой. Ветер дул во-всю. Джон обильно смазал колеса керосином и машинным маслом. Это тоже содействовало скорости движения. К тому же дорога шла под откос. Груз на дрезине не превышал двух центнеров. А парус был размером в четыре квадратных метра! Теперь они мчались со скоростью поезда, — 50 километров в час.

Небо было совсем тёмное. Они уже видели тяжелые густые облака дыма и кроваво-красную полосу у горизонта. Там было целое море пламени. Огонь достигал в высоту двух метров!

Полный ужаса, Фрэд крикнул срывающимся голосом:

„Сорви парус, Джонни!“

Но Джон не обращал внимания на его крики. Его лицо было холодно, в глазах — твердая решимость.

„Нет, Фрэд! Оставайся на месте! Нагнись! Накрой голову курткой! Мы промчимся через огонь!“

С диким воплем, совсем обезумевший Фрэд попытался выпрыгнуть из дрезины. С почти нечеловеческой силой Джон остановил его и бросил на дно тележки. На-смерть испуганный Фрэд отбивался от него кулаками.

Теперь они были совсем близко от бушующей огненной стихии. Уже слышалось шипение и страшный треск, напоминавший выстрелы. Фрэд с новой энергией попытался сбросить налегшего на него Джона, который собрал все свои силы, чтобы удержать более сильного товарища. После короткой борьбы он сжал ему горло — и тем заставил подчиниться.

Наконец, они въехали в грозное огненное царство. Их обдал нестерпимый жар адского пекла. Бесстрашный Джон одним движением накинул на Фрэда и на себя свою куртку — так, чтобы их головы и руки были плотно прикрыты.

Они почувствовали страшную боль, — их обжег раскаленный воздух.

Кругом слышался невероятный шум.

Через несколько секунд или минут, — он не мог определить, сколько времени длилось это ужасное состояние, — Джон разжал пальцы, сжимавшие горло Фрэда, и сдернул куртку.

Огненная полоса была уже далеко за ними. Лишь ветер гнал к небу целые облака пепла и дыма.

„Пронесло, Фрэд!“ крикнул Джон своему товарищу, который, бледный как смерть, с закрытыми глазами, неподвижно лежал на дне тележки.

„Воды!“ простонал Фрэд, „дай мне выпить воды... я совсем сгораю.“

Джон влил ему в рот несколько капель.

„Неужели мы вне опасности?“ спросил Фрэд, открывая глаза, — в них все еще мелькал страх.

„Да, да, опасность миновала!“

Фрэд медленно приподнялся и огляделся. Он убедился теперь, что Джон говорит правду. После перенесенных волнений, он вдруг громко зарыдал, а

потом начал неистово хохотать. Он гладил Джону руки и приговаривал:

„Джонни, ты настоящий герой! Твое мужество спасло нас. Боже мой, ведь мы могли заживо сгореть!“

„Да, да! Но впереди — также огонь, который, правда, идёт не по направлению к нам, а — от нас. Мы не должны приближаться к этой второй полосе огня. Нужно спустить парус.“

„К чему? Ведь парус наш горит.“

Действительно, верх паруса был охвачен пламенем, и на них уже сыпались искры. Но дрезина все еще бежала со скоростью тридцати километров в час.

„Очень странно,“ сказал Фрэд, „мы уже далеко от места пожара, а парус загорелся только теперь!“

„Благодаря парусу мы и спаслись от пламени! Он заслонил нас от огненного дождя. На него сыпались искры, но сразу загореться он не мог. А сейчас я хочу спасти часть паруса. Он нам ещё пригодится!“

Джон вынул нож и вырезал нижнюю часть паруса, которую пощадило пламя. Через несколько минут дрезина бежала уже совсем тихо.

Вскоре они соскочили на землю и начали совещаться, — что делать дальше?

„Мне кажется, мы совсем близко от Манитубы,“ сказал Фрэд и вынул часы: „сейчас половина пятого. Значит, из Спринггилля мы выехали два с половиной часа тому назад. Ясно, что мы очень недалеко от фермы. Если я не ошибаюсь, где-то поблизости кончается прерия.“

„А как ты думаешь, Фрэд, не заденет ли огонь также и поля фермы?“

„Это невозможно, Джонни! Около фермы всегда сажают особые растения и прорывают канавы, — это предохраняет от степных пожаров.“

Опять поднялся ветер и с новой силой принялся крутить облака пепла и дыма.

„Будем по очереди толкать дрезину. Начинай, Фрэд!“

„All right,“ согласился Гаррисон. „Мы будем сменяться каждые десять минут.“

Так около часу катили они дрезину по слегка снижавшейся дороге. Вдруг Джон, который в этот момент находился в тележке, быстро вскочил и начал пристально вглядываться вдаль.

„Останови дрезину, Фрэд! Мне послышался чей-то крик...“

Оба прислушались. Но кругом всё было тихо.

„Ты ошибся, Джонни!“

„Нет, Фрэд, я отчетливо слышал чей-то призыв о помощи.“

Они снова начали прислушиваться.

„Поедем дальше, Джонни!“

Но вдруг опять послышался отчаянный крик. Не говоря ни слова, Джон побежал на зов. Фрэд последовал за ним. Вот опять чьи-то вопли! Что же это? — Действительно ли звали на помощь? Нет, скорее это был голос человека, стонущего от боли. Вскоре на равнине, покрытой густым слоем серебристо-серого пепла, они заметили два каких-то темных предмета. Через несколько минут Джон разглядел, что это были лошадь и человек. Животное первое почуяло их приближение; оно подняло голову и жалобно заржало.

Вскоре они стояли около лошади, все тело которой было покрыто страшными ожогами. Бедное животное внушало жалость. Около лошади, уткнувшись лицом в пепел, лежал неизвестный. Он чуть приподнял голову и издал тот самый вопль, который они уже слышали с дороги.

„Что с вами, мой друг?“ спросил его Джон Уоркман. Но человек, повидимому, находился в полу-обморочном состоянии. Он ничего им не ответил. Джон заметил, что кожа на лице, а также на теле неизвестного, наполовину обгорела. Вдруг Джон громко вскрикнул, вскочил и широко открытыми глазами стал глядеть на раненого.

„Что с тобой, Джонни?“ озабоченно спросил его Фрэд. Джон нагнулся над неизвестным, еще раз

пристально взгляделся в его черты, и сказал, обращаясь к Фреду:

„Это — Билль Смит!“
Фред не понял его. Джон нервно провел рукой по лбу и сказал:

„Длинная история! Из-за этого человека один из моих товарищей-газетчиков, Роберт Бэрней, чуть было не попал в тюрьму. Но я спас его, а этого бандита посадили за решетку. Он когда-то ранил меня. И теперь вот опять довелось встретиться! Поднимем его и отнесем на дрезину! Надеюсь, что на ферме ему сумеют помочь.“

„Ты хочешь взять с собой бандита?“

„Разумеется, Фрэд!“

Понемногу раненый пришел в сознание. Страдальческими глазами посмотрел он на двух неизвестных ему людей и, не узнавая Джона Уоркмана, проstonал:

„Дайте мне воды!“

Фрэд дал ему попить. А Джон подошел к лошади и отвязал от седла два револьвера. Убедившись, что они заряжены, он взял один из них и вложил дуло в ухо лошади. Он видел, что так делали полисмены на улицах Нью-Йорка. Грянул выстрел. Лошадь судорожно затрепетала и издохла.

Звук выстрела окончательно привел в сознание молодого бандита. Теперь он узнал Джона Уоркмана. С губ его сорвалось проклятие. Тогда Фрэд поднёс свой кулак к самому его носу и крикнул:

„Молчать! Иначе силой заткну тебе глотку, хоть ты и ранен.“

Между тем Джон снял седло с убитой лошади.

„Иди-ка сюда, Фрэд! Посмотри, какая тяжелая сумка привязана к седлу! Мне не поднять её одному! Железо в ней — что ли?“

Они открыли сумку, которая оказалась наполненной золотыми и серебряными монетами.

„Добыча грабителя,“ подумали они оба в одно и то же время. Затем они перетащили на дрезину молодого бандита и его сумку.

„Если я не ошибаюсь, Джонни, это тот самый разбойник, о котором нам рассказывал шериф. Лицо у парня обгорело, но шрам на правой щеке все же заметен. Мы с тобой получим премию за поимку!“

„Очень возможно, Фрэд! Но теперь мы должны

поспешить на ферму. Может быть, нам удастся спасти его!“

Они водрузили на шесте остатки паруса. Дрезина пришла в движение. Через час они увидели большие маисовые поля. Это и была ферма Манитубы.

Глава XVII.

Было еще совсем темно, когда Фрэд Гаррисон разбудил своего товарища:

„Get up, Джонни, уже пора! Через час будет светло.“

Джон поднялся со стога сена, на котором ему так славно спалось. Умываясь у колодца, он быстро вспомнил всё, что произошло вчера. Они спаслись от степного пожара и нашли обгоревшего полумертвого бандита. Вместе с найденными в сумке ценностями, они передали его под надзор и на попечение собственника фермы, мистера Гэмлея. Затем отправились к главному управляющему. Как и в прошлом году, он поставил Фрэда работать на жатвенной машине. А Джону предстояло поступить в обучение к своему старшему товарищу.

Встав на другой день рано утром, они отправились в машинный сарай, где для них был приготовлен завтрак. Сарай был очень больших размеров. В нем сильно пахло смазочными маслами и бензином. Фрэд быстро нажал кнопку, и помещение осветилось яркой вольфрамовой лампочкой в две тысячи свечей. — Это был не машинный сарай, а скорее даже целая фабрика. Уже около дюжины рабочих принялись за работу. Здесь — пилили, там — раздавались удары молотка, у входа наливали бензин в моторный танк.

В дальнем углу стояла машина, похожая на локомотив. К ней-то и направились наши друзья.

Время проходило для Джона очень быстро. Сперва он бегал к колодцу: охладитель машины поглощал целые десятки ведер воды. Потом Фрэд посылал его несколько раз за бидонами с бензином.

Наконец, все было готово, и огромный трактор выехал на двор. За ним на прицепе тащилась жнея-косилка в тридцать лошадиных сил. Нижняя часть этой последней напоминала машинки для стрижки волос: она состояла из пятидесяти небольших ножей, предназначенных для срезания травы или колосьев.

А в верхней части косилки находился ящик с довольно сложным механизмом.

„Это — сноповязалка,“ пояснил Фрэд, „а теперь садись на трактор! Я научу тебя управлять!“

И Гаррисон начал посвящать Джона во все тайны устройства жатвенной машины и везущего её трактора.

Утро было холодное. Но пот градом катился с Джона. Друзья вместе выехали на тракторе в пшеничное поле.

К полудню Джон почувствовал, что понемногу привыкает к обращению с сельскохозяйственными машинами. Но он вздохнул с облегчением, когда наступило время обеда. Фрэд вытащил из маленького ящичка в тракторе консервы, хлеб и холодный чай.

Однако, Джон напрасно надеялся на отдых. Наскоро закусывая, Гаррисон продолжал свои объяснения. Не успели они проглотить последний кусок, как уже снова началась страда. Теперь Фрэд сел на трактор, а Джон должен был наблюдать за работой косилки.

Машины непрерывно носились по пшеничному морю. Ножи косилки без усталости срезали колосья. Трактор оставлял за собой длинные плешины жнивья. Когда, наконец, наступил вечер, и они доставили машины обратно в сарай, выяснилось, что за день ими сжато двадцать пять гектаров пшеницы. У Джона была теперь только одна мысль: как бы поскорее добраться до стога и растянуться на мягком душистом сене. Но напрасно мечтал он об этом. Когда он пришел на ферму, чтобы снять синий рабочий костюм, который выдавался здесь всем работникам, он увидел телеграмму. Она исходила от „Нью-Йорк Геральда“ Газета требовала подробной корреспонденции относительно поимки давно уже разыски-

ваемого полицией бандита Билля Смита. Джон страшно изумился. Ведь он никому не писал о своем настоящем местопребывании. Из Чикаго он отправил матери открытку, но в ней говорилось лишь о том, что он чувствует себя хорошо и собирается ехать дальше — на Запад. Ему казалось, что в прериях он совершенно отрезан от всего остального мира. А между тем всеведущему газетному королю уже стало известно, где он находится, и от него требуют очередной корреспонденции.

Через час у него уже была готова небольшая статейка. В это время Фрэд Гаррисон смазывал машины в сарае. Закончив свое писание, Джон спросил Фреда :

„Как послать ответную телеграмму?“

„Нам следует сходить к главному управляющему.“

В конторе еще горел свет. Инспектор мистер Кларк сидел за своим письменным столом и работал. Не успел Фрэд закончить свои объяснения, как тот прервал его и сказал :

„Теперь я понимаю всю эту историю. Пять часов тому назад пришла телеграмма от „Геральда“ : „Уплачено за депешу в полторы тысяч слов от Джона Уоркмана“ Готова ли у вас телеграмма?“

„Пожалуйста, сэр,“ — Джон протянул ему свою рукопись. Мистер Кларк позвонил. Явился молодой человек, которому он передал депешу.

„Телеграфируйте тотчас же, вне очереди!“

Через стеклянную дверь Джон увидел, как телеграфист принялся за работу на аппарате Морзе. Лево́й рукой он водил по строкам его рукописи, а право́й ударял по клавишам аппарата. На каждые 60 слогов приходилась всего одна минута, — через десять минут он кончил и принес рукопись обратно.

„Ну, что? Интересная корреспонденция?“ поспеиваясь, спросил мистер Кларк.

Телеграфист посмотрел на него с недоумением.

„Я не читал ее!“ возразил он и вышел из комнаты.

„Не понимаю,“ сказал Джон, „ведь он дословно протелеграфировал мою рукопись!“

„Читать и телеграфировать — это совсем разные вещи,“ пояснил мистер Кларк. „Раньше этот молодой человек служил на почте, но теперь — для поправления своих нервов — перевелся к нам. Он работает, как машина. При этом он совсем не вникает в смысл того, что передает по телеграфу. Я уверен, что он не имеет никакого понятия о содержании вашей корреспонденции! Но работник он прекрасный. Такие люди нужны нам.“

Джон и Фрэд отправились спать на сеновал.

„Нет, это не человек, Фрэд, а настоящая машина! Я бы не мог так работать! Мне всегда хочется думать во время работы.“

„Излишняя роскошь! — В большинстве отраслей труда это совсем не нужно. У нас в Соединенных Штатах все должно делаться скоро. Speed — и ничего больше, кроме speed! Размышления иногда не только не помогают, но даже мешают работе!“

Последующие недели прошли в непрерывной работе на косилке. Даже по воскресеньям Джон возился с машинами, чтобы окончательно усвоить их устройство. Фрэд постоянно приходил ему на помощь своими подробными объяснениями. Мистер Кларк заключил с ними новый контракт, по которому они получали 50 центов за гектар. За неделю выходило — 75 долларов, которые они делили по-братски, но заработанные деньги фактически не выдавались: они должны были получить их лишь после окончательного расчета.

Джон Уоркман чувствовал себя с каждым днем все свежее и крепче. Но с тех пор как он окончательно изучил жатвенную машину, — ему стало скучно!

Наконец-то настал час, когда они сжали последнюю полосу пшеницы, и Фрэд объявил, что на другой день они начнут пахать. Теперь Джону пришлось учиться работе на моторном плуге, который прицеплялся к тому же трактору. Но на этом работа не кончилась: вспаханные участки нужно было еще боронить.

Когда весь урожай был собран, их ожидала новая работа. Это было уже в исходе октября.

В прерии возвышались колоссальные строения, которые отчасти напоминали Джону небоскребы Нью-Йорка. Это были грандиозные амбары для хранения зерна. Сюда подвезли снопы пшеницы для молотыбы. Из моторной молотилки потекли целые потоки золотистого зерна. Так прошел ноябрь. В декабре выпал снег. На время прекратилось сообщение по узкоколейной дороге. Джон начал проявлять беспокойство. За проведенные здесь три месяца — он научился многому и многое видел. Но вместе с тем он пришел к выводу, что здесь ему не найти того, к чему он стремится. Ферма не могла быть для него подходящим полем деятельности. Он искал чего-то большего. А в Манитубе он мог лишь мечтать о том, что когда-нибудь займет место мистера Кларка, то-есть станет главным управляющим. Но это далеко не было его идеалом, и Джон твердо решил, что при первом удобном случае он уедет отсюда.

Г л а в а XVIII.

Наступила весна. Прерия снова зазеленела. Теплые дожди пробудили степи к новой жизни. Они покрылись свежим бархатистым ковром молодых трав и цветов самой причудливой окраски.

Мистер Гэмлей, владелец фермы, который не был, конечно, поэтом-мечтателем, живо поддающимся очарованиям весны, — смотрел на вещи с точки зрения трезвого сельского хозяина.

„Нам давно уже пора“, обратился он как-то к управляющему, „послать в Чикаго очередные шестьсот голов рогатого скота. Я думаю, мы отправим со стадом дюжину наших парней, — этого будет достаточно!“ — „All right, сэр,“ ответил мистер Кларк, и дело было решено. Джон Уоркман, который находился в соседней комнате, слышал этот разговор. Он пришел в контору за расчетом.

Мистер Кларк оторвался от своих бумаг и сказал: „Ах, так, мистер Уоркман! — Вы хотите поки-

нуть нас. Жаль, жаль! Вы были отличным работником. Могли бы у нас еще подработать долларов “

„Я научился здесь всему, чему только мог, и поэтому решил уехать отсюда.“

„All right, мистер Уоркман! Когда же вы хотите получить расчет?“

„Хотелось бы завтра! А теперь у меня к вам просьба.“

„Какая именно?“

„Нельзя ли мне присоединиться к транспорту скота в Чикаго?“

Мистер Кларк пристально взглянул на Джона.

„По силам ли это вам, молодой человек? Вы, правда, могли бы быть надсмотрщиком при транспорте по железной дороге. Но для прогона скота по прерии нужны ковбои, — парни, которые как бы приросли к своим коням и знают своё дело.“

„Все-таки я настаиваю на своей просьбе, мистер Кларк! Уверен, что вам не придётся раскаиваться, если вы исполните мое желание.“

Мистер Кларк задумался. Через несколько минут он ответил:

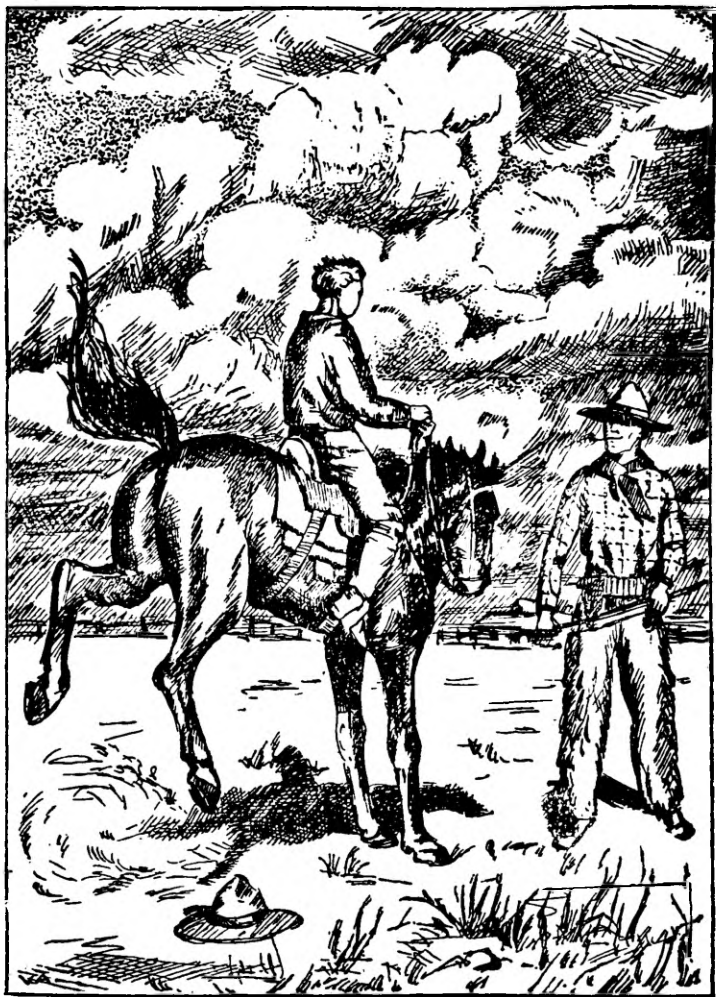
„Well, мистер Уоркман, вы мне нравитесь! Хорошо, поезжайте! Но я слагаю с себя ответственность на случай, если по дороге с вами произойдет какое-нибудь несчастье. А теперь отправляйтесь к Джэ Уильямсу. Никакой рекомендательной записки я вам не дам: он неграмотный, но зато прекрасный наездник. Скажите ему, чтобы он дал вам доброго коня! Завтра после обеда приходите за расчетом! После-завтра, рано утром, транспорт отправится в путь.“

Через два часа Джон явился к Джэ Уильямсу, вожаку ковбоев фермы.

„Вы хотите нас сопровождать, мистер Уоркман? All right! Я видел, — вы хорошо работали на тракторе! Но сомневаюсь, чтобы вы смогли продержаться на седле более одной минуты!“

„Давайте, попробую!“ — Уильямс был врагом долгих разговоров. Он свистнул. К нему подвели небольшую, но сильную рыжую лошадь. На ней было ковбойское седло с высокими луками спереди и сзади.

„Well, мистер Уоркман — попробуйте! Если свалитесь, не вините меня!“

Джон никогда в жизни не ездил верхом. Но он часто наблюдал за наездниками, к тому же был молод, гибок и ловок. Он спокойно подошел к лошади, погладил ее по холке и — через секунду уже

был в седле. Лошадь поднялась на дыбы и поскакала галопом в прерию. Джон изо всех сил натягивал поводья. Несколько раз он чувствовал, что вот-вот упадёт. Но усидел-таки! Он напрягал все свои силы, чтобы не свалиться. Ему нужно было во что бы то ни стало осилить дикое животное, — иначе он стал бы посмешищем ковбоев!

Джэ Уильямс сидел в стороне и медленно покуривал свою короткую трубку. У него уже сложилось мнение о Джоне. Он считал, что для верховой езды не нужно никакой учебы: необходим лишь талант, — особый дар свыше! У кого он был, — тот с первого же раза научался ездить верхом. А остальные могли учиться целую жизнь — и все равно без толку! Джона Уоркмана старый ковбой сразу же причислил к первой категории. Конечно, нужно еще немного поупражняться, и тогда дело пойдет на лад! Когда Джон вернулся и слез с коня, он сказал ему:

„All right, сэр, вы поедете с нами на этой лошади. Послезавтра, на восходе солнца — мы выезжаем“

На другой день, после обеда, Джон опять явился к мистеру Кларку, который выдал ему деньги.

„Вы заработали у нас пятьсот восемьдесят шесть долларов и пятнадцать центов. Кроме того, за поимку Билля Смита на вашу долю приходится тысяча долларов. Другую половину премии получит мистер Гаррисон. Еще — десять процентов со стоимости найденных вами у грабителя ценностей. Эта сумма также делится между вами и Гаррисоном. Ваша часть равняется опять-таки тысяче долларов. Теперь — гонорар от „Геральда“: пятьдесят долларов. Вот вам чек на две тысячи шестьсот тридцать шесть долларов и пятнадцать центов на First National Saving Bank в Чикаго.“

Это было гораздо больше того, что Джон рассчитывал получить.

„Теперь подпишите квитанцию в получении“, деловитым тоном сказал мистер Кларк, „так, — теперь все в порядке! Советую вам как можно лучше

спрятать ваш чек. Если вы его потеряете, он будет составлять собственность того, кто его найдет.“

Джон Уоркман покраснел, вытащил сумку, унаследованную им от Чарли Бекерса — она была для него чем-то вроде талисмана, — и тщательно запрягал в нее чек. — Жизнь в Манитубе кончилась. Завтра он едет в Чикаго!

Джэ Уильямс вычислил, что они доберутся до станции в одну неделю, если будут проходить 25 километров в день. Такая скорость не могла утомить животных и отозваться на их весе.

Джон Уоркман пришел на место отправки еще до восхода солнца. Джэ Уильямс тотчас же произвел некоторые изменения в его костюме. Он дал ему кожаные штаны, огромные шпоры, просторную дорожную куртку, красный галстук и длинный кнут.

Через полчаса караван тронулся в путь. Джэ Уильямс поскакал впереди. Джону он велел ехать рядом. Десять ковбоев-погонщиков окружали стадо. Они подгоняли животных, которые то и дело отставали и принимались пощипывать траву. Все время слышалось громкое щелканье бичей. Ковбои ехали без перерыва восемь часов. Затем они сделали остановку до следующего утра.

На пятый день их путешествия погода стояла жаркая, даже душная. Наступила ночь. На небе показалась луна. Но вокруг нее громоздились густые облака, которые становились все темнее. Джон лежал около полупотухшего костра. Плотнo окутанный шерстяным одеялом, он заснул крепким здоровым сном юности. Проснулся он среди ночи от сильного толчка: его неожиданно разбудил Джэ Уильямс.

„Вставай, парень! Что-то беспокойно! Мы должны бодрствовать.“

Джон вскочил и проделал несколько гимнастических движений, чтобы окончательно разогнать сон. Он также сразу почувствовал, что не все благополучно. По степи дул порывами ветер, колыхавший травы, как волны. Лошади перебирались с места на место и, наконец, собрались в кружок. Они нюхали воздух, ржали и фыркали. Быки и коровы, которые

только что мирно паслись по степи, стояли теперь неподвижно и недоуменно мычали.

Джэ Уильямс зорко осматривался.

„На коней, ребята!“ громко скомандовал он, и Джон тотчас же вскочил на свою лошадь.

Начиналась весенняя гроза, — такая величественная и прекрасная в своем могучем размахе! Сразу в нескольких местах небосклона засверкали зигзагообразные молнии. Раздались тяжелые удары грома, паузы между которыми становились все короче. Вдруг — необычайно яркая вспышка молнии! Все кругом осветилось до мельчайших подробностей. И тотчас же — страшный удар грома. Невдалеке блеснуло фосфорически-яркое пламя. Молния ударила в стадо. Около дюжины животных было оглушено или убито. Началось стихийное бедствие, которое Джэ уже давно предчувствовал. Несколько обезумевших животных с диком ревом бросилось в одну сторону. Все стадо последовало за ними. Быки мчались с такой быстротой, что лошади ковбоев едва поспевали за ними. Слышался стук более двух тысяч копыт.

Нельзя было и думать о том, чтобы удержать на месте обезумевших от страха животных. Кто-то ударил кнутом лошадь Джона. Она бешено помчалась вперед, так что он еле удержался в седле. На несколько минут Джон почти потерял сознание. Очнувшись, он увидел, что едет бок-о-бок с Джэ Уильямсом. Вокруг них неслись вскачь остальные ковбои. Немного позади мчалось стадо. Джон понял всю опасность положения. Упади кто-нибудь из них, он был бы тотчас же раздавлен на-смерть бешено скачущими быками.

Около часа продолжалась эта бешеная гонка. Джон заметил, что Уильямс начал понемногу отклоняться вправо. Гроза постепенно шла на убыль. Животные всё ещё мчались, но медленнее, и уже можно было руководить стадом. Быки, бежавшие впереди, послушно следовали за лошадьми, а за ними, конечно, и все стадо. Все больше забирая вправо, Уильямс исподволь направлял животных к полотну узкоколейки, откуда они бежали, испуганные грозой.

Два часа ушло на это. Наконец, ковбои снова со-
владели со стадом. Окружив его, они опять приня-

лись хлестать животных длинными кнутами, и таким
образом подогнали скот к железной дороге. Там они
опять сделали остановку. Животные грузно опусти-

лись на землю и тяжело дышали, высунув языки. Гроза разрешилась коротким ливнем. Тучи рассеялись, и опять выглянул месяц.

„All right, мистер Уоркман,“ сказал Уильямс, „вы — славный парень! Вы недурно скакали все это время! Well, верховая езда — не ремесло; все дело — в даровании!“ Затем он велел двум ковбоям собрать оставленные на старом месте одеяла, палатки и провиант.

„Гладкая работа!“ продолжал он, обращаясь к Джону Уоркману. „Два животных, правда, убиты молнией, но все стадо опять в сборе! Я помню бури, когда скот разбежался во все четыре стороны. И потом мы с трудом отыскивали всего какую-нибудь пятую часть!“

„Я заметил, мистер Уильямс, что вы сразу же постарались стать во главе стада. Зачем это?“

„Только таким образом можно было понемногу справиться со скотом. Правда, каждую минуту нас могли раздавить мчавшиеся позади животные, но, когда это нужно, — не следует бояться опасности. То же самое делают и наши политики, хоть я и считаю их за шайку негодяев. Ведь, и на массовых предвыборных собраниях случаются бури, — не лучше вот этой грозы!“

Нередко бывает, что человеческое стадо перестает слушаться своих вожakov и стремится итти своим путем! В таких случаях вождям не остается ничего другого, как быстро уловить момент и применившись к новым настроениям, снова встать во главе толпы. Здесь дорога каждая минута, — иначе пропало все дело! Чтобы властвовать над стихиями, нужно итти впереди них.“

Джон с большим вниманием слушал старого ковбоя. Он еще никогда не задумывался над вопросами американской партийной жизни. Он знал лишь, что перед выборами президента начиналось лихорадочное волнение, а газеты становились толще и выходили чаще обыкновенного.

Ночь прошла спокойно. На следующее утро они снова медленно отправились в путь по направ-

лению к Спрингсгиллю. Джон опять ехал рядом с Джэ Уильямсом. Они продолжали вчерашний разговор.

„Я всегда думал, сэр, что политику делают газеты. То, что вы мне вчера рассказывали о политических вождях, было для меня чем-то совсем новым!“

Джэ Уильямс вытащил пачку жевательного табаку, взял щепотку в рот и начал говорить медленно, обдумывая каждое слово: „Well, my boy, будь впоследствии тем, кем ты хочешь стать. А если ты останешься у меня, я сделаю из тебя изрядного ковбоя. Пожалуй, можешь стать хоть конокрадом, — только берегись, ибо веревка имеется у всякого, кто держит лошадей, но ни в коем случае не делайся политиканом, — они во стократ хуже конокрадов! . . .“

Джэ Уильямс сплюнул и закончил со вздохом: „Но, к сожалению, их вешают реже.“

Джон не был вполне удовлетворен жизненной мудростью своего нового друга.

Но он чувствовал, что еще слишком мало знает о политической жизни своей страны, и решил пополнить свои познания в Чикаго.

На другой день вечером они прибыли наконец в Спрингсгилль. Стадо расположилось недалеко от станции. Утром, еще в сумерках, показался транспортный поезд. Его перевели на запасные рельсы. Поезд состоял из 60 больших вагонов, предназначенных для перевозки скота. При помощи лассо погонщики вылавливали отдельных животных из стада, затем набрасывали им на голову мешок и по досчатому помосту впихивали в вагон. Работа была тяжелая. Они провозились целый день с погрузкой 598 голов скота. При поезде находилось человек шесть так называемых „кэтльмэнов“, профессиональных перевозчиков скота по железным дорогам. Старшему из них Джон Уоркман передал записку от мистера Кларка. Его сразу же стали приучать к работе. Он должен был носить воду и перебрасывать в вагоны охапки прессованного сена, в котором было

много колючего репейника. Руки Джона покрылись царапинами и ссадинами. Он дружески простился с Джэ Уильямсом, и ковбой, размахивая шляпами, помчались обратно — в Манитубу. Раздался гудок паровоза, и длинный поезд медленно двинулся с места. Понемногу телеграфные столбы начали мелькать все быстрее и быстрее.

Джон Уоркман стоял у раздвинутой двери, наблюдая закат солнца в прериях. Рядом с ним сидел старик лет шестидесяти. Джон спросил его, как долго работает он в качестве „кэтльмэна.“ Но тот ответил не сразу. Сперва он рассказал Джону, что родился на „зеленом острове“ — в Ирландии. В его речи, действительно, сильно чувствовался ирландский акцент. А „кэтльмэном“ он стал тридцать пять лет тому назад. Ездил сначала со скотом на пароходах между Англией и Америкой. Как-то раз задержался в Нью-Йорке. Тогда-то один агент и нанял его на службу в Чикаго. С тех пор он все время работает кэтльмэном на службе у фирмы Армур и Ко.

Джон подивился. — Целых тридцать пять лет работает в качестве „кэтльмэна“ — и вполне доволен своей судьбой!

На третий день утром поезд пришел в Чикаго. Здесь ему пришлось долго маневрировать на путях громадной товарной станции, пока не подъехали к гигантскому зданию, на котором красовалась надпись золотыми буквами „Armour and Company“

Для быков, привезенных из прерий, наступал последний акт их жизненной драмы.

Глава XIX.

В большом зале чикагского First National Saving банка не было прохода от множества посетителей. Сжатый толпой со всех сторон, Джон еле-еле пробрался к окошку кассира. Через несколько секунд на прилавке уже лежала требуемая сумма, — две бумажки по тысяче долларов, шесть по сотне и остальное мелочью. Джон едва успел пересчитать и

спрятать деньги в карман: толпа уже увлекала его к выходу.

Когда, застегнув свою куртку на все пуговицы, Джон вышел из банка, его — словно нечаянно — толкнул какой-то молодой человек, который тотчас же приподнял шляпу и крайне любезно обратился к нему, желая повидимому завязать знакомство.

„Извините меня, сэр, — я вас, кажется, обеспокоил. Это произошло ненароком вследствие движения руки в направлении к карману. Дело в том, что я только что получил деньги, и вот хотел убедиться, целы ли они. Мое имя — Джонстон — Уильям Джонстон из Фриско. Может быть, вы припомните, — я стоял в очереди у кассы, как раз за вами. Мне нужно было получить довольно крупную сумму. Я видел, вы тоже получали деньги. Советую вам быть очень осторожным! В Чикаго следует опасаться за целостность каждого доллара.

Джон почувствовал доверие к этому элегантно одетому молодому человеку, который так заботился о нем.

„Вы правы,“ ответил он, „я так же, как и вы, боюсь за свои деньги. Однако, если всё время быть на чеку, ничего не может случиться!“

Они пошли вместе. Молодой человек, который отрекомендовался Джону под чужим именем, продолжал:

„Вы наверное впервые в Чикаго?“

„Вы угадали, сэр, и мне очень хотелось бы поближе познакомиться с городом. То, что я до сих пор видел, очень напоминает мне Нью-Йорк.“

„Да, большие города мало чем отличаются друг от друга. Достопримечательность Чикаго — наши бойни. Но они не представляют большого интереса: в них много грязи и крови. Если вы ничего не имеете против, пойдёмте вместе обедать, — тогда ещё поболтаем. Я скоро должен встретиться со своим отцом — банкиром. Позвольте вас спросить, — как вы сюда попали?“

„Я приехал с Запада, где работал на ферме, а мой родной город — Нью-Йорк.“

„Может быть, вы назовете мне ваше имя?“

„Извините, что я раньше не представился! Я все думал о своих деньгах. Мое имя — Джон Уоркман.“

„Уоркман. Уоркман“ повторил молодой человек, как бы вспоминая что-то. Где-то он уже слышал это имя. Он был страстным любителем газетного чтения. Его особенно интересовала уголовная хроника: он любил читать про чужие преступления и внимательно следил, не попали ли на след его собственных.

Вдруг его осенило:

„Не тот ли вы Джон Уоркман, который, несколько месяцев тому назад, накрыл в прериях известного бандита Билля Смита?“

„Да, это я“

„Чорт возьми! Это всё чрезвычайно интересно, мистер Уоркман! Я читал статью в „Нью-Йорк Геральде“. Вам посчастливилось получить за поимку грабителя премию в тысячу долларов!“

„Именно так,“ ответил Джон, „часть денег, которые я только что получил, это и есть вознаграждение за поимку преступника.“

„Значит, у вас немало денег, сэр! Если вы сумеете их выгодно пристроить, станете миллионером. Не хотите ли зайти в этот ресторан? Я здесь нередко обедаю.“

Джон последовал за своим спутником. Это был маленький итальянский ресторанчик. Уоркман избегал алкоголя, тем не менее новый приятель уговорил его выпить стаканчик виски и дружески с ним чокнулся. Наш герой не обратил внимания на то, что ресторан был почти пуст и, повидимому, вообще мало посещался публикой. Он с большим интересом слушал рассказы своего нового знакомого о жизни в Чикаго.

Вдруг Джонстон кивнул головой в сторону окна и сказал:

„Смотрите-ка, — там идет Астор, один из богатейших людей Америки! Он начал буквально ни с

чем, а теперь делает большие дела, — его торговля свиным салом и ветчиной известна по всему свету.“

Джон повернул голову к окну. Он увидел только спину какого-то господина. В этот момент мошенник что-то бросил в его стакан. Когда Джон отвернулся от окна, Джонстон поднял стакан и сказал:

„Выпьем за нашу удачу в будущем, — пусть нам также посчастливится, как Астору!“

Джону понравился этот тост. Он был убежден, что у него уже имеется вполне достаточный капиталчик для того, чтобы быстро разбогатеть.

Он чокнулся с Джонстоном, который сказал:

„Выпьем до дна! Если останется хоть капля, нам ничто не удастся!“

Джон постарался как можно добросовестнее исполнить это коварное предложение. Ему показалось только, что напиток стал почему-то более горьким. Они спокойно продолжали болтать о том и о сём. Между тем опиум начал оказывать свое действие. Напрасно боролся наш герой с неожиданной и всё усиливающейся усталостью. Голова его вдруг свесилась на стол, и он крепко заснул.

Насмешливая улыбка заиграла на бледном лице авантюриста. Он нагнулся — и ловким движением выхватил бумажник из внутреннего кармана куртки Джона.

При этом он рассмеялся. — „Мальчишка — совершенный проstack! Я проучил его, как и многих других. Что-же? — в следующий раз не будет пить виски с неизвестными ему людьми!“ Он подозвал кельнера, вынул пригоршню монет и заплатил за себя, а также, — этот поступок он считал „великодушным“, — за Джона!

„Моего друга потянуло ко сну, — он выпил слишком много виски. Оставьте его здесь на часок в покое. А мне нужно уйти по важному делу. Постараюсь вернуться как можно скорее!“

Кельнер низко поклонился, поблагодарил за щедрые чаевые и подал элегантному бандиту пальто, шляпу и палку, после чего он, как ни в чем ни бывало, вышел из ресторана. Потом явилось несколько

посетителей, но они почти не обратили внимания на спящего Уоркмана.

Джон очнулся, когда уже начало темнеть. Сначала он никак не мог понять, где находится. Потом понемногу всё вспомнил. Подозвав кельнера, он осведомился о своем исчезнувшем приятеле. Кельнер пожал плечами и сказал:

„Ваш знакомый заплатил за обед и сказал, что скоро вернётся. Он не велел мне мешать вам.“

„Разве я так крепко спал, что ничего не слышал?“

„Повидимому. Надеюсь, вы теперь выспались!“

Кельнер удалился, а Джон принялся обдумывать, что бы ему теперь предпринять.

Может быть, его приятель еще вернется? Должен ли он ждать его? — Тут он вспомнил, что Джонстон назвал себя сыном известного банкира. При слове „банкир“ Джон невольно подумал о своем бумажнике. Он схватился за карман, — пусто! Весь задрожав, он принялся рыться во всех карманах, вывертывая подкладку. Лицо его посерело от ужаса.

Снова и снова обыскивал он свою куртку, заглядывая под стол, под стулья — но бумажника нигде не было! Глубоким вздохом подавил он готовый вырваться крик и позвал кельнера.

„Что вам угодно, сэр?“

„Извините меня вы, может-быть, заметили или мой друг сам велел передать мне, что захватил с собою мой бумажник?..“

Кельнер покачал головой. „Нет, сэр, ваш друг ничего об этом не говорил. Много ли у вас было денег в бумажнике?“

Джон начал ему объяснять. Но после опиума у него всё еще была путаница в голове. — Он получил по чеку 2636 долларов. Сперва спрятал их в бумажник. А потом Он постарался собраться с мыслями и вспомнил: еще в банке он переложил деньги в кожаный мешочек, который по совету Фрэда Гаррисона купил в Манитубе. Мешочек этот висел у него на ремне, под рубашкой. Дрожащими пальцами расстегнул он ворот. О счастье! — мешочек

был на месте! Две бумажки по тысяче долларов и пять сотенных уцелели! Теперь он всё припомнил — в бумажник он положил только 130 долларов и еще 5 долларов засунул в жилетный карман. Он схватился за него и нащупал монетку. Значит, вор стянул только бумажник. Ущерб был, конечно, чувствительный — но, к счастью, основной капитал Джона остался в сохранности!

„Много ли у вас было денег в бумажнике?“

„Сто тридцать долларов.“

„Кругленькая суммочка! Well!“ кельнер испытующе посмотрел на Джона. „Уверены ли вы в вашем друге?“

„В моем друге? — Я познакомился с ним в банке, — за час до того, как мы пришли в ресторан ..“

Кельнер усмехнулся.

„Этот проходимец, значит, и утащил!“

„Он вовсе не проходимец! Я знаю его имя. Он — сын известного в Чикаго банкира Джонстона“.

„Well! В Чикаго, в этом огромном разбойничьем гнезде, можно быть сыном банкира и всётаки — проходимцем!“

Джон Уоркман вышел из ресторана. Он был в отвратительнейшем настроении. Как легко его обманули! А он-то всегда считал себя человеком опытным, закаленным в борьбе за существование! Но теперь не время было размышлять о потерянном. Уже наступил вечер, и надо было позаботиться о ночлеге. Джон пошел по улицам наугад. Неожиданно он очутился около знаменитых чикагских боен. Здесь его кто-то окликнул. Джон обернулся и увидел старого ирландца-кэтльмэна, с которым он ехал из Спрингсвилля. Он был в сопровождении высокого, широкоплечего мужчины средних лет.

Старик похлопал Джона по плечу. „Это — наш самый молодой кэтльмэн,“ сказал он, обращаясь к своему спутнику. „Славный парень! Жаль только, что не остаётся у нас. Вбил себе в голову, что хочет работать на бойнях. Это ведь по вашей части,

Штурман: вы должны ему помочь. Он здесь совсем один в Чикаго.

Мистер Штурман испытующе посмотрел на Джона. — „Парень мне нравится. Я готов пособить

ему," сказал он покровительственным тоном. „Ничего не имею против — поработать с ним вместе.“

Джон взглянул на него и коротко отрезал: „Я — также.“

„Чорт возьми! Видно, парень с норовом! Как он вольно держит себя со мной, Генри Штурманом, первым работником фирмы! Надеюсь, что руки у него такие же ловкие, как и язык!“ Джон не заметил иронии в этих словах, или, вернее, не пожелал её заметить.

„Не могу обещать вам ничего особенного, сэр!“ ответил он сдержанным тоном. „Я познакомился с вами всего лишь две минуты тому назад, и вы знакомы со мной столько же. Вы мне предлагаете место, и я принимаю ваше предложение. Вот и всё!“ Джон старался говорить как можно спокойнее. Между тем он чувствовал некоторое недоверие к своему новому собеседнику. У него не выходила из головы несчастная авантюра с Джонстоном. После короткой паузы Штурман ответил:

„Приходите завтра в семь часов к одиннадцатым воротам армуровской скотобойни! Привратник укажет вам, как пройти ко мне.“

Джон знал, что по американскому обычаю он должен был немедленно пригласить своих знакомых на маленькую выпивку. Он так и сделал. Старик-ирландец и его приятель не заставили себя долго упрашивать, и все трое зашли в трактирчик.

Здесь Штурман залпом опорожнил свой стакан, поставил его на стойку и сказал:

„У меня чисто немецкая жажда! Шестьдесят лет тому назад мой дед приехал сюда с этой жаждой из Гамбурга и оставил её в наследство моему отцу. — А я в свою очередь унаследовал эту жажду от папаши! Где вы здесь живёте, мистер Уоркман?“

Вопрос о ночлеге уже давно беспокоил Джона. Он ответил, что еще не успел нигде остановиться.

„Well, в таком случае идите ко мне,“ сказал Штурман. „У меня как раз одна комната сдаётся в наём. О подробностях сговоритесь с моей женой. Значит, завтра мы вместе выйдем на работу.“

Джон поблагодарил.

Через час он уже сидел за ужином в маленькой чистенькой квартирке Штурмана.

Улёгшись спать на новом месте, Джон задумался обо всех происшествиях минувшего дня. Приключение с Джонстоном всё еще не выходило у него из головы. Он вспомнил, что в Нью-Йорке ему нередко приходилось бывать в самых подозрительных районах города, и никогда не случалось с ним ничего худого. А теперь, скопив маленький капиталчик, он всё время чего-то опасался. Джон понял причину этого беспокойства. Пока он был бедняком, ему и в голову не приходило, что кто-то собирается его обокрасть или обмануть. Теперь он твердо решил, что никогда не будет рассказывать чужим людям, есть ли у него деньги, и сколько их. Вскоре он заснул. Ему приснились короли мяса и пива, а также сахарные, хлопковые, стальные, нефтяные и железнодорожные короли. Все они дико плясали вокруг газетного короля, самого сильного из них, самого великого!

Г л а в а XX.

Мистер Штурман устроил Джона на место машиниста. С наступлением более тёплого времени года предприятию нужны были лишние рабочие руки для управления машинами-охладителями, которые производили искусственный лед для грандиозных холодильников, где хранились многие тысячи туш различного скота.

Итак, Джон поступил на службу фирмы „Армур и Компания“ Он был маленьким, незаметным винтиком в этом колоссальном предприятии. Ему было поручено обслуживание машины — охладителя, которая приводилась в действие другой, еще большей, паровой машиной. Работа была не слишком трудной, но она требовала известной сообразительности и ловкости рук. В работе машины нередко бывали перебои, и машинист должен был их во-время замечать и устранять.

К концу первой недели Джон уже по слуху улавливал, всё ли в порядке в работе машины. Но так же, как и на ферме и во время транспорта скота, он не был удовлетворён своей новой деятельностью. Скоро он ближе познакомился со своими товарищами по работе. Большинство машинистов не было довольным своим положением. Во многих чувствовалась озлобленность: они часто ругали богачей, на которых им приходилось работать. Джон решил, что ему не следует здесь долго задерживаться. Но сначала он хотел досконально изучить всё предприятие — так же, как раньше, — в „Нью-Йорк Геральде“ — он изучил газетное дело.

Однако вскоре он почувствовал, что это не возможно. — Каждое утро Джон проходил через свои ворота и нажимал кнопку контрольной машины, которая с точностью до секунды отмечала время его прихода, — это было нужно для еженедельного подсчета его заработка. Затем, всегда одним и тем же путем, он проходил в машинное отделение и сменял своего предшественника. Так начинался его восьмичасовой рабочий день. Работа в предприятии шла в три смены, так что за целые сутки огромный и сложный механизм ни на минуту не останавливался. По приходе своего заместителя, Джон тем же путем выходил из помещения. У него не было никакой возможности заглянуть в другие отделения боен.

Иногда лишь, дома, мистер Штурман рассказывал ему о приготовлении консервов. А когда, по воскресеньям, собиравшиеся у Штурмана приятели говорили о работе на бойнях, Джону казалось, что он слышит рассказы про какие-то далекие и неведомые страны.

Только через две недели удалось ему проникнуть в холодильники. Там он увидел множество трубчатых проводов, по которым протекала охлаждающая жидкость. Повсюду висели туши быков и овец. Мясо, мясо и опять мясо! — вот что прежде всего бросалось в глаза в этих самых грандиозных холодильниках мира. Температура была всегда одна и та же, — один градус выше нуля по Цельсию.

На стенах огромных камер висели сотни обыкновенных ртутных градусников, так что в любом месте можно было удостовериться в правильности температуры. Реже попадались электрические градусники-регистраторы, которые передавали температуру непосредственно в главную контору предприятия, где ее могли проконтролировать в любой момент. Малейшее отклонение температуры могло повести к порче мяса, то-есть к убытку в сотни тысяч долларов.

Осматривая холодильники, Джон вспомнил слова старика Миллера: кради глазами все, что ни попадется! И он старался как можно лучше следовать этому правилу. Но больше ему не удавалось попасть в другие помещения предприятия. Как-то раз он попросил старшего мастера перевести его в отделение для починки машин.

„Это невозможно,“ ответил тот. „Туда принимают только испытанных слесарей и механиков.“

Теперь Джон особенно оценил любезность мистера Беннета, который позволил ему разгуливать по всему своему предприятию, тогда как здесь поневоле приходилось ограничиваться работой у машины-охладителя.

Между тем брожение среди рабочих в его отделении становилось все сильнее. Несколько машинистов, недовольных инженером и крепко с ним поспоривших, были немедленно уволены.

В этот день Джон Уоркман работал в ночную смену — от 8 часов вечера до 4 часов утра. Когда он пришел на службу, лица у рабочих были хмурые, и они все время о чем-то переговаривались.

Джон спокойно принялся за работу, но сразу же почувствовал, что атмосфера вокруг — напряженная. Вдруг — как будто без всякого повода — снова разразился скандал. Из-за какой-то мелочи четыре машиниста поспорили с инженером; они сразу заговорили в повышенном тоне и, наконец, так разругались, что инженер, мистер Мак Клур, отказал им от места и лишился таким образом части своего персонала. По его расчету выходило, что оставшиеся должны были теперь работать — вместо восьми —

двенадцать часов подряд: новых рабочих можно было нанять только на следующий день. Джону Уоркману пришлось поэтому наблюдать за четырьмя машинами сразу, и срок его работы удлинился до 8-ми часов утра.

Джон начал внимательно осматривать порученные ему машины. Он проверил, хорошо ли они смазаны. В его машине смазочное масло было прозрачно-жёлтого цвета, — оно походило на мёд. Между тем в этих, только что ему порученных машинах — как будто не все было благополучно! . Вскоре он заметил в их смазочном масле странный черный осадок.

Джон сразу же побежал в контору мистера Мак Клур. Инженер сидел за своим столом и внимательно наблюдал за электрическим градусником-регистратором, который отмечал температуру в холодильниках. Увидав Джона, инженер вдруг, ни с того ни с сего, набросился на него:

„Что же, вы также хотите уйти? Вы также принимаете участие во всей этой грязной истории? А тут ещё температура в холодильниках повысилась на два градуса! Охлаждающая жидкость неправильно циркулирует в трубах! Между тем сейчас уже половина одиннадцатого — теперь мне негде достать новых рабочих!“

„Я только хотел сказать вам,“ прервал его Джон, „что масло, налитое в машины, не светлое, а совсем тёмное.“

Мистер Мак Клур вскочил, как ужаленный. Он выхватил из рук Джона тряпку, смоченную машинным маслом, и попробовал его на вкус. Вдруг он страшно побледнел и завопил:

„Это черт знает что такое! — Мошенники-рабочие, которым я отказал от места, подмешали к маслу наждачного порошка! Если машины после этого будут работать еще часа три, произойдёт“

Мак Клур, не договорив фразы, помчался в машинное отделение и крикнул во весь голос:

„Остановить все машины!“

Через десять секунд его приказание было ис-

полнено. Все машины стали. Воцарилась гробовая тишина. Мак Клур подходил к каждой машине и внимательно осматривал масленки, в которые уволенные рабочие насыпали наждачного порошка. Затем он позвал Джона Уоркмана:

„Я вам доверяю, мистер Уоркман! Принесите поскорей вазелинового масла.“

Инженер и оставшиеся пять машинистов начали очищать машины от наждачного порошка. Когда Джон притащил тяжелый бидон с вазелиновым маслом, Мак Клур отдал новое приказание:

„Керосина! Принесите теперь самый большой бидон с керосином! Как можно скорее!“

Началась генеральная чистка всех машин. Во все трубы налили керосину. Затем влили в масленки свежего смазочного масла. Через два часа машины были пущены в ход. Мак Клур удалился в контору. Через несколько минут он вернулся и опять завопил:

„Четыре градуса выше нуля в холодильниках!“ Он побежал в котельную. „Больше пара!“ крикнул он там истопникам.

Но температура все поднималась. „Пять градусов выше нуля!“ почти плача вопил Мак Клур. — „При восьми градусах мясо начнёт разлагаться.“ Он всё время бегал около машин, сам чистил и смазывал их и подгонял рабочих. Ослепительно-белая, туго-накрахмаленная грудь его сорочки покрылась жирными керосиновыми пятнами.

Наконец, около восьми часов утра температура в холодильниках остановилась на семи градусах. Теперь можно было надеяться, что она больше не подымется. Кругом шла лихорадочная работа. После двенадцати часов температура, действительно, начала медленно опускаться.

В два часа дня явились новые рабочие, которые были только что присланы из бюро по найму. К шести часам вечера у Мак Клура был снова налицо полный персонал. Но он всё еще не мог отпустить рабочих первой смены. Джону Уоркману пришлось проработать 30 часов подряд! Когда он

уходил, Мак-Клур подозвал его и крепко пожал ему руку :

„Well, мистер Уоркман, теперь мы можем выспаться! После поговорим об этом случае! Ваша деятельность, разумеется, не останется без вознаграждения!“

Глава XXI.

В сопровождении Мак-Клура, Джон Уоркман вошел в контору технического директора армуровского предприятия.

„Мистер Грэхэм, это тот самый мистер Уоркман, которого вы хотели видеть.“ Директор начал пристально разглядывать Джона.

„Well, мистер Уоркман! Мистер Мак Клур говорил мне о вас. Благодаря вашей расторопности, мы сумели предотвратить большое несчастье. Сейчас я вам выдам награду, но у молодых людей бывают особые желания, исполнение которых для них иногда более ценно, чем деньги. Может быть, и вы желаете чего-нибудь?“

Джон Уоркман посмотрел прямо в глаза директору.

„Да, господин директор, у меня давно уже есть одно желание. Я хотел бы детально изучить все предприятие Армура!“

Мистер Грэхэм задумался. Он вспомнил, что разные фирмы, конкурирующие с Армуром, не раз уже пытались подослать в их предприятие своих агентов, чтобы выпытать все тайны производства. Может быть, этот молодой человек также является простым орудием в чужих руках? Он с некоторым сомнением посмотрел в открытое лицо Джона Уоркмана.

„Мы очень неохотно показываем наше предприятие посторонним лицам! Нет ли у вас какого-нибудь другого желания?“

„Другого желания у меня нет. Я всегда стремился как можно большему научиться в разных промышленных предприятиях.“

Эти слова еще более усилили подозрения мистера Грэхэма. После короткой паузы он продолжал:

„Вашу просьбу крайне трудно исполнить. Неужели вы когда-нибудь уже получали такое разрешение в крупном промышленном деле? Ведь это противоречит нашим обычаям.“

„Мистер Беннет позволил мне изучить свое предприятие.“

„Какой такой мистер Беннет?“ сухо спросил директор.

„Как, вы ничего не знаете про мистера Гордона Беннета, владельца „Нью-Йорк Геральда“, про одного из самых замечательных людей Америки?“

Мистер Грэхэм вытаращил глаза от удивления.

„Вы хотите меня уверить, что мистер Беннет позволил вам осматривать свое предприятие?!“

Джон ничего не сказал в ответ. Он вытащил из внутреннего кармана маленький тщательно перевязанный пакет, открыл его и протянул директору измятую от частого употребления визитную карточку газетного короля. На её оборотной стороне мистер Грэхэм прочел строки, написанные собственной рукой Беннета. Директор недоверчиво покачал головой.

„Не могли бы вы на один день оставить у меня эту карточку?“

„Нет, сэр, для меня эта визитная карточка целое сокровище! После разговора с мистером Беннетом, когда он дал мне её, я нашел свой истинный путь.“

„Какой путь?“

„Путь к миллионам!“

Эти слова подействовали, как удар дубиной. Мистер Грэхэм и Мак Клур долго не произносили ни слова. Наконец, директор прервал молчание.

„Итак, мистер Мак Клур, среди ваших машинистов имеется будущий миллионер! Один момент.“ и мистер Грэхэм вышел из комнаты. Через три минуты он вернулся и пригласил обоих своих посетителей следовать за ним. Вскоре они вошли в высокий светлый кабинет. За большим письменным столом сидел старик с резкими чертами лица и коротко остриженными седыми волосами.

„Мистер Армур, вот молодой человек, о котором я вам только что говорил.“

В одной руке почтенный старик держал визитную карточку, а в другой — письмо, которое было написано знакомым Джону почерком мистера Беннета. Убедившись в подлинности карточки, мистер Армур достал свою собственную визитную карточку, и слово в слово списал то, что газетный король написал на своей.

„Я думаю, джентльмены, что, если мистер Беннет дал ему свое разрешение, — мы также можем рискнуть! Когда вам, мистер Уоркман, ещё что-нибудь понадобится, сообщите об этом секретарю.“

„Благодарю вас, мистер Армур.“ Аудиенция у мясного короля окончилась. Когда Джон возвратился в кабинет директора, мистер Грэхэм крепко пожал ему руку.

„Вы—счастливцев, мистер Уоркман! Не забудьте о нас, когда будете миллионером! Что же, вы хотите еще сохранить за собой место машиниста в отделении мистера Мак Клура?“

„Нет, мистер Грэхэм. В продолжение двух недель я буду изучать ваше предприятие, а потом опять двинусь дальше.“

„Чем же вы будете жить это время? Нужно иметь доходы, чтобы стать миллионером!“

„У меня есть деньги, мистер Грэхэм. К тому же вы мне обещали награду.“

Мистер Грэхэм засмеялся. „А я было совсем забыл про это! Да, молодой человек, вы действительно сделаны из того матерьяла, из которого делаются миллионеры!“

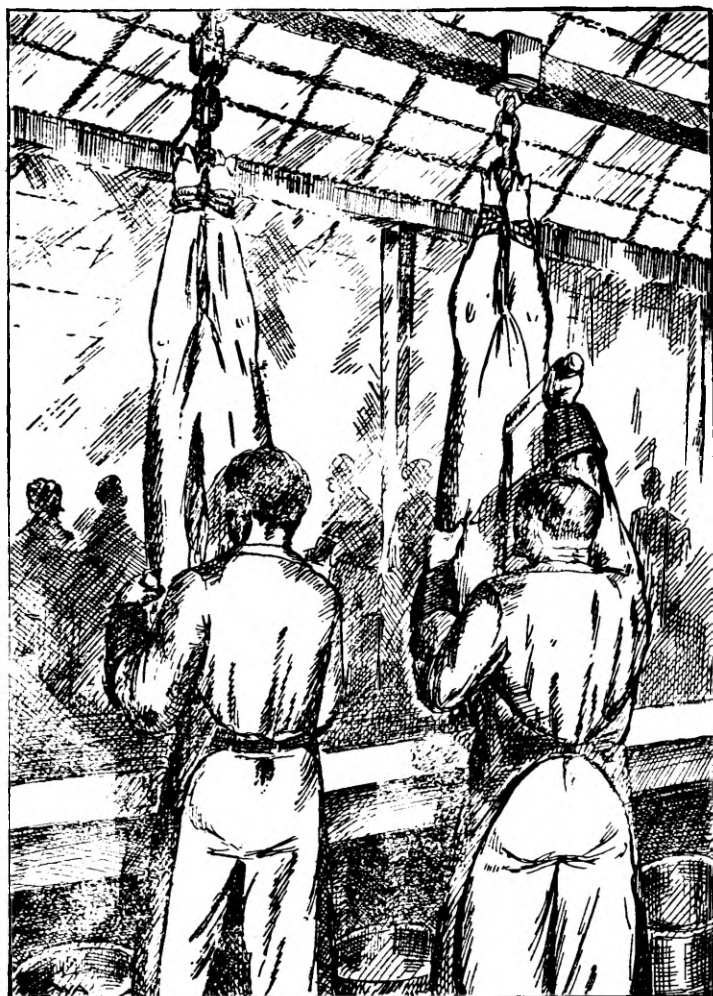
Директор написал чек.

„Вот, возьмите! Если вам нужно будет со мной поговорить, я всегда к вашим услугам. Не мешает быть в хороших отношениях с будущими миллионерами!..“

„Да, я буду миллионером! Это так же несомненно, как то, что я теперь стою перед вами!..“

И Джон Уоркман снова начал свою учёбу. На другой день утром он уже отправился на бойни.

Невдалеке от него, по очень узкому проходу — одна за другой — бежали свиньи, подгоняемые ударами

дубинки. В двух шагах от Джона спускался огромный крюк, который подхватывал свинью за задние ноги и голову вниз подымал ее наверх. Через две

секунды страшный визг свиньи умолкал: крюк опускал свинью на верхнюю площадку, где стоял рослый парень с длинным узким ножом, который он вонзал в шею животного, мгновенно перерезая ему позвоночник. Между тем крюк снова опускался и тащил наверх уже другую свинью. В этой кровавой трагедии каждое движение было рассчитано с математической точностью.

Около часу наблюдал Джон Уоркман за этим душераздирающим зрелищем. С часами в руке следил он за процессом убоя. В продолжение одной минуты убивали ровно тридцать свиней, значит, в в час — тысячу восемьсот, а за все время десятичасового рабочего дня 18.000 животных! Убитые свиньи по особому помосту скатывались в бассейн с кипящей водой. Там их держали не более минуты. Затем они попадали в большое помещение, где двое рабочих особыми деревянными ножами сдирали с них щетину. В соседней камере из свиней выпускали кровь. Затем они передвигались на крюках все дальше, — их туши проходили через длинный ряд помещений. В каждом из них рабочие делали один какой-нибудь надрез. Один разрезывал свинью вдоль всего её туловища, другой отрезал голову, третий вырезал сердце и легкие, четвертый — кишки. Работа шла безостановочно. Затем сортировали отдельные части. Джон высчитал, что вся процедура, начиная с поднятия свиньи при помощи крюка и кончая сортировкой отдельных органов, — длится не более двенадцати минут.

На другой день Джон наблюдал за убоем рогатого скота. Здесь картина была несколько иная. Животных гнали по покатоному досчатому полу. В определенном месте они все спотыкались. В этот момент рабочий-специалист вонзал в них свой нож между шейными позвонками. Джон Уоркман поинтересовался узнать, сколько зарабатывает в день такой „палач скота.“ Оказалось — 7 долларов 50 центов. Тогда Джон высчитал, что за убой одного животного приходилось менее одного цента.

В продолжение двух недель Джон прошелся по всем помещениям. Теперь он знал каждую деталь колоссального предприятия мистера Армура.

Глава XXII.

У открытого окна в купэ поезда, только что прибывшего с Запада в Нью-Йорк, стоял Джон Уоркман и смотрел на пронесившиеся мимо дома, площади и улицы родного города.

Целый год находился он в отсутствии. Выезжая из Нью-Йорка, он думал, что на Дальнем Западе его ожидают горы золота. Пожив на чужбине, он понял, что все эти думы были пустыми мечтаниями юнца.

Но, вспомнив все, что он испытал и пережил за этот год, Джон, которому недавно исполнилось шестнадцать лет, пришел к выводу, что не напрасно прожил это время. Он сильно возмужал, стал более зрелым. Что же касается заработанных денег, то об этом он думал, как о чем-то второстепенном. Правда, у него было чувство известного удовлетворения, — ведь он вез домой как-никак 3.000 долларов! Но все же гораздо выше ценил он приобретенный за этот год опыт.

Поезд подъехал к центральной станции. Почти всех пассажиров радостно приветствовали родственники или знакомые. Но Джона никто не встречал. Один-единёшенек пробирался он сквозь толпу со своим маленьким чемоданчиком. Как и всегда, раздавались со всех сторон истошные крики мальчишек-газетчиков. Среди них он заметил нескольких членов основанного им клуба, но они не узнавали его, — так он изменился!

Теперь он был на голову выше, и его грудь развилась в ширь. Здоровый сельский воздух укрепил его. Бледное лицо покрылось густым загаром. На щеках начал пробиваться легкий пушок. Голос огрубел. Он не был больше мальчиком. Джон Уоркман стал юношей.

Медленно шел он по Пятому авеню в направле-

нии к зданию „Нью-Йорк Геральда.“ Было четыре часа пополудни. Стояла прекрасная летняя погода. В роскошных колясках, в автомобилях, а иногда и верхом, богачи выезжали на прогулку.

Продавая газеты в Центральном парке, Джон всегда грезил об этой сказочной жизни миллионеров.

Ему страстно хотелось кататься в таких же точно роскошных колясках, или на этих резвых заводских скакунах, и иметь огромный дворец на Пятом авеню! Громкие крики мальчишек-газетчиков вернули Джона Уоркмана к действительности.

„Непорядки на бойнях „Армура и Компании“!“ „Новейшие разоблачения об отравителях населения в Чикаго!“ Джон купил себе газету. Оказывается, только что вышла новая книга Эптона Синклэра о Чикаго. Знаменитый писатель с ожесточением напал на армуровское производство. Газеты приводили отдельные выдержки из этой нашумевшей книги.

Джон Уоркман мельком проглядел газету и даже покраснел от негодования. Конечно, он знал, что на бойнях далеко не все было на высоте положения. Но в данном случае разоблачения были слишком преувеличены. Синклэр стремился втоптать в грязь цветущую мясную промышленность Армура, известную во всем мире. Джон сел на ближайший трамвай и помчался на Бродвэй, к зданию „Геральда“ Через несколько минут он уже сидел в кабинете секретаря Тэйлера, который едва его узнал.

„Алло, мистер Уоркман, как вы выросли, как загорели! Я слышал, вы были на Западе.“

„Да, я сегодня только приехал оттуда. Я прямо с вокзала! Мне необходимо поговорить с мистером Беннетом.“

Секретарь пожал плечами. — „Мистер Беннет. я сейчас посмотрю — быть может, он примет вас.“

„Он должен принять меня! После того, что напечатано в его газете, это его прямая обязанность.“

В этот момент бесшумно открылась дверь соседней комнаты. На пороге стоял сам газетный король.

„Что такое напечатано в моей газете, и почему я обязан принять вас?“

Джон обернулся и увидел мистера Беннета. Кровь бросилась ему в голову. Но он сдержал себя и сказал — твердо и решительно :

„Я только что приехал из предприятия Армура, где изучил все производство так же хорошо, как и ваше. Сейчас я ознакомился с тяжелыми обвинениями “ и Джон вытащил из кармана номер „Геральда.“ „Должен сказать по совести, что большая часть этих обвинений и нападок — ложь!“

Мистер Беннет ответил после короткой паузы :
„Вы утверждаете, что изучили армуровское производство так же хорошо, как и мое собственное . Возможно ли это?“

Джон Уоркман вынул из кармана визитную карточку мясного короля и протянул её мистеру Беннету.

„All right, мистер Уоркман! — Я вижу, вы не даром потеряли время! Насколько мне известно, вы в дружеских отношениях с нашим редактором мистером Бэрнсом Отправляйтесь к нему и изложите ваше мнение письменно! Сегодня же ваша статья должна появиться в газете.“ Не говоря ни слова, Джон вышел из комнаты. Уже через пять минут он сидел в кабинете мистера Бэрнса и исписывал страницу за страницей; редактор тотчас же исправлял его текст, наклеивал на большие листы бумаги, и отправлял в типографию.

Два часа продолжалась эта работа. Наконец, Джон Уоркман вышел из дворца газетного короля. Был уже вечер. По улице носились газетчики и выкрикивали последние новости :

„Новая достоверная информация о производстве „Армура и Компании!“ „Наш специальный корреспондент Джон Уоркман!“ „Его впечатления на бойнях!“ „Тридцать свиней в минуту!“ „Сто голов рогатого скота в час!“

Вдруг Джона заметили газетчики, толпившиеся около конторы „Нью-Йорк Геральда.“ Раздались громкие приветственные крики. „Джон Уоркман!

Джон Уоркман!“ орали его приятели. Все они окружили своего старого товарища, жали ему руки, тискали. Всюду видел он блестящие от радости глаза мальчишек.

Газетчики снова встретились со своим юным президентом. Забыв о распродаже газет, они все двинулись вперед по Бродвэю. Толпа газетчиков вокруг Джона все росла и росла. Так они дошли до самого клуба.

Несколько мальчиков побежали вперед, чтобы сообщить о приезде Джона его матери. Она выбежала навстречу. Ее поддерживал Генри Кольбер, новый президент клуба.

„Милая мама!“ крикнул Джон и бросился в объятия своей матери.

Затем начался настоящий пир. Все торжественно уселись вокруг длинного стола, покрытого белоснежной скатертью. Джону отвели почетное место. Новый президент Генри Кольбер поднялся и сказал:

„Юные газетчики Нью-Йорка приветствуют бывшего председателя своего клуба Джона Уоркмана — нынешнего генерала от журналистики! Троекратное „ура“ в честь генерала Уоркмана!“

Тут даже стёкла зазвенели от радостных криков и возгласов.

Только поздно вечером Джон смог, наконец, пойти в комнату своей матери, чтобы с нею наедине порадоваться встрече и вдоволь наговориться.

Чудеса крупной промышленности.

Глава XXIII.

Сообщения Джона Уоркмана в „Геральде“ привлекли всеобщее внимание. Они давали вполне ясное и точное представление обо всем процессе гигантского мясного производства. Большой интерес возбуждало также и то обстоятельство, что автором статей был не опытный журналист, а шестнадцатилетний юноша, который, еще будучи газетчиком, сделался известным всему Нью-Йорку. Все это отлично учел мистер Беннет: через своего секретаря он распорядился, чтобы в газете почаще появлялись заметки и статьи Джона Уоркмана. Получив соответствующее предложение редакции, наш герой пожал плечами и сказал:

„Мне кажется, мистер Бэрнс, эта работа не для меня! Когда я прочел в газете о нападках на предприятие Армура, то написал статью только потому, что лучше других в Нью-Йорке был знаком с этим делом. Но, ведь, я еще так молод! Мне нужно еще многое увидеть и многому научиться! Через две недели я опять уеду из Нью-Йорка. А здесь мне не о чем писать. Что интересного могу я рассказать людям, которые старше и опытнее меня?“

Мистер Бэрнс лукаво улыбнулся. „Это, конечно, ваше дело! У вас одно несомненное достоинство: вы всегда идёте своим путем. Однако не советую пренебрегать предложениями мистера Беннета. Хоть один раз напишите для нашей газеты перед отъездом!“

Джон Уоркман поблагодарил его за совет.

Он медленно пошел вниз по Бродвэю — в направлении к Сити Голл. Внимательно присматриваясь ко всему окружающему, он думал: „а вдруг случится что-нибудь необыкновенное, — о чем можно будет написать для газеты!“ Но кругом все шло своим чередом: все двигались, все спешили, у каждого были свои заботы, никто не обращал внимания на других.

Вскоре Джон вышел на широкую набережную у берега Гудзона. Здесь было меньше народу. Невдалеке шумно работала огромная паровая машина, стоявшая около самого берега, где копошились сотни рабочих. Деревянная загородка преграждала путь к месту работы.

„Здесь прорывают туннель,“ сказал Джону сторож, „вход сюда воспрещен.“

Тут Джон вспомнил, что эта часть набережной была заарендована обществом по постройке подводного туннеля, который должен был соединить Нью-Йорк с Гобокеном, расположенным на другом берегу Гудзона.

„У кого можно будет получить пропуск?“ спросил Джон.

„У суперинтенданта Вагнера.“

Сторож свистнул. К ним подошел молодой рабочий — итальянец. Он провел нашего героя к суперинтенданту. По дороге у Джона возник план: о работах по прорытию туннеля написать статью для „Нью-Йорк Геральда“

Обращаясь к суперинтенданту, он сказал:

„Мое имя — Джон Уоркман. Я сотрудник „Нью-Йорк Геральда“ Дайте мне, пожалуйста, пропуск к месту работ. Я хочу написать статью для своей газеты“

В Америке принято уважать журналистов. Мистер Вагнер поклонился и сказал:

„С удовольствием дам вам разрешение, мистер Уоркман. Вас поведет по туннелю один из наших инженеров.“

И он позвал к себе инженера Генри Смита, которому поручил сопровождать Джона Уоркмана.

Затем он написал пропуск. Джон вынул записную книжку и карандаш. Инженер начал давать ему подробные объяснения, которые Джон старательно записывал в свой блокнот.

„Что такое кессонная болезнь?“ спросил он между прочим своего спутника. Джону уже пришлось слышать об этом заболевании, которое иногда наблюдалось среди нью-йоркских рабочих.

„Сначала я должен сделать некоторое отступление. Вам, вероятно, известно, что над нашим туннелем протекает Гудзон. Глубина воды в нем достигает сорока метров. Чтобы наше подземное сооружение не рухнуло, мы должны противопоставить давлению воды какое-нибудь другое давление такой же силы.

Давление водяного столба в сорок метров вышиной составляет, как известно, четыре атмосферы. Чтобы сдерживать этот натиск воды, мы наполняем туннель воздухом, сжатым до четырёх атмосфер. Таким образом достигается равновесие. Прежде чем войти в туннель, каждый должен в продолжение десяти минут пробыть в особой шлюзной камере. Когда давление воздуха в этом помещении постепенно достигнет четырёх атмосфер, открывается дверь, через которую можно проникнуть в самый туннель.“

„А как же кессонная болезнь, мистер Смит?“

„Подождите немного: я должен закончить вступление. Человеческий организм свыкается с усиленным давлением воздуха. Наши рабочие вполне переносят такую обстановку в шахтах. Но опасность наступает для них, когда они выходят из туннеля. Как вам наверно известно, мы дышим кислородом и азотом. При усиленном давлении воздуха, наша кровь впитывает в себя очень большое количество этих газов, она перенасыщается ими, как зельтерская вода — углекислотой. Как только мы откупориваем бутылку с этой жидкостью, она начинает шипеть, пузыриться, а газ — испаряться. То же самое происходит и с кровью. Правда, перед выходом из туннеля, рабочие должны некоторое время

пробыть в шлюзной камере, в которой постепенно понижается атмосферное давление, чтобы переход от тяжелого воздуха шахт к нашему легкому надземному воздуху не был слишком резок. Однако, случается, что в жилах образуются довольно крупные азотные пузырьки, следствием которых и является так называемая „кессонная болезнь“. Большой азотный пузырь в полости сердца может вызвать моментальную смерть. Как раз вчера умер от этой болезни один из наших рабочих.“

„Но ведь это ужасно,“ сказал Джон, „получают ли, по крайней мере, ваши рабочие более высокое вознаграждение.“

„Yes, Sir. — Они зарабатывают в три раза больше, чем остальные рабочие. Однако должен признаться, что я не хотел бы работать в туннеле дольше двух часов! В этих шахтах — опасная для жизни работа.“

Вскоре они подошли к маленькому каменному домику.

„Здесь находится шлюзная камера, ведущая в туннель,“ пояснил инженер.

Сперва они вошли в переднюю, по стенам которой висела одежда рабочих. Затем сторож открыл тяжелую железную дверь и они очутились в шлюзной камере. Дверь за ними тотчас же заперли. Джон Уоркман и инженер уселись на скамейке. Послышался какой-то шум.

„Что это такое?“ спросил Джон.

„Сейчас начинает увеличиваться атмосферное давление в этой комнате.“

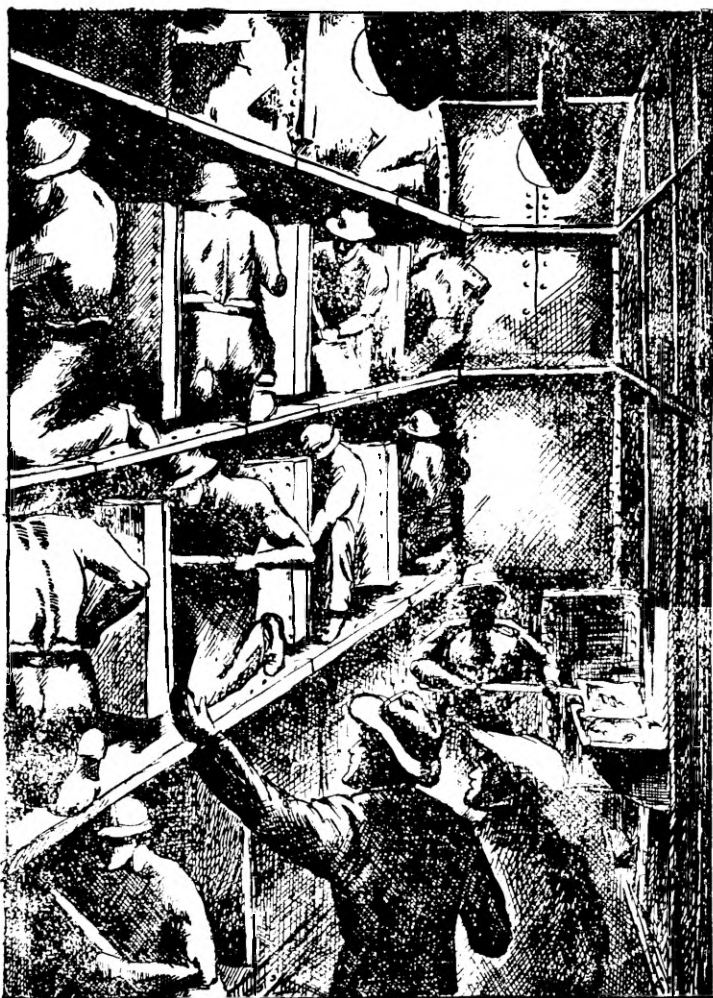
Через несколько минут у Джона отяжелела голова, и появилась легкая боль в висках. Он сказал об этом своему спутнику.

„Я ощущаю то же самое,“ с улыбкой отвечал инженер, „через две минуты мы привыкнем к этой новой обстановке.“

Действительно, уже вскоре Джон чувствовал себя как ни в чем не бывало. Раздался звонок. Инженер поднялся.

„Теперь мы можем войти в туннель.“

Мистер Смит открыл дверь. Они вошли в шахту, напоминавшую колодезь. На стенах горели электри-

ческие лампочки. По узкой лестнице они медленно спустились в туннель. Железные стены его были покрыты цементом. На потолке и здесь висели много-

численные электрические лампочки; повсюду виднелись толстые кабели и провода телефонов и звонков. По полу туннеля были проложены рельсы. Джон и его спутник медленно двинулись вперед. Трудно было представить себе, что где-то высоко над их головами протекает Гудзон. Чем дальше они шли вперед, тем сильнее становился шум. Слышались тяжелые удары молотом по железным брускам. Наконец, они подошли к передовой позиции работ по прорытию. Это было самое опасное место. В настоящий момент туннель заканчивался цилиндрической камерой, имевшей в разрезе шесть метров. Здесь находилось множество рабочих, выгребавших ил и песок.

Джон с интересом наблюдал за их работой. Все они были обнажены до пояса.

„Вы сказали, что здесь самое опасное место?“

„Yes, Sir,“ подтвердил инженер. „Как вы вероятно заметили, мы вошли сюда через дверь в стальной стене, отделяющей более или менее готовую часть туннеля от помещения, в котором мы сейчас находимся. Здесь производится работа по дальнейшему углублению туннеля. В этом месте можно каждую минуту ожидать наводнения.“

Теперь только понял Джон, почему это место считалось таким опасным. Он упустил было из виду, что рабочие, выгребавшие ил и песок, были защищены от вод Гудзона потолком, толщина которого была довольно незначительной.

„Рабочих, которые здесь работают, называют „потерянными людьми“, мистер Уоркман,“ сказал инженер, „у нас было уже два случая гибели всей передовой команды.“

„Неужели подача помощи совсем исключена, мистер Смит?“

„В сущности, да! У них одна только надежда — на свою удачу.“ Лицо инженера стало серьезным. „Когда под давлением воды или ила в стене образуется пробоина, страшная сила напора стихии отбрасывает рабочих в противоположную сторону. В этот момент, — если только посчастливится, —

можно еще выскочить через дверь, ведущую в туннель. В данном случае вопрос о жизни и смерти разрешается в каких-нибудь две-три секунды, потому что, едва только вода входит в это помещение, дверь в туннель автоматически захлопывается. Тогда уж нет спасения. Мы извлекаем потом одни только трупы.“

У Джона мороз прошел по коже. Он с удивлением вглядывался в этих рослых, сильных и смелых людей, которые, пренебрегая опасностью, все дальше и дальше углублялись в таинственные недра подземного царства.

Джон вздохнул с облегчением, когда они снова выбрались в туннель! В шлюзной камере инженер посоветовал Джону дышать как можно сильнее и глубже. — „А когда мы выйдем наружу, постарайтесь пошире расправить грудь!“

Джон последовал его совету. Тем не менее, когда они снова очутились на свежем воздухе, он почувствовал сильное сердцебиение и острую боль в лёгких. Ему тотчас же подали стакан ледяной воды. Через несколько минут он почувствовал облегчение. Затем, поблагодарив инженера, Джон отправился домой.

В продолжение двух часов он усердно работал над описанием всего виденного. Когда статья была готова, он написал заголовок „Потерянные люди“ и поспешил в редакцию.

„Алло, мистер Уоркман,“ приветствовал его мистер Бэрнс, „что у вас нового?“

„Я принёс вам статью.“

„Очень, очень любопытно! Дайте-ка прочесть!“

В комнате воцарилась тишина. Слышалось только шуршание страниц. Через четверть часа редактор окончил чтение.

„Поздравляю вас! — Мне давно не приходилось читать такой хорошей статьи.“

В следующее воскресенье, в иллюстрированном приложении к „Нью-Йорк Геральду“ появилась статья Джона Уоркмана. Её напечатали на первом месте.

Глава XXIV.

Джон Уоркман поставил себе новую цель. Последнюю неделю января месяца он решил провести еще в Нью-Йорке, чтобы всецело посвятить себя заботам о матери. Но уже в начале февраля он собирался снова отправиться в путь, на этот раз, — так ему советовали опытные люди, — на северо-запад, к озерам.

Зимний день выдался тёплый. Чувствовалось, что Нью-Йорк лежит на одной широте с Неаполем. Джон Уоркман уже утром побывал в редакции. Он говорил мистеру Бэрнсу о том, как иногда нелегко найти новую тему для статьи. Редактор рассмеялся в ответ.

„Что вы! Это совсем не так трудно! Возьмите записную книжку, карандаш и идите гулять по нашему городу! И наблюдайте, наблюдайте! Присматривайтесь ко всему, и я уверен, что вы найдёте подходящий материал для репортажа.“

Джон Уоркман последовал этому совету и уже с самого утра бродил по Нью-Йорку. Он спустился вниз по Бродвэю до т. н. Батарей, где в свое время высаживались первые голландские, а потом и английские переселенцы. Эта оконечность узкого полуострова, на котором выстроен Нью-Йорк, омывается с правой стороны величественным Гудзоном, а с левой — морским рукавом Ист-Ривера.

Здесь герой наш остановился перед маленьким деревянным домом в два этажа, с небольшой башней. На входной двери этого дома имелась вывеска с большими золотыми буквами F. D. N. Y.

Дверь была приоткрыта. До Джона донесся запах крепкого табака. Он заглянул во внутренность дома и увидел там нескольких мужчин в голубой форме, которые, по американскому обычаю, сидели в креслах-качалках вокруг камина. Один читал газету, а его сосед спал, свесив голову на грудь; двое других сидели у маленького стола и играли в карты. На их волосатых руках виднелась татуировка.

Джон почувствовал любопытство. Что это за

люди? Он вошел в комнату, но они едва взглянули на него. Джон осматривался в недоумении. Наконец, тот, что читал газету, обратился к нему: „Что вам угодно, сэр?“

„Извините меня, пожалуйста, я — сотрудник „Нью-Йорк Геральда“. Проходя мимо этого дома, заинтересовался им, и вот зашел сюда.“

Мужчина отложил газету в сторону и посмотрел на него своими голубыми глазами моряка. Прежде чем ответить, он вытащил из кармана пачку жевательного табаку и предложил Джону. Тот поблагодарил и отказался. Тогда он сам откусил немного табаку и сунул остальное в карман; по его лицу пробежала усмешка.

„Итак, молодой человек,“ сказал старик, „вы хотите знать, кто мы такие. Отвечу коротко: мы — моряки, и оказываем помощь судам в случае пожара. Мы на море боремся с огнем.“

Это было для Джона Уоркмана чем-то совершенно новым. Раньше ему никогда не приходилось слышать об этих морских пожарных.

„Нельзя ли мне осмотреть этот дом?“ спросил он.

„Ничего не имею против! Осматривайте себе на здоровье! Если вас это занимает, можете описать в газете.“

Старый морской волк снова углубился в чтение, а Джон поднялся по лестнице наверх и очутился в большой комнате. Около стен в два ряда стояли железные кровати, покрытые очень опрятными одеялами. Из окон открывался прекрасный вид на гавань. Там виднелись корабли всех наций, начиная с огромных океанских пароходов и кончая маленькими норвежскими бригами.

В стороне сидел старый моряк. Когда Джон хотел войти в соседнее помещение, он сказал:

„Идите потише, сэр! Там спят.“

Джон осторожно открыл дверь во вторую спальню, окна которой были плотно занавешены, так что в комнате царил полумрак. В ней спало

двадцать человек. Это была ночная смена пожарных нью-йоркской гавани.

Затем по узкой витой лестнице Джон поднялся на башню. Наверху сидел еще один старый моряк. Перед ним находился телеграфный аппарат, а также телефон. У входа в комнату стоял большой китайский гонг. Трёх сильных ударов в него было достаточно, чтобы поднять на ноги всех спящих моряков. Это означало: „судно горит, необходима помощь.“

Тогда капитан команды громким голосом отдавал приказания. Все немедленно сбегались к стоявшему всегда наготове пожарному боту. Каждый становился на свое место, каждый знал в точности, что ему делать.

Непосвященному могло бы показаться, что бот снабжен артиллерией. Да, на нем, действительно, стояли пушки, — только они стреляли не ядрами, а водой. Всего их было сорок две. В одну минуту они могли выбрасывать 5000 галлонов воды.

Дежурный на башне рассказал Джону, что десять лет тому назад их пожарные боты считались наиболее сильными. Но за последнее время появились более совершенные пожарные пароходы. Джон подружился с дежурным моряком, которого звали Джо Галли. Он рассказал ему целый ряд любопытных историй морских пожаров.

„Самый тяжелый случай, который мне довелось пережить, — был пожар на Уильямсбургском мосту. Восемь человек из нашей команды погибло тогда. Картина была жуткая! Темная ночь, сильный норд-ост! Наше судёнышко так и подпрыгивало на волнах! Весь мост был объят пламенем. На нас падал целый дождь из раскалённых железных брусев. К тому же, недалеко от моста расположены, как известно, баки с керосином и угольные склады, — все это тоже могло загореться! Если бы не мы и не наши товарищи с суши, добрая часть Нью-Йорка превратилась бы в груды пепла! Мы работали, как черти, чтобы спасти город от великого несчастья!.. Вы не можете представить себе, какие богатства хранятся в доках!

Другое дело, когда приходится тушить пожар на судне! В таком случае мы прежде всего стараемся отвести горящий корабль подальше от берега, чтобы огонь не перекинулся на сушу. Если это удалось, — половина работы сделана!“

„Помнится, горели однажды доки Северо-Германского Ллойда, — тогда огонь перебросился на океанские пароходы, и погибло немало людей,“ сказал Джон Уоркман.

„Да, сэр, не на радость мне вы вспомнили этот случай! Пожар в доках Ллойда — самое ужасное из всего, что мне когда-либо пришлось пережить!. Нам удалось тогда вывести горящие океанские пароходы на середину залива. Огненные столбы достигали высоты небоскребов. Огромные густые тучи дыма восходили к небу. Наши пожарные боты причаливали к бортам пылавших пароходов. Мы стояли на железных лестницах, которые были до того раскалены, что кожа прилипала к ним. С топорами в руках, мы изо всех сил старались пробить узкие оконца в толстых стенах корабля, чтобы спасти прижавшихся к ним, совсем обезумевших пассажиров! И мы видели, как позади них в каюты врывалось пламя, и тогда — Нет, сэр, не стоит вспоминать об этом. Довольно! По ночам мне и теперь иногда мерещатся вопли несчастных! И всётаки — одно живое существо мне удалось спасти “

Голос старого морского волка стал совсем тихим, в нем послышались тёплые нотки.

„Я спас тогда одного ребенка. Мать просунула его через окошко, — это проклятое окошко! — оно было таких размеров, что через него мог пролезть только ребенок не старше года. До последнего момента я держал ребенка перед иллюминатором. Мать ласкала и целовала его, пока её не убило пламя...“

Старик отёр кулаком слезы. Джон огляделся. Это помещение напоминало вышку маяка. Не было только сигнальных ламп по середине. Со всех сторон находились окна, так что дежурный мог окинуть взглядом всю гавань.

„Нельзя ли вас спросить,“ сказал Джон Уоркман, „чем занимались ваши товарищи и вы сами до поступления в морскую пожарную команду?“

„Большинство из нас — бывшие моряки, всё люди бессемейные! И теперь мы очень рады, что у нас имеется свой дом и всё вообще, что нужно для жизни. На прошлой неделе наш капитан послал меня на Бродвэй — к одному агенту, чтобы нанять новых людей. Тот спросил меня, какие нужны нам люди. — „Сильные, выносливые“, ответил я. „А сколько?“ „Чем больше, тем лучше! — дюжины две!“ „All right,“ сказал агент, „через три дня вы их получите!“

Старый морской волк вдруг прервал свой рассказ, взял бинокль и посмотрел по направлению к горизонту. Через несколько минут он отложил бинокль в сторону и продолжал:

„Я ошибся — это был дымок парохода, входящего в гавань. Итак, когда, через три дня, я вернулся к агенту, он сказал мне: „Well, мой милый, дело не так просто.“ „Почему?“ „Работа у вас сопряжена со слишком большой опасностью, сэр. Я слышал об этом от людей, которых хотел нанять для вас.“ „Ах, так! Ну, значит, все они трусы и лентяи! Таких нам не надо! Нам нужны молодцы со стальными нервами “

„Не позволите ли вы мне осмотреть ваш пожарный бот?“ прервал его Джон.

„Можете, молодой человек, можете! Обратитесь к самому молодому из нас, к нашему капитану Крукеру (ему всего только сорок лет); он всегда сидит внизу у камина.“

Джон попрощался со старым морским волком, спустился вниз и подошел к сидевшему у камина шефу пожарной команды.

„Извините меня, сэр, вы — мистер Крукер капитан?“

„Чего вам от меня нужно?“ спросил тот, оторвавшись от газеты.

„Я хочу написать для „Нью-Йорк Геральда“

статью о деятельности вашей команды. Не разрешите ли вы мне осмотреть ваш пожарный бот?»

„Пожалуйста,“ ответил Крукер, „как раз сейчас у нас должны состояться практические упражнения на борту.“

Раздался удар в гонг. Через каких-нибудь две минуты все моряки были в сборе, — даже те, что спали наверху. Все они выстроились в ряд. Началась переключка. Затем все поспешили к стоявшему поблизости на якоре пожарному боту. Джон последним проник на его палубу, после чего немедленно отчалили.

Когда они были уже в нескольких стах метрах от берега, неожиданно раздался страшный удар, напоминавший раскаты грома. Вскоре за ним — другой, — словно от колоссального взрыва. Слышно было, как в городе зазвенели стёкла. Лица пожарных стали серьёзными. Все они пристально глядели на своего начальника Крукера.

На башне пожарного дома появился сигнальный красный флаг, которым махнули три раза. Тотчас же капитан отдал краткое приказание рулевому: „Гобокен.“ Бот поспешил по направлению к этому месту.

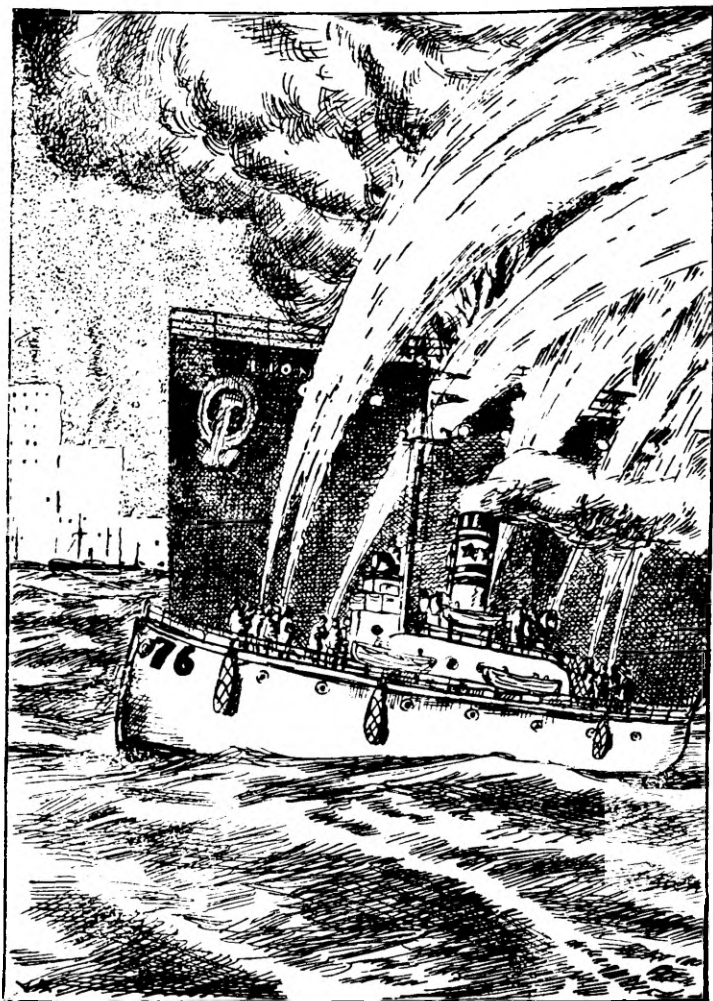
Между тем дежурный на башне махнул им двумя синими и одним белым флажком. Это означало, что на первой набережной Central Railroad случилось какое-то несчастье.

Теперь над башней показался чёрный флаг. Он говорил об очень большой опасности: взрыв пороха или динамита. И они увидели, как над небоскрёбами поднялась огромная черная туча с жёлтыми зигзагообразными краями; вскоре она закрыла чуть ли не весь небосклон.

Послышался рев сирен, а затем звонки пожарных автомобилей, — это были сигналы их товарищей на суше. Бот быстро мчался к месту несчастья.

На всех пароходах, стоявших в гавани, раздавался вой сирен. Десятки судов, не обращая внимания на сигналы пожарного бота, поспешили отъехать как можно дальше от места катастрофы.

Вскоре бот был окутан желтовато-белыми облаками дыма, который издавал какой-то сладковатый

запах, напоминавший аромат духов или конфет. Джон обратился за разъяснениями к одному из стоявших поблизости пожарных. „Динамит,“ ответил тот.

Крукер отдал новое приказание:

„Полным ходом — на всех парах!“

Капитан вспомнил, что как раз сегодня по железной дороге привезли очень большое количество динамита для погрузки на открытые транспортные суда. Этого динамита было вполне достаточно, чтобы взорвать целый район города. „Смогу ли я помешать этому несчастью?“ думал он.

Вскоре они подъехали к набережной, где произошла катастрофа. У самого берега стояли товарные вагоны. Повсюду бежали бледные испуганные люди, спасавшиеся с кораблей и из домов. В воздухе стоял стон от рева сирен, гудков и звона колоколов. Крукер приказал дать медленный ход.

Они были совсем близко от горящего парохода, стоявшего у самого берега. На волнах плавали всевозможные обломки и изуродованные человеческие тела. Пожарный бот немедленно начал выбрасывать в пламя огромные струи воды. В воздухе появились густые клубы белого водяного пара. Десять минут длилась напряжённейшая борьба с огненной стихией. Наконец, пламя начало убывать. Тогда удалось отвести пароход от берега, чтобы пожар не перекинулся на сушу. Выведя судно на середину Гудзона, пожарный бот оставил его там догорать и возвратился к набережной. Крукер первым сошел на берег, за ним последовал Джон Уоркман. Повсюду виднелись следы разрушения, но прямая опасность уже миновала. Взрыв произошел при погрузке динамита на судно. Повидимому, один из рабочих неосторожно поставил на палубу двадцатипятифунтовый деревянный ящик с взрывчатыми веществами. Последовал взрыв, а через минуту взлетел в воздух целый вагон. Пожарные должны были позаботиться лишь о предотвращении дальнейших взрывов.

Джон Уоркман распрощался со своими новыми друзьями и помчался на Бродвэй. А через час газетчики распродавали уже экстренный выпуск с описанием катастрофы: „Взрыв динамита в Гобокене!“ кричали они, „информация Джона Уоркмана!“

Многие журналисты Нью-Йорка завидовали шумному успеху нашего героя. Тем не менее он решил вскоре же отправиться в дальнейшие странствия по белу свету.

Глава XXV.

Скорый поезд, который мчался по направлению к западу, сделал короткую остановку на полуострове, образуемом озерами Гурон и Мичиган. Был седьмой час утра; город лежал еще в темноте, ибо в феврале здесь светает позднее. Джон Уоркман взял в руку свой чемоданчик и вышел на дебаркадер. Толпа повлекла его к выходу. Полусонный и озябший, остановился он на минуту посреди какой-то тускло освещенной улицы. Он не знал, что ждет его в этом городе. На один момент в нем шевельнулось даже сомнение. Однако, он не дал воли этому чувству и быстро зашагал по деревянному тротуару. В это сырое февральское утро на немощёных улицах была непролазная грязь, и это заставило Джона вспомнить старую шутку о том, что жители Мичигана так и появляются на свет Божий с калошами на ногах!

Вдруг его взгляд остановился на ярко-освещенных окнах, где красовалась надпись золотыми буквами — „Saloon“ В такую рань делать было нечего, и Джон зашел в бар выпить стакан чаю. Часы показывали лишь половину восьмого. Только через два часа можно было что-нибудь предпринять. Но Джон не любил попусту тратить время: он взял большую железнодорожную карту и принялся за изучение географии штата Мичиган. Но, уткнувшись глазами в карту, он в то же время внимательно прислушивался ко всему, что происходило в помещении.

У стойки стояло двое мужчин, — судя по одежде, среднего достатка. Они беседовали с хозяином. Сначала Джон слушал их довольно рассеянно. — Ах, это была старая история, знакомая ему уже по Нью-Йорку! Двое потеряли службу, и вот пришли в свой излюбленный ресторанчик, чтобы поисповедываться

перед трактирщиком! Безработные у стойки несколько раз произнесли имя некоего мистера Тэйлора, который, по их словам, был единственным виновником их несчастья. Они оба провалились на каком-то экзамене.

Это только в ветхой Европе заставляют экзаменоваться чуть ли не каждого почтальона и железнодорожника, а в свободной Америке такая роскошь совсем излишняя! Разве не стыд и позор, что почтенных отцов семейства заставляют учиться, как желторотых птенцов?

Джон Уоркман начал внимательнее прислушиваться к этой беседе. Теперь приятели у стойки заговорили даже о психологии! В „психологической лаборатории“, где подвергали испытанию рабочих, с ними, оказывается, обращались, как с маленькими ребятами, заставляя решать какие-то идиотские задачи! Токарь должен был измерять диаметр различных стальных валов и записывать свои наблюдения! А слесарю велели решать арифметические задачи. Целый день длилась эта пытка! И в результате — очень плачевный исход!

В ближайшую субботу им выдали жалованье за неделю и сказали, что больше в них не нуждаются. Теперь они вот уже три дня без работы!

Приятели снова залили свое горе пивом, а потом — виски. Джон содрогнулся. Он никогда не выпивал больше одного стакана пива, — и то только вечером, а эти люди уже с утра начинают напиваться. Несомненно, думал Джон, они останутся здесь до самого вечера. Будут все время прикладываться к рюмочке и втридорога платить за жалкие буттерброды, выставленные на стойке. Возбужденные винными парами, они начнут придумывать всякие грандиозные планы, которые им, конечно, не удастся выполнить.

Вдруг один из пропойц приблизился пошатываясь к столику Джона Уоркмана.

„Алло, сэр, вы, повидимому, только что приехали сюда! И, конечно, опять уедете — с ближайшим поездом! В этом проклятом гнезде — делать нечего!“

Джон так пристально посмотрел на него, что пьяница невольно опустил глаза.

„Нет! Я приехал сюда за своим счастьем!“

Тогда другой собутыльник ехидно хихикнул и обратился к своему приятелю:

„Алло, Джимми, взгляни-ка на этого простофилю! Приехал, чорт возьми, в Детройт, чтобы здесь найти свое счастье! Это — презабавная шутка, сэр! Уже не в предприятии ли мистера Форда вы измерены искать это свое счастье?!“

„Именно там.“

Оба посмотрели на Джона, как на какого-то редкого зверя из зоологического сада.

„Хочет найти свое счастье у Форда,“ пробурчал про себя один из них.

„Хочет найти свое счастье в этой адской бане, просипел другой.

„Там есть такой мистер Прис из пси-хо-ло-гической лаборатории! Ему следовало бы все кости переломать все кости этакий мошенник!“

Джон откинулся на стуле, пристально взглянул на них и сказал:

„Лучше занялись бы чем-нибудь более важным и оставили бы в покое мистера Приса!“

„Более важным? Ха-ха! Это-то и есть самое важное: всыпать этому подлецу десяток горячих!“

„Нет, господа, самое важное — постараться заработать на хлеб для своей семьи!“

Слова Джона Уоркмана оказали известное действие на одного из собутыльников. Он вспомнил о жене, о детях, для которых он был единственной опорой.

„Не так-то легко найти новое место, сэр! Вот пойдите-ка в предприятие Форда, — там вас прежде всего отправят на испытание к мистеру Прису“ ..

„О значении мистера Приса мне было известно уже в Нью-Йорке! Я только что слышал, что вас уволили из предприятия Форда. Но, ведь, в Детройте имеются еще и другие фабрики и заводы, которые нуждаются в рабочих руках? Здесь, в трактире, вы конечно, не получите никакого места! Выпейте,

чтобы протрезвиться, две чашки крепкого кофе, а затем, часам к девяти, отправляйтесь в поиски заработка.“

„All right, сэр! Вы говорите дело! Я уж и так хотел пойти сегодня на фабрику Sharp Brothers.“

Затем он последовал совету Джона: выпил кофе и через полчаса, протрезвившись, вышел на улицу. Вскоре собрался и Джон. Свой чемоданчик он отдал на хранение трактирщику, а сам бодро тронулся в путь.

Город совсем не походил на Нью-Йорк. Там повсюду высились небоскребы, верхние этажи которых, казалось, иногда исчезали в облаках. А здесь дома были не очень большие и сравнительно далеко отстояли друг от друга. По середине города протекала река Детройт, — шириной в целый километр. Джон пошел по большому железному мосту. Отсюда открывался прекрасный вид на город, расположенный амфитеатром по склону холма. По широкой, обсаженной деревьями, улице Джон вошел в парк, прошел через него, затем сел в трамвай, и минут через двадцать очутился перед главным входом фордовского завода. Здесь он на минутку задумался. Он знал по опыту, что в больших предприятиях необходимо особое умение сразу же „попасть в точку,“ то-есть чутьем угадать, куда а следует прежде всего обратиться. Джон Уоркман раздумывал: пойти ли ему к самому Форду или к Прису? Но он не знал наверняка, здесь ли сейчас Форд. Поэтому он решил, что лучше попросит доложить о себе мистеру Прису, который, как он это слышал еще в Нью-Йорке, был правой рукой Форда.

Он вошел в ворота и обратился к швейцару:

„Я хотел бы поговорить с мистером Присом.“

Швейцар посмотрел на него с нескрываемым удивлением. Люди, желавшие говорить с Присом, приезжали обыкновенно в автомобилях и были одеты в дорогие шубы и цилиндры, одним словом, всё — господа солидные и по большей части пожилые! А тут вдруг какой-то скромно одетый молодой человек лет шестнадцати — семнадцати! Однако, — кто знает? — ведь мистер Прис — личность загадочная. Он любит

путем разных ухищрений испытывать догадливость своих подчиненных. Может быть, и в этом случае какая-нибудь уловка

„Well, сэр! Мистер Прис принимает от десяти до двенадцати. Но должен предупредить вас: если вы не приглашены лично мистером Присом, и не имеете хорошей рекомендации, может случиться, что он вас не примет“

Швейцар вручил Джону Уоркману анкетный лист, который должны были заполнять посетители. Тот быстро написал ответы на все вопросы. Потом он вытащил из кармана какую-то карточку и вложил её в конверт.

„Пожалуйста, передайте мистеру Прису анкету, а также эту записку.“

„All right, сэр,“ ответил швейцар, а про себя он подумал: „Ах, так! Молодой человек прилагает еще какой-то документ, — ну, что ж, посмотрим, как отнесётся ко всему этому мистер Прис!“

Служитель провел Джона через огромный фабричный двор, на который, казалось, сбежались на свидание все автомобили мира, — потом, через маленький сад, в большое кирпичное здание. Затем, по разным лестницам и корридором, они пришли, наконец, в приемный зал. Джон Уоркман имел время осмотреться в нем. Под стеклом, в раме, висела колоссальная литография, — снимок с предприятия Форда в настоящее время: целый ряд гигантских строений и огромные дворы между ними. Джон сразу почувствовал, что всё это было построено по какой-то вполне определенной системе, но никак не мог догадаться, — по какой именно. Наконец, он решил, что всё в целом больше всего напоминает скелет громадного допотопного животного, виденный им недавно в одном нью-йоркском музее. На другой стене висел снимок с предприятия Форда двадцать лет тому назад. По сравнению с тем, что было теперь, оно казалось совсем маленьким. Да, в самом деле, мистер Форд — очень большой человек!

Между тем, служитель, который привёл Джона

в приёмный зал, вручил мистеру Прису анкету и запечатанный конверт.

„Джон Уоркман Джон Уоркман“ думал мистер Прис, — „это имя я уже где-то слышал“
Затем он механически распечатал конверт и вынул визитную карточку, на которой стояло имя Корнелия Ф. Г. Вандербильта. Внизу была приписка карандашом: „Рекомендую моего друга Джона Уоркмана всем моим друзьям“

Мистер Прис поднял брови. Он мысленно перебрал всех членов семьи Вандербильтов: каждый образованный американец знает их очень хорошо. Насколько мистер Прис мог припомнить, обладатель визитной карточки был одним из представителей третьей линии этой фамилии. Он достал с полки Календарь Четырехсот, который в Соединенных Штатах играет ту же роль, что Готский календарь в Германии. Да, так оно и было! Существовал только один Вандербильт с этим именем. Ему было теперь семнадцать лет; он учился в Гарвардском колледже.

Мистер Прис его лично не знал. Но он знал богатство Вандербильтов, которое было лет на 80 старше фордовского. Во всяком случае человека, рекомендованного Вандербилтом, нужно было принять! Прис нажал кнопку, и Джон Уоркман был приглашен в его кабинет.

„Вы снабдили свое заявление о приеме весьма полезной рекомендацией! Чем могу вам служить?“

„Я хочу получить место на вашем заводе.“

Мистер Прис испытующе посмотрел на просителя. Он полагал, что увидит солидного господина, а перед ним стоял мальчик, который, пожалуй, мог бы быть товарищем молодого Вандербильта. Может быть, он и явился прямо из Гарвардского колледжа!

„Чем вы занимались до сих пор?“

„Разным, сэр! Прежде всего привыкал заботиться о себе, — to earn my life, — лично зарабатывать средства к жизни!“ Мистер Прис улыбнулся. Вряд ли друг Вандербильта принужден был в такие годы лично зарабатывать деньги! Нередко, однако,

сыновья весьма богатых людей имели подобные причуды и больше гордились заработанным долларом, чем унаследованным миллионом. Так могло быть и здесь. „Чем же вы, например, занимались?“

„Я начал газетным мальчиком в Нью-Йорке. Потом служил на ферме — при машинах. Некоторое время был опять при машинах у Армура и Компании. Теперь хотел бы“ Прис знал уже, куда в своей памяти приткнуться Джона Уоркмана. Он поискал в кипе журналов и вытащил номер „Геральда“, в котором Джон Уоркман напечатал свои заметки о заводе Армура. Он открыл статью и показал ее молодому человеку

„Это вы?“

„Да, сэр!“

Прис подумал несколько секунд. Молодой человек наверное принадлежал к одной из богатых семей страны и имел хорошие связи с влиятельной нью-йоркской прессой. К тому же, приняв его на завод, он окажет услугу члену семьи Вандербильтов.

„Какого рода службу вы хотели бы иметь в нашем производстве?“

„Охотнее всего такое место, где я мог бы учиться дальше!“

Этот ответ уничтожил последние сомнения Приса, который был теперь совершенно уверен, что имеет дело с воспитанником Гарварда или Yale College. Взяв одну из своих визитных карточек, он написал несколько строк и вручил ее молодому человеку.

„Завтра в 9 часов утра явитесь к моему первому помощнику, мистеру Репингтону. Вы получите работу по вашему вкусу“

Прис кивнул головой в знак того, что Уоркман может идти. Но тот продолжал стоять на месте и спокойно спросил:

„А какое вознаграждение я буду получать за свою работу?“

Мистер Прис немного смутился. Это, впрочем, вытекало из всего предыдущего. Эти богатые юноши

желают зарабатывать доллары, ибо полагают, что только в этом случае им поверят, что они действительно и с толком работали.

„Мистер Уоркман, ваше содержание будет состоять из основного оклада в 25 долларов в неделю и из процентных. Размер процентного вознаграждения целиком будет зависеть от производительности вашей работы.“

После этого оба собеседника ударили по рукам.

Глава XXVI.

Прошло четыре недели службы Джона Уоркмана в Taylor-bureau заводов Форда.

Двадцать четыре столетия тому назад человек, которого дельфийский оракул объявил мудрейшим их греков, сказал: „я знаю, что я ничего не знаю“ Джон Уоркман никогда ничего не слышал о Сократе, но эта истина древнего философа становилась ему с каждым днем все яснее и яснее. Он полагал, что многому научился в своей жизни, — как, например, следует разгружать и нагружать железнодорожный вагон, как обслуживать ту или другую машину и т. д. Здесь же ему пришлось убедиться, что он ровно ничего не понимает в самых простых вещах!

Мистер Репингтон, которому он представился с карточкой Приса, передал ему в первый же день толстую папку с делами. „Мистер Уоркман, вы должны многому у нас научиться, прежде чем будет польза от вашей работы на заводе. Я даю вам восемь дней времени для основательного просмотра этой папки. Но суть дела не в одном изучении! Вы должны параллельно знакомиться с коллекциями наших инструментов, притом, в первую очередь, с инструментами, относящимися к вашему делу. Вторых, вам придётся посещать те наши отделения, в которых мы вырабатываем психотехнические основы производства. В-третьих, вы не должны размениваться на мелочи, вы должны всё своё внимание обратить на одну область. Через восемь

дней у нас с вами будет первый разговор на эту тему". После этого короткого введения Джон Уоркман приступил к изучению папки с делами. Работа эта была ему непривычна, так как до сих пор он ничем подобным не занимался. Тут он нашел сначала короткую статью о перелопачивании мелкозернистых матерьялов, о работах, которые ему сотни раз приходилось наблюдать в различных местах построек и на станциях. Джон Уоркман привык смотреть на работы с сыпучими телами, как на низшую ступень человеческого труда. Здесь же из этих работ составили целую науку. Общее введение в изучаемое дело доказывало, что при научно правильном ведении лопатных работ три фактора, а именно: работающий человек, инструмент и обрабатываемая масса, должны быть строго согласованы между собою. Нужно было сконструировать подходящие лопаты, нужно было из большой массы людей выбрать наиболее приспособленных к данной работе.

Далее, лопата состояла из двух частей, а именно из лопасти и ручки. Лопасть должна была по своей форме и величине соответствовать величине зерна и удельному весу перелопачиваемого сыпучего тела. Форма ручки, напротив, в значительной степени принаравливалась к удобствам рабочего. Он увидел чистенькие чертежики 30 различных лопат и стольких же заступов и вил. Тут же находились странно сплетенные кривые, указывающие движения, которые следует производить лопатой. Специально выбранные рабочие, под руководством инженеров, наблюдающих с часами в руках за ходом работ, исполняли определенные задания. Их производительность сравнивалась с таковой других рабочих со старыми инструментами, и в результате повсюду можно было заметить повышение производительности, примерно в четыре раза. Эта последняя сводка окончательно преодолела внутреннее сопротивление Джона Уоркмана. Он ясно увидел, что все новшества и исследования, в конце концов, приводили к громадному повышению продуктивности

работы, и с этого момента он рьяно взялся за изучение этой отрасли производства. Целыми часами бродил он в помещениях, где производились испытания новых инструментов для земляных работ, и где рабочие в то же время кинематографически снимались. Он видел, как сделанные в одну секунду 20 снимков подвергались научной переработке. Только теперь он понял происхождение странных кривых в своей папке. На опытной станции записывали, сколько каждый рабочий сделал в час, и вычерчивали на основании снимков кривую его движений, причём постоянно обнаруживалось, что рабочие с наилучшими результатами работы имели наиболее простые и согласованные кривые. Таким образом устанавливались те основные кривые линии, которые служили образцом для всех остальных рабочих.

Когда прошли первые восемь дней, Джон Уоркман имел возможность сделать толковый доклад Репингтону.

„All right, мистер Уоркман! Возможно, что вы нам пригодитесь. Займитесь теперь э т о й папкой!“
Такова была критика Репингтона.

Если Джону Уоркману показалось, что он значительно подвинулся вперед, то он ошибся. Этот второй том заключал в себе в том же порядке все столярные работы, причем еще разнообразнее были новые инструменты. На третьей неделе он должен был основательно ознакомиться со слесарными работами, а четвертую посвятить целиком формовочному и литейному делу.

И вот опять он стоял перед Репингтоном, который снова экзаменовал его самым тщательным образом. Однако на этот раз ему кивнули головой немного любезнее.

„Хорошо, мистер Уоркман! Вы усвоили в достаточной мере основные положения системы Тэйлора! Теперь вам придется поработать месяц в психотехнической лаборатории. Тогда поговорим о дальнейшем.“

Работа в психотехнической лаборатории нача-

лась, и она-то именно вызвала вздох у Джона Уоркмана, заставив его вспомнить изречение Сократа.

Каждый день происходили испытания лиц, ищущих работу.

Человек, желавший получить должность на заводах Форда, подвергался специальному испытанию способностей. Приходило очень много шоферов. Ясно, что заводы могли использовать их сотнями, так как выпускали ежедневно 3000 автомобилей! Годовое же производство достигало грандиозной цифры в 900.000! Для испытания этих автомобилей требовалось конечно большое количество шоферов. Однако, ни один из кандидатов не попадал на машину, не выдержав строгого испытания в психотехнической лаборатории.

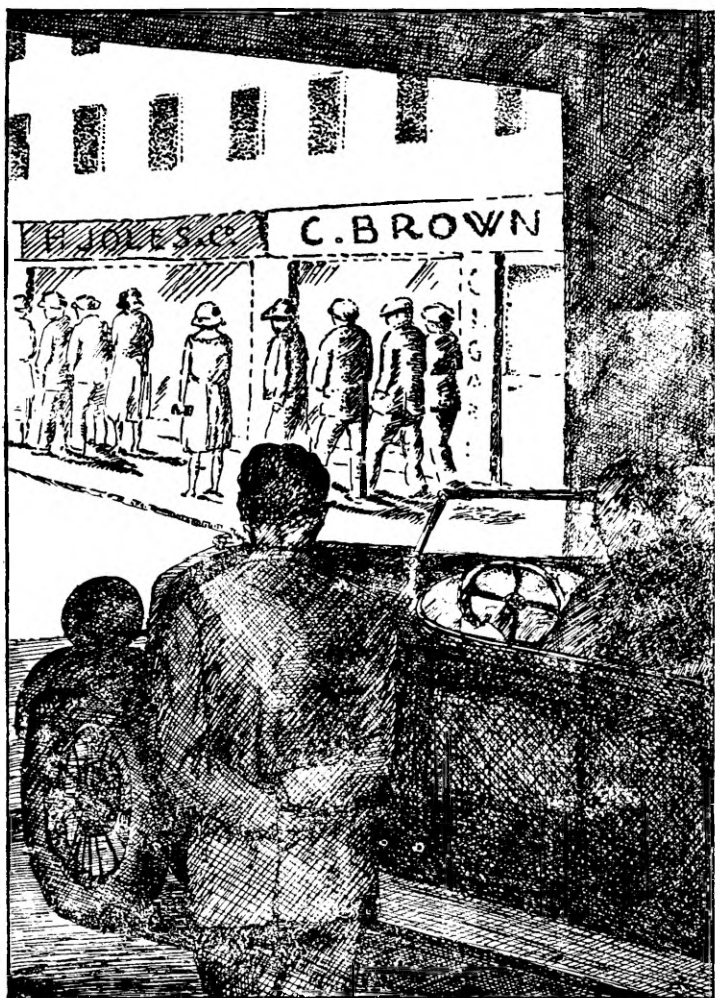
Джону Уоркману показалось, что он находится на волшебном представлении в театре, а не на заводе, когда он впервые был свидетелем такого испытания. Шофер, крепкий и рослый детина, который хвастался, что ездил на самых больших и тяжелых машинах, вошел в испытательную залу и представил свои свидетельства, но никто даже не заглянул в их текст. Вежливым, но определенным жестом его попросили сесть в большую машину, стоявшую тут же с приглушенно гудящим мотором. Инженер изъявил желание поехать вместе с ним и сел рядом.

И вдруг — там, где зала кончалась стеною, растянулась картина широкой прямой улицы. Трамвайные рельсы шли по середине, большие деревья затеняли тротуары, и всё терялось в бесконечной дали. Сильный проекционный аппарат перенес эту картину на белую стену залы.

„Поезжайте теперь по улице,“ сказал инженер шоферу. „Но поезжайте так, как будто вы едете в самом деле! Давайте гудки, когда считаете нужным, держитесь скоростей, необходимых в действительности!“

„Чорт побери! если вы хотите, чтобы я прошиб ту стену, то согласен сделать вам это одолжение!“

При этих словах шофер дал мотору больше газа и включил ход. В тот же момент по картине

перед машиной прошла легкая зыбь. Неподвижная картина превратилась в живую фильму, и деревья улицы стали медленно подвигаться навстречу автомо-

бию. Шофер включил более высокую скорость, и скорость движения фильмы соответственно повысилась.

„Чорт возьми, где же стена?“ проворчал он и бросил взгляд на коробку скоростей. Стрелка колебалась между 25 и 26 километрами в час. „Мы давно уже должны были проскочить сквозь проклятую стену!“

Но скоро шофер забыл о стене, так как нужно было заняться более важным. Улица стала оживленной. Из домов выходили пешеходы и шли по тротуарам. Вдруг .. дьявол! . чуть не задавил человека! Только в последний момент шофер успел затормозить машину и повернуть её в сторону. — Из дому выскочил какой-то субъект, — мигом на улицу, и чуть было не остался под машиной! Шофер благополучно избег несчастного случая, и машина пошла опять полной скоростью. „Вы должны почаще давать сигналы рожком“, сказал инженер. „На судебных разбирательствах всегда полезно доказать, что во-время был дан предупредительный гудок. Сейчас будет перекрёсток, не забудьте же сигналы!“.

Шофер решительно последовал совету и стал давать сигнальные гудки. Сейчас же выяснилось, что эта мера была правильна. С поперечной улицы также слышались сигналы, тяжелый грузовик с двумя прицепными повозками выкатился оттуда и закрыл на короткое время дорогу, так что шоферу ничего не оставалось, как стоять на месте, пока препятствие не исчезло.

Поездка продолжалась. Трамвайные вагоны проходили спереди и сзади. Станции, около которых толпилась публика, нужно было осторожно объезжать. Опять поперечная улица!

„Повернем направо!“ сказал инженер. Автомобиль сразу оставил прекрасную широкую улицу и прокладывал себе дорогу в узком переулке, где два автомобиля с трудом могли разъехаться. Дети играли на мостовой. Куры и свиньи бегали повсюду, и нужна была сугубая осторожность во время езды.

Постепенно дома поредели, и городская улица перешла в шоссе. „Теперь быстро неситесь вперед!“ сказал инженер. Шофер дал полный ход, так что стрелка скоростей дошла до 90, и шоссе понеслось с головокружительной быстротой. Но вот новая беда! Шоссейное управление расставило тяжелые камни то справа, то слева по дороге, чтобы заставить автомобили ездить змееобразными кривыми. Скорость упала при этом до 50 километров в час, пока путь снова не освободился, и езда могла быть возобновлена с прежней скоростью до того места, где справа дорога довольно быстро спускалась вниз, а слева круто подымалась, и где вдруг большое стадо коров, во главе с неособенно дружелюбно глядящим быком, вышло на дорогу. Давая изо всей силы гудки, шофер приблизился к стаду. В последний момент ему удалось заметить свободный проход, и он быстро проехал, скользнув крыльями машины по коровам.

Дорога спустилась теперь к железнодорожному пути.

„Вот подходит мой поезд! Поезжайте скорее, — я хочу попасть на него“, сказал инженер. Шофер дал полный ход и помчался вдоль дороги, между тем как вдали уже показался дымок паровоза.

„Остановитесь у вокзала!“

Машина замедлила ход у небольшой станции и стала.

„Выключайте мотор!“ Шофер исполнил приказание. Как только он это сделал, вся картина немедленно исчезла. Как прежде, автомобиль спокойно стоял в зале; в 6 метрах от него возвышалась белая стена, на которой разыгралось все это волшебное зрелище.

Шофер потер глаза и схватился за голову.

„Ну, и штука! Ведь, здесь только что был вокзал, у которого вы хотели слезть, сэр!“

„Совершенно правильно, сэр! Я это и сделаю, а вам придется минут 15 подождать. Тогда мы скажем, можете ли вы у нас служить, или нет.“

Шофер вышел в приемную. Джон Уоркман,

который, стоя в зале, участвовал во всей этой поездке, заметил, как инженер вытащил из нутра машины круглый, покрытый бумагой металлический барабан и пошел с ним в соседнюю комнату. Здесь инженер снял ленту с барабана. Ряд красных линий с разными искривлениями и петлями тянулся по всей длине бумаги. Параллельно шли карандашные линии, которые в общем точно следовали изгибам красных линий и местами совершенно с ними совпадали. Только в трех местах карандашные кривые показывали более значительные отклонения.

„Вот видите, первый раз это было здесь“, сказал инженер Джону Уоркману. „Тут он во-время не дал гудка, и человек чуть не попал под колеса. Если бы карандаш подвинулся еще на 3 миллиметра ближе к этой красной линии, то шофер не годился бы для нас“. Свидетельства шофера были хороши. Инженер взял формуляр, и Джон Уоркман глядел через его плечо, как тот его заполнял. Почти всё было уже заранее напечатано: „Сим свидетельствуется, что шофер Уильям Филипс, во время испытания в психотехнической лаборатории заводов Форда, показал, что его способность реагировать составляет 0,95, а коэффициент утомляемости — 0,92“. В таком духе следовало 12 различных граф. Из всех цифр, на основании довольно сложной формулы, получался окончательный результат, который в данном случае равнялся 0,97

„Возможная наивысшая величина составляет единицу“, пояснил инженер. „Это значение соответствовало бы идеалу шофера, которого в действительности не существует. Мы принимаем на службу с результатом 0,80. Этот человек с 0,97 отлично выдержал испытание и будет принят на службу“.

Джон Уоркман вернулся с инженером в испытательную залу. В руках у инженера был металлический барабан, уже покрытый новой бумажной лентой.

„Освойтесь с этим механизмом, мистер Уоркман, и подумайте о том, какие усовершенствования были бы еще возможны. На барабан натянута

бумажная лента, на которой напечатаны красными линиями маневры езды, действительно исполненные весьма хорошим шофером, между тем как кинооператор, сидя рядом с ним, заснял улицу на фильмовую ленту. Все маневры, сделанные шофером во время испытания, наносятся карандашом на барабан. Скорость движения фильма строго соответствует скорости езды, выбираемой экзаменуемым на испытательной машине. Картина улицы приближается к нему медленнее или скорее в зависимости от того, с какой скоростью он едет“.

Джон Уоркман внимательно прослушал объяснения инженера и сказал: „У меня к вам просьба, сэр! Я сам хотел бы совершить такую же испытательную поездку!“

„А вы держали ли когда-нибудь в руках руль автомобиля?“

„Только весьма медленных машин. А попробовать очень хотелось бы!“

„Следующее испытание будет через 25 минут. Если вы быстро поедете, то, пожалуй, успеем.“

Джон Уоркман сел у руля, и перед ним опять появилась уже знакомая картина. Он поехал с головокружительной быстротой, и, зная уже все препятствия, через 20 минут был у вокзала, где и остановился. После этого он совместно с инженером рассматривал свою кривую езды и увидел, что едва ли выдержал испытание.

Его кривая показала, что он „переправил“, как сказал инженер, и это произошло от того, что он до сих пор ездил только на тихоходных машинах, -- на тракторах.

„Если, сидя на „тихоходе“, вы хотите обойти препятствие, то вы должны круто повернуть руль, чтобы преспокойно сделать правильную дугу. Если же вы управляете гоночной машиной, то нужен только весьма незначительный поворот руля, -- чтобы длинной большой дугой обогнуть препятствие. Если бы на гоночной машине вы правили рулем так, как вы это только что делали, то через десять секунд наскочили бы на дома.“ Джон Уоркман слу-

шал и старался переварить прослушанное. После минуты размышления он заметил: „В таком случае во время пробной поездки машина должна была бы фактически удариться о стену?“

Инженер пожал плечами. „Как раз в этом отношении наш метод потребует, пожалуй, усовершенствований. Если даже экзаменующийся правит преотвратительно, то на картине кажется, что он все-таки счастливо проскакивает мимо всех препятствий. Только по его кривой езде мы видим, какие глупости им проделаны. Поэтому некоторые кандидаты думают, что с ними поступают несправедливо, и во-всю ругают наше бюро и его испытания“.

Джон Уоркман вспомнил о людях, виденных им в ресторане по приезде в Детройт. Он целиком постиг пользу и необходимость таких испытаний, однако стал призадумываться над тем, как можно было бы изменить дело, чтобы шоферы сами убежились в правильности получаемых результатов.

Г л а в а XXVII.

В течение следующих шести месяцев Джон Уоркман основательно разобрался в организации отделения, находившегося под ведением Тэйлора. Все это время герой наш, которому только что исполнилось 17 лет, работал с большим напряжением сил.

Он нашел приют в скромном пансионе, в пяти минутах ходьбы от завода. Вернувшись поздно со службы и отобедав, он сейчас же садился за изучение книг, взятых из заводской библиотеки. Он изучил до последнего винтика все машины, необходимые для обработки разнообразных частей автомобиля. Его ум обогатился всеми этими познаниями, однако организм стал, казалось, сдавать. Щеки его провалились, и глаза лихорадочно горели.

Репингтон как-то заметил это и покачал головой. Тэйлор также обратил на это внимание и чуть-чуть улыбнулся. „Парня нужно вытащить на несколько недель из этой толчеи! Пусть подышет свежим воз-

духом и займётся другим! Возьмите его с собою, Репингтон! Воздух на озере будет ему полезен.“

Через три дня Джон Уоркман был уже на берегу Гуронского озера в маленьком городке Бэйсити и часами разгуливал с Репингтоном по его окрестностям.

Синее озеро и здесь имело чудесный вид. Длинные раскатистые волны его набегали, как океанские валы, на песчаный берег, и водная поверхность простиралась до самого горизонта. Но окрестности городка были менее интересны. Двадцать лет тому назад здесь повсюду стоял лес. Густой, могучий лес, видевший индейцев, борьбу гуронов и делаваров. Но настал день, и пришли дровосеки. С топорами и пилами они пошли в атаку и стали валить одного исполина за другим. Так погиб лес. Осталось только бесконечное количество пней. В первые годы после рубки пни попробовали пустить свежую поросль, но ничего путного из этого не вышло. В отдельных местах образовался низкий кустарник, но большая часть пней была мертва. Земля же между ними была заболочена на большие пространства и заросла мягким мхом и осокой.

Репингтон направился сюда с берега озера вместе с Уоркманом. Они нашли наконец место, подходящее, по мнению старшего инженера, для постройки новых аэроплановых заводов.

На плечах у инженера было ружье, заряженное крупной дробью. Они свернули в сторону, и Репингтон взял направление прямо на город.

„Здесь мы проложим со временем приличную дорогу. Но теперь нам придется идти напрямик, чтобы позондировать местность. Оставайтесь вблизи меня и будьте осторожны!“

Джон Уоркман с удивлением посмотрел на своего начальника. Репингтон улыбнулся: „Вы здесь не на Бродвее в Нью-Йорке, а как-никак в болотах Запада!“

Было прекрасное сентябрьское утро, и в золотых солнечных лучах даже эта местность имела свою прелесть. Зеленовато-золотисто блестел сочный мох, испещрённый тонкими красными стебельками. То

здесь, то там попадались папоротники, а в некоторых местах росла даже наперстянка.

Бодро шагали оба путника по зыбкой и временами упруго качающейся почве. Дикий кролик выпрыгнул перед ними и спасся быстрым бегством. Большие синие стрекозы парили в теплом воздухе, и золотисто-зеленые ящерицы шелестели в осоке. Вдруг Уоркман заметил иглистый ком, лежащий перед его ногами. Это был еж, свернувшийся для защиты. Репингтон тотчас же снял ружье с плеча. „Еж свернулся не зря,“ ответил он на вопрошающий взгляд своего спутника. И, вновь зажигая потухшую трубку, он внимательно поглядывал перед собою. Тут не было и следов тропинки. Они шагали прямо в направлении колокольни городка и пересекали равнину, по которой, вероятно, десятки лет никто не ходил.

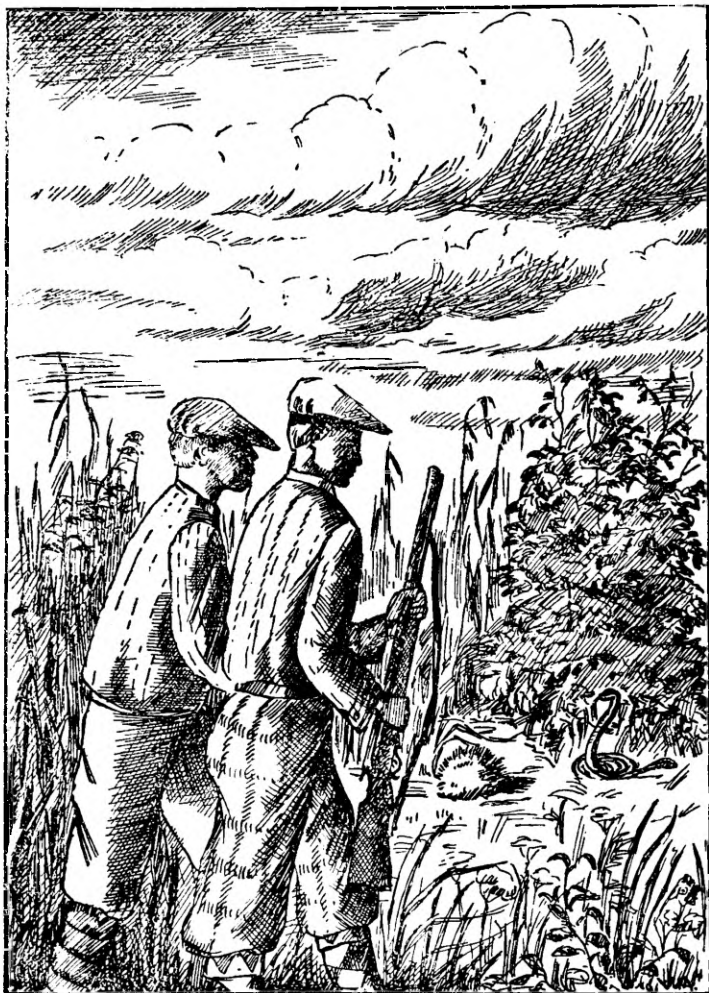
Как ни старался Репингтон итти по гладким мшистым площадкам, нельзя было избежать мест, где росла высокая трава. Уже несколько раз Джону Уоркману казалось, что он слышит шелест и шорох в траве. Но он полагал, что это ящерицы, которых тут было немало.

Но теперь, — они шли как раз сквозь более высокую осоку, — что-то шуршало прямо перед ними, и к этому шуршанью примешивалась своеобразная деревянная стукотня, подобной которой Джон Уоркман никогда еще не слыхивал. В тот же момент он почувствовал, как Репингтон схватил его за руку. Не дальше двух метров перед его ногами что-то застучало сухо и грозно а потом зашипело, и он увидел, как змеиная голова поднялась почти на высоту метра из осоки Тут грянул выстрел.

Репингтон выпустил полный заряд крупной дроби в тело гремучей змеи в тот момент, когда та поднялась для нападения. Не говоря ни слова, он выбросил пустой патрон из ружья и вставил новый.

„Где одна из них, там могут быть и другие,“ сказал он сухо. Только теперь он занялся убитой змеей, лежавшей неподвижно в траве. Прикладом ружья он развернул тело змеи и определил ее длину

в 2 метра. В это время тело змеи судорожно вздрогнуло, несмотря на то, что дробь совершенно изре-

шетила и раздробила его немного ниже головы. Джон Уоркман хотел было нагнуться, но Репингтон удержал его.

„Местные люди говорят, что змея не умирает раньше захода солнца, а укус гремучей змеи нам не нужен!“

Джон Уоркман все еще с удивлением глядел на убитое пресмыкающееся. До сих пор ему приходилось видеть ядовитых змей только в музеях Нью-Йорка. Что эти животные ползают на свободе и при случае могут быть весьма неприятными для людей, он понял только теперь.

„Можно ли умереть от укуса такой змеи, мистер Репингтон?“

„Без всякого сомнения! Если после укуса гремучей змеи сейчас же не принимаются меры, то он всегда смертелен. И всё-таки гремучая змея в общем сравнительно безвредна. Обыкновенно она извещает о своем присутствии стукотней; к тому же её яд, как я говорил, не безусловно смертелен. В южных штатах водится небольшая змея, укус которой еще гораздо опаснее. Итак, болото усеяно гремучими змеями: я нарочно прошел здесь, чтобы убедиться в этом. Мы должны проложить широкую, прочную дорогу для наших рабочих, иначе опять окажется, что они кратчайшим путем побегут на завод и при этом будут подвергаться укусам змей.“

Репингтон остановился, дал знак Джону Уоркману, чтобы тот следовал за ним, и сделал под прямым углом десять шагов в сторону. Только теперь Джон Уоркман заметил совершенно близко от себя змею размером немного поменьше, которая при их приближении старалась отползти в сторону. Ударив прикладом ружья, Репингтон разможил ей голову и хребет. Тогда он указал на клубкообразное утолщение тела змеи, приблизительно в его середине.

„Она недавно проглотила кролика и была занята пищеварением. Поэтому и оказалась почти беззащитной.“

Оба собеседника продолжали свой путь и вскоре дошли до широкой дороги, которая привела их в город.

Там нашли они убежище в дешевой гостиннице,

где прожили 14 дней и успели за это время исследовать всю местность самым основательным образом.

Обыкновенно в Соединенных Штатах никто не спрашивает о сословии и должности постояльцев гостинницы. Репингтон, однако, счел нужным представиться хозяину гостинницы в качестве профессора ботаники, а Джона Уоркмана он выдал за своего помощника. Таким образом в течение двух недель они преспокойно совершали свои экскурсии, не обращая на себя никакого внимания жителей городка.

Теперь Репингтон сидел в комнате гостинницы перед своим столом. Карта Бэйсити, в масштабе 1 : 10 000, покрывала большую часть довольно длинного стола. На этой карте на берегу озера был заштрихован красными линиями участок земли величиною приблизительно в два квадратных километра. Репингтон намечал на плане соединительную дорогу, только что ими исследованную в болоте. Уоркман стоял у стола и следил за этой работой.

„Я хотел бы спросить вас об одном, мистер Репингтон“

„Спрашивайте“, сказал тот и тщательно заштриховал полоску между начерченными линиями дороги.

„Не совершаем ли мы здесь, в Бэйсити, чего-нибудь неладного, караемого законом?“

Репингтон вскинул глазами.

„Что значит этот странный вопрос?“

„Well, я удивляюсь тому, что перед нашим приездом сюда вы строжайше запретили мне говорить о том, что мы служащие заводов Форда. Вы выдаете себя за профессора ботаники, и мы производим наши изыскания очень таинственно.“

Репингтон прислонился поудобнее к спинке своего кресла и громко расхохотался.

„Вы, однако, весьма юны и неопытны! Вы же знаете, для какой цели мы прибыли сюда.“

„Конечно, знаю, сэр! Дело идет о подготовительных работах к постройке большого аэропланного завода.“

„Правильно! Так оно и есть! А теперь представьте себе, что мы приехали бы сюда и стали бы

разглагольствовать о планах мистера Форда. Что было бы результатом этого, как вы полагаете? "

Джон Уоркман задумался.

„Я полагаю, что многие обрадовались бы тому, что заводы дадут населению новые возможности заработка, а городу — новые доходы.“

„Без сомнения. Но вы забываете спекулянтов, прежде всего акул, глотающих земельные участки. Они сейчас же обеспечили бы себя правом на покупку всех участков, подходящих для постройки заводов. И если бы тогда наши проекты были разработаны, и мы попробовали бы купить необходимую землю, то они придавили бы нас по всем правилам искусства этаких акул! Надеюсь, теперь вы понимаете, почему я прогуливался с ботанической сумкой и с сеткой для бабочек.“

Подумав немного, Джон Уоркман сказал: „Однако когда-нибудь, мистер Репингтон, вы должны же купить землю, и секрет всё равно откроется!“

„Я мог бы приобрести землю через своих посредников. Но дела тут обстоят иначе. Я убедился, что выбранный мною участок принадлежит городу, и если бы я имел дело с одним бургомистром, всё было бы налажено в полчаса. Но так как для продажи участка нужно согласие членов городской управы, то требуется тщательное обмозгование дела. А пока оставим эти места и совершим прогулку на водопады! Сегодня четверг, и мы скорее окончили свои дела, чем я предполагал. Мы останемся до воскресенья у водопадов, а потом вернемся обратно в Детройт.“

„Алло, профессор,“ обратился хозяин гостиницы к Репингтону, когда тот вошел в общую приемную. „Каков был улов?“

„Ничего себе, сэр! Печоночный мох в болоте, в сторону озера, стоит внимания и исследования! Тем не менее я сегодня вечером хочу отправиться на водопады. Закажите два билета для меня и моего помощника и напишите счет.“

Глава XXVIII.

Они стояли на Мосту Ветров. Узкий мостик, не шире полутора метров. Сейчас же справа поднималась скала, свисавшая над их головами. Железные балки были заделаны в скалу и поддерживали мост. Слева были простые деревянные перила. На четыре метра ниже моста — зеленоватая вода реки бурлила в странном беспокойстве. Воздух был наполнен тонким туманом и брызгами. На всё это падал мутный, неопределённый свет, ибо — не дальше десяти метров налево от мостика поднималась могучая водяная стена, которая издавала громовой грохот, так что понимание собеседника было возможно только в том случае, когда слова кричались над самым ухом.

Это был Ниагарский водопад в его „американской“ части. — При ширине в триста метров, вода его низвергалась с высоты пятидесяти.

Они стояли на Мосту Ветров, выстроенном в узком пространстве между скалистой стеной и самим водопадом, так что с этого места можно было видеть падающую водную массу с внутренней стороны. Когда полуденное солнце вышло из-за темной тучи и ярко осветило окрестность, казалось, что эта водяная стена состоит из жидкого изумруда. Тонкая водяная пыль, наполняющая воздушное пространство, засверкала чудесной игрой цветов.

Репингтон и Уоркман стояли больше получаса непосредственно под водопадом и любовались этой чудеснейшей из картин природы. Затем они вернулись на берег и отдали непромокаемые резиновые плащи сторожу при входе. Здесь было немного тише, но все еще достаточно шумно. Только после того, как сторож закрыл дверь своего домика, стало возможно говорить без крику.

Репингтон дал сторожу несколько долларов на чай. Это сделало старика более разговорчивым, и, аккуратно повесив плащи в большой шкаф, он начал рассказывать.

Он говорил о Шарле Блондэне, который лет 60 тому назад перешел по натянутому канату через во-

допад, и при этом в тачке перекатил впереди себя еще одного человека. Потом старик стал рассказывать о других смельчаках, которые время от времени пробовали в бочке или бую переправиться через водопады, но все без исключения гибли в волнах

„А вот новость, господа! Завтра сумасшедший Сулливан из Освего хочет повторить попытку! Он уже здесь, в Niagara Falls City, — и он, и его бочка!“

Джон Уоркман уже знал эту историю: недели две все газеты страны только и писали об этом. Сулливан был раньше артистом, а теперь, Бог весть по каким причинам, схватился за сумасбродную идею броситься вниз с водопада в специально устроенной бочке.

Газеты печатали портреты этого человека во всевозможных видах и положениях: в обыкновенном штатском костюме, в трико, в котором он собирался совершить свою „поездку“, в различных номерах из варьетэ, и наконец в пресловутой бочке. Это была узкая буюобразная бочка свыше 6 футов длиною. Сделана она была из крепких дубовых планок и снабжена внутри упругой обшивкой.

„Сумасшедшая поездка назначена на завтра. Я охотно посмотрел бы на нее,“ сказал Джон Уоркман, когда они подходили к своей гостиннице.

Репингтон пожал плечами. „Вы увидите, как бочка в мгновение ока скатится вниз по водопаду, и несчастный дурень, полу-задохшийся от недостатка воздуха и награжденный несколькими синяками, возможно останется в живых! Около 500 метров ниже водопадов бочка, по всей вероятности, всплывет, и тогда все будет зависеть от того, удастся ли друзьям этого человека выловить бочку в ближайшие 15 минут. Если это не удастся, то бочку унесёт в стремнины, лежащие в 5 километрах ниже водопадов. Там она может неделями, даже месяцами крутиться на месте, и нет никакой возможности ее спасти. Но мы останемся здесь еще 48 часов, — и, значит, имеем достаточно времени посмотреть на эту авантюру.“

В этот день они совершили еще одну большую прогулку. Хотя Репингтон, как и прежде, имел вид

ботаника, но на этот раз он, казалось, больше интересовался географией. По одной из электрических дорог, выходящих из Niagara Falls City, они поехали до озера Онтарио, а потом по его американскому берегу до половины пути на Олькот. Тут они пошли вдоль берега, причем Репингтон не раз вытаскивал из кармана свои географические карты. Солнце стояло уже низко, когда они повернули обратно. В этот день Репингтон говорил мало. Он сказал только одну фразу, которая заставила призадуматься Джона Уоркмана: „Если отцы города Бэйсити будут чинить нам препятствия, то дело пойдет и здесь, у озера Онтарио!“.

Джон Уоркман понял, что, будучи умным человеком, Репингтон действует одновременно в разных направлениях.

На следующее утро солнце ослепительно сверкало над водопадами, освещая белую пену, висевшую в воздухе, как чудесное, колыхающееся творение великанов. Солнечные лучи сияли над зелеными лесами по обеим сторонам реки и нежно золотили белые постройки силовых станций, где небольшая доля могучей силы природы превращалась в полезную электрическую энергию.

Джон Уоркман и Репингтон шли по слегка качающемуся канатному мосту, ведущему от „американского“ берега к небольшому, лежащему среди водопада, Козьему острову. Прекрасный вид открывался им отсюда по всем направлениям. На стороне Штатов — американский водопад. На канадской стороне — Подковный, получивший название от формы своего края, через который падает вода. Общая ширина этого водопада, благодаря впадине, достигает почти 600 метров.

С громом и грохотом низвергаются водные массы по обеим сторонам Козьего острова. В каждую секунду падает около полумиллиона кубических метров воды.

Выше по течению, в сторону озера Эри, видно было, как поток воды приближался по порогам. Река представляла здесь одну кипящую водную массу,

стремившуюся к обрыву. Всякая лодка, всякое живое существо, попав в эти воды, неминуемо погибали.

Взгляните вниз по реке, в сторону озера Онтарио! Здесь только изредка открывается вид через тонкий белый пар, высоко поднимающийся над Козьим островом. И тогда видно, как река после головокружительных водоворотов спокойно и величаво катит свои воды. Кажется, что страшное падение отняло у неё всю силу. Но это спокойствие только кажущееся. Там, где река почти под прямым углом поворачивает на восток, начинаются новые, не менее опасные стремнины.

Было около девяти часов утра, и остров постепенно наполнялся людьми. На берегах также показались темные массы народа. Предприятие сумасшедшего Сулливана не даром неделями расписывалось в прессе. Не тысячами, а сотнями тысяч приехали с одной стороны граждане Соединенных Штатов, а с другой — „подданные Его Величества“, как первые не без иронии называли канадцев.

Тесно прижатые толпой, стояли Уоркман и Репингтон на стороне острова, обращенной к Подковному водопаду, и ждали обещанного зрелища. Все старые инстинкты и воспоминания о спешке и сутолоке на Бродвэе опять ожили в Джоне Уоркмани.

„Посмотрите на эту громадную толпу, мистер Репингтон! Сотни тысяч пришли сюда издалека, чтобы увидеть этого героя. Великое дело — смелость человека!“

Но из соседних масс разговоры о другом дошли до ушей Уоркмана.

„Десять долларов против одного, что он живым не выйдет из бочки!“

„Десять долларов против одного, — согласен!“

Проснулась англосаксонская страсть к пари. Спорили так же страстно за и против жизни человека, как спорят о победе какой-нибудь лошади. Предлагались и принимались пари на всякие суммы, но шансы стояли неважно для Сулливана. За его спасение предлагали не больше, чем 1:10. Профессиональных букмэкеров нашлось мало, так как не было

шансов противоположными сделками обеспечить себя от убытков, „округлить свой счет“, как гласит технический термин. Но все-таки накопилось много миллионов долларов, которые были пущены в оборот в виде сделок на это рискованное предприятие, когда с ударом колокола, ровно в десять часов, по всей массе народа прошел трепет общего возбуждения. В это время в 4 километрах выше по течению бочку с человеком спустили в реку.

Репингтон вытащил из кармана специальные, точные часы, и Джон Уоркман стал следить за их стрелками. Как раз в этот момент в Niagara Falls City был поднят громадный американский флаг, и громкие возгласы раздались среди масс народа. Флаг был условленным знаком, что бочка уже в воде. С этого момента стало казаться, что минуты ползут. Все взоры устремились вверх по течению. Репингтон держал свои часы в руке: 10 минут одиннадцатого 11
12 минут

Волна криков и возгласов прошла по толпе. Маленькое красно-синее пятнышко показалось в воде — выше по течению. Еще минута и еще одна Тогда всё стало ясно видно. Блестящая светлокориичневая часть бочки торчала на полметра из волн; на ней шест, а на шесте усеянное звездами знамя. Сильный встречный ветер трепал флаг, между тем как буй со скоростью поезда неся к водопадам. Он мчался прямо на Козий остров и только, не доходя 100 метров, замедлил свой ход. Здесь бочка как бы приостановилась: она попала в водоворот, образовавшийся выше острова; там, где срединные воды реки словно в недоумении решают вопрос, спуститься ли им по американской или по канадской стороне, там и бочка немного остановилась и сделала небольшой круг. Выбрала она Подковный водопад и устремилась к нему по большой дуге, всё время увеличивая скорость. Меньше чем на сотую долю секунды бочка задержалась на стеклянно-зеленом краю водопада и вдруг, как привидение, полетела вниз, чтобы исчезнуть в кипящей пучине.

В этот момент 200.000 глаз смотрели вниз по

течению. Напряжение, охватившее толпу, не разрядилось еще после падения. Все с нетерпением глядели на бушующую поверхность воды, надеясь увидеть всплывающее из волн красное-синее знамя, но облако пены застило вид. Люди, стоявшие ниже по течению, оказались теперь в наивыгоднейшем положении. Вскоре оттуда донесся тысячеголосый крик: это увидели флаг! Бочка вынырнула у нижней части водоворота. Шест на ней был сломан, и флаг волочился по воде, но ясно было видно лазоревое поле с белыми звездами, и красные полосы на белом фоне. Бочку уносило вниз по течению к Водовороту Ада.

Джон Уоркман стоял рядом со своим спутником, крепко стиснутый в гуще народа. Они не могли видеть того, что происходило там, вниз по течению. Только крики, становившиеся все возбужденнее и возбужденнее, долетали до них. Можно было догадаться, что моторная лодка бросилась в середину реки, чтобы задержать бочку, прежде чем её поглотит роковой водоворот. Истерический вопль толпы дал понять, что лодка поймала бочку и опять устремилась к берегу.

Наконец, ещё один последний, пронзительный крик: бочку вскрыли! Человек был без памяти, но жив. В первый раз за все время знакомства людей с этими могучими водопадами живое существо не вредимо спустилось по ним.

В то время как лодку со спасшимся смельчаком прикрепляли к берегу, напряжение толпы постепенно разряжалось. Возгласы в честь Сулливана, победителя Ниагары, славнейшего гражданина славного Union'a, достигли в этот момент такой силы, что на короткое время заглушили даже грохот водопадов.

Однако, вряд ли толпа вела бы себя иначе, если бы вместо живого человека в бочке оказался бездыханный труп. Разница была бы только в распределении спорных ставок. Суммы денег, переходившие из рук в руки, достигали миллионов, и карманные вору, вечно шмыгающие там, где скоп-

ляется большая толпа народа, делали прекрасные дела.

Прошло несколько часов, пока толпа настолько поредела, что Джон Уоркман и Репингтон смогли вернуться в свою гостинницу: народ пропускали с острова на берег небольшими группами, ибо перегрузка длинного висячего моста могла иметь самые ужасные последствия. Только во втором часу пополудни они вошли в общую приемную, где секретарь гостинницы передал Джону Уоркману телеграмму.

Она была отправлена „Нью-Йорк Геральдом“, с оплаченным ответом на тысячу слов, и предлагала Джону Уоркману сделать телеграфное сообщение о предприятии Сулливана.

Через час Джон Уоркман был на телеграфе и подал в окошко первые листы своего сообщения. А в три часа пополудни газетчики на Бродвэе уже кричали о сообщении специального корреспондента с Ниагарского водопада.

Г л а в а XXIX.

Репингтон сидел в своем кабинете и предавался размышлениям. Несколько недель тому назад мистер Тэйлор сделал ему ряд странных намеков. Будто бы молодой человек, которого он усиленно рекомендовал Репингтону в качестве помощника, имеет таинственное прошлое. Он якобы хорошо знаком с семьями американских миллиардеров, да и сам вероятно происходит из весьма богатой семьи; к тому же состоит в хороших отношениях с нью-йоркским газетным королем.

Репингтон выслушал все это молча и ничего не возразил. Он сам был selfmademan и не высоко ценил связи и рекомендации. Поэтому он принял Джона Уоркмана к себе на службу даже с некоторым недоверием. Но открытое и естественное поведение юноши быстро его разоружило. Он увидел в нем человека, неутомимо стремящегося к самообразованию и при этом обладающего чувством справедливости американца-коммерсанта.

Тут-то и случилась история с „Нью Йорк Геральдом“... Откуда было известно „Геральду“, что Джон Уоркман находится здесь, у Ниагарских водопадов? Каким образом газета с таким влиянием могла дать поручение этому молодому человеку? Все это очень хотелось знать мистеру Репингтону. Поэтому он и решил испытать Джона Уоркмана, и притом уже в ближайšie часы.

Сейчас же после второго завтрака он пригласил его пойти с ним в Niagara Falls City, чтобы и там отмотреть всё достойное внимания.

Дорога туда шла красивыми извилинами вдоль реки; все время, сквозь группы деревьев, открывались прекрасные виды на водопад. Вдруг перед ними показался длинный цепной мост, протянутый на расстоянии 1200 метров через реку между водопадами и Водоворотом Ада.

„Дельный человек, этот Реблинг!“ начал разговор Репингтон. „Инженер немецкого происхождения, но мы ему весьма многим обязаны!“

Джон Уоркман уже слышал это имя.

„Yes, мистер Репингтон! Ведь этот человек выстроил большой цепной мост через Ист-Ривер между Нью-Йорком и Бруклином?“

„Совершенно верно, мистер Уоркман. Но он, кроме того, создал по крайней мере дюжину еще более смелых сооружений в Штатах. Мост, который мы видим перед собою, тоже его творение. Я сам охотно участвовал бы в постройке моста через водопад! При помощи летучего змея здесь перебросили бечеву через реку. К бечеве прикрепили веревку, а к ней проволоку. По первой проволоке перетянули сотню других, и тогда началась самая опасная работа: на головокружительной высоте связали сотню проволок в один общий канат. Было, конечно, большой смелостью перейти по канату водопад, как это сделал Блондэн. Но нечто куда более полезное совершили те рабочие, которые, передвигаясь взад и вперед в висячих ящиках, соединили все проволоки в один прочный канат!“

После некоторого молчания Джон Уоркман сказал :

„Мой отец также был немец“

„Ваш отец из Германии? Он также был инженером? Мы получали оттуда хороших инженеров!“

„Нет, сэр, мой отец был художником . писал картины... Он приехал из Германии, чтобы здесь попробовать свое счастье. Но он рано умер Я остался один со своей матерью, вышедшей за него замуж в Нью-Йорке“

Репингтон втянул в себя воздух, как зверь, почуявший врага. „Но ваша мать, ведь, американка?“

„Да, сэр, мать моя из Нью-Йорка.“

Репингтон размышлял, как бы удачнее, без излишней навязчивости, узнать все подробности происхождения Джона Уоркмана. Но тот сам все упростил, обрадовавшись, что может поговорить о своей матери.

„Моя мать из хорошей семьи. Она — урожденная Макгольм. Я слышал, что она вышла замуж за моего отца против воли своих родных “

Репингтон вырос в Нью-Йорке и хорошо знал его общество. Имя Макгольм ему было знакомо. Совсем еще недавно он читал газетную статью, в которой упоминалось это имя. Но он не мог припомнить, при каких обстоятельствах оно было названо. Однако, Макгольм — не редкая фамилия. 19 лет тому назад произошел скандал в семье уважаемого нью-йоркского банкира Макгольма из-за единственной дочери, вышедшей замуж против воли родителей за бедного немецкого художника. Несколько месяцев спустя в Соединенных Штатах был тяжелый хозяйственный кризис, повлекший за собою крах многих старых и почтенных торговых домов Банкирская контора Макгольм и Ко. также принуждена была ликвидировать свои дела, чтобы избежать банкротства. Один из владельцев конторы, старый Макгольм, вскоре после этого скончался от удара.

Эти воспоминания занимали Репингтона, когда он глядел на шагающего рядом с ним белокурого юношу,

но они еще не давали объяснения таинственной связи Джона Уоркмана с руководящими лицами финансовой аристократии. Что-то оставалось неясным, и напрасно инженер ломал себе голову, где и в связи с чем он недавно прочел имя Макгольма.

Дорога через лес кончилась. Путники покрыли всю разницу высот между верхним и нижним уровнями водопада, и теперь дорога шла непосредственно вдоль берега Ниагары, но недолго: через несколько сотен метров она отошла от реки, дав место громадному бетонному сооружению.

„Niagara Falls Power Co, Electrochemical Works“ стояло крупными золотыми буквами над крышей здания, длина которого была свыше 300 метров.

Репингтона знали здесь, и поэтому не чинили препятствий к посещению силовой станции. Джону Уоркману уже приходилось знакомиться с различными машинами: он видел гигантские прессы больших газет, холодильные машины в Чикаго и жатвенные на фермах. Но тут он столкнулся с совершенно новым для него миром. Рядом с этими машинами люди казались карликами. В большой машинной зале их было человек 12. Здесь слышался глухой рокот, и чувствовалось, как слегка дрожал пол, покрытый блестящими плитками. Помимо этого, царствовала полная тишина, и не было заметно почти никакого движения. Только на двух из двенадцати колоссальных агрегатов машин крутились центробежные регуляторы, ярко блестящие в лучах солнца. У других машин и этого не было. Они стояли как будто в бездействии. Только пол около них дрожал немного сильнее, и, подступив вплотную к ним, можно было заметить, как с невообразимой быстротой двигались электромагнитные якорные диски гигантских динамо.

Репингтон заметил немое удивление своего спутника и счел своевременным дать некоторые разъяснения.

„Вы видите сейчас меньшую часть машин, мистер Уоркман, — только электрические! Турбины, глотающие воду стремнин и передающие энер-

гию динамомашинам, находятся под полом, — 12 турбин по 11.000 киловатт каждая. Это соответствует 15.000 лошадиных сил. 32 кубических метра воды протекает в секунду через каждую турбину. Около 380 куб. метров воды проходит в секунду через машины станции. Но в то время, как там, с водопадов, вода низвергается с громом и грохотом, здесь она отдает всю свою энергию лопастям турбинных колес и без всякого шума оставляет через нижний канал силовую станцию.

Джон Уоркман слушал молча, стараясь представить себе действовавшие здесь исполинские силы. Он вытащил свою записную книжку, записал названные Репингтоном цифры и сделал контрольный расчет.

„Ваши цифры правильны, мистер Репингтон, если коэффициент полезного действия турбин составляет 0,7. Станция отнимает у реки 180.000 лошадиных сил. Неужели это не отражается на водопадах?“

„Well, my boy, на этот счет ученые различных мнений. Они даже не знают в точности, сколько лошадиных сил дают водопады. По одному расчету — 6 миллионов, по другому — 30. Так называемые старожилы говорят, что, когда они были молоды, водопады были больше и грохотали сильнее! Но я лично мало верю таким расчетам и воспоминаниям!..“

Джон Уоркман был слишком молод, чтобы понять соображения Репингтона о воспоминаниях старых людей. Его больше интересовали числа. Он хотел знать, как высоко расценивается сила водопадов, и каким образом производят такие вычисления.

„Вы, ведь, знаете, мистер Уоркман, что одна лошадиная сила равняется работе 75 килограммометров в секунду. Высота падения водопадов составляет 50 метров. Вес одного кубического метра воды равен 1000 килограммов и может, значит, произвести работу в 50.000 килограммометров. Каждый кубический метр падающей воды дает таким образом теоретически 666 лошадиных сил. Весь вопрос

в том, чтобы узнать, сколько кубических метров воды падает в секунду с водопадов “

Джон Уоркман взялся опять за карандаш и записную книжку:

„Ширина водопадов в целом равна 1000 метров. Нужно было бы знать, с какой скоростью вода переходит край водопада, и какова толщина ее падающего слоя. Предположим для предварительного расчета, что толщина слоя воды при переходе через край составляет 3 метра, и что она мчится со скоростью 20 метров в секунду. Тогда получим округленно 60.000 кубических метров или 6 миллионов килограммов в секунду. Умножив это число на высоту падения, получим 3.000 миллионов килограммометров, или, разделив на 75,—40 миллионов лошадиных сил “

Джон вопрошающе посмотрел на Репингтона, и тот, улыбаясь, сказал: „Для новичка недурно подсчитано! Ваш вывод только на 25% больше максимальных данных специалистов. Если бы вы уменьшили ширину водопадов, взяли бы, например, вместо дуги Подковного водопада, диагональ, то получили бы около 20 миллионов лошадиных сил и остались бы при этом в границах официальных расчетов. Конечно, определение количества водных масс всегда будет приблизительно. Чтобы найти числа более точные, необходимо произвести измерения выше по течению, где река широка и течёт гораздо медленнее. Подобные вычисления сделаны у нас в такой мере, что 25.000 кубических метров в секунду можно считать вполне правдоподобной цифрой “

Джон Уоркман опять заработал карандашом: „25 раз 50 разделить на 75 Это дало бы 17 миллионов лошадиных сил!“

„Совершенно правильно, my boy! Ваш подсчет вполне приемлем. Если коэффициент полезного действия наших турбин равен 0,7—0,8, то мы могли бы извлечь из водопадов около 13 миллионов лошадиных сил. Однако, в данное время мы пользуемся только восемьюстами тысяч. Остаётся еще очень много неиспользованной энергии, и мне, право, было

бы наплевать на все красоты природы и на крики владельцев гостинниц у Ниагары, если бы я мог предоставить в распоряжение народа 13 миллионов лошадиных сил! Машины и техника — это освобождение человека от грубой физической работы, это — новые возможности для жизни будущих поколений!“

Репингтон и его молодой спутник шли дальше, мимо машин и больших распределительных досок, покрывавших стену большой залы. Они вошли в отделение, представлявшее собою электрохимический завод. Тут уже не было чистоты и блеска машинной залы. Помещения были темны; стены — покрыты сажей, как и рабочие, обслуживающие здесь электрические печи. Они остановились перед карбидной печью, поднимавшейся перед ними в виде гигантского цилиндра, и Джон Уоркман увидел, как сверху при помощи мощного крана в неё опускали угольный электрод. Этот электрод представлял собою графитную глыбу, толщиной в человеческое тело и снабженную на верхнем конце медным кольцом колоссальных размеров. Кольцо это кончалось на одной стороне колодообразной лопастью, к которой были привинчены электрические провода.

Включили ток. Послышался глухой вой, и легкий дым стал выступать то здесь, то там из печных швов. Джон Уоркман из любопытства подошел было ближе, но Репингтон оттащил его обратно.

„Оставайтесь здесь, мистер Уоркман! Я полагаю, что место, где в пределах кубического метра свободно разгуливают 5.000 лошадиных сил электрической энергии, не совсем безопасно!“

Затем они перешли в другое отделение, где в это время устанавливали новую графитную печь. Рабочие выстроили здесь из огнеупорных камней корытообразное ложе, на узких сторонах которого возвышались графитные электроды такой же мощности, как и у карбидной печи. В данный момент происходило заполнение корыта мелко размолотым углем. Черная пыль наполняла воздух. Репингтон пояснил, что здесь под действием 3.000 лошадиных сил каменноугольная пыль нагревается между элек-

тродами до тройной температуры белого каления. В результате простой каменный уголь превращается в другую разновидность углерода — графит.

„А как обстоит дело с третьей разновидностью, с алмазом?“ спросил Джон Уоркман. „Нельзя ли в электрической печи обратить простой уголь в алмаз?“

Репингтон пожал плечами. „Вы слишком много хотите, мой друг! Еслиб была такая возможность, то я бросил бы на некоторое время службу и стал бы изготавливать алмазы. При существующих ценах на кристаллизованный углерод, стоит заняться этим производством!“

„Но дело должно пойти на лад! Мне кажется, что, если нагреть углерод электрическим током и одновременно подвергнуть его огромному давлению, то он сначала перейдет в жидкое состояние, а потом кристаллизуется“

Репингтон тихонько свистнул.

„Идея эта не нова, но практическое ее выполнение стоит денег! К тому же успех весьма сомнителен, — вот почему дело и ограничилось пока теоретическими размышлениями.“

Помолчав немного, Джон Уоркман сказал: „Когда буду богатым, сделаю опыт.“

„Прежде всего, для этого нужно заработать много долларов, ту boy! Уже одни предварительные опыты обойдутся в полмиллиона долларов — и могут дать весьма сомнительные результаты, так как мы ничего не знаем о происхождении алмазов. Относительно всех других минералов известно, по крайней мере, возникли ли они под влиянием огня, или при содействии воды. Для алмазов даже этот основной вопрос не выяснен. Правда, в некоторых алмазах находили микроскопические количества жидкого углерода, и поэтому полагают, что кристаллизация алмазов происходит под большим давлением. Но это и все. Большого мы не знаем! Однако, оставим алмазы и посмотрим лучше на работу кальцекарбидной печи.“

Они во-время вернулись к первой печи и уви-

дели, как из её отверстия вытекало раскалённое, сине-белое содержимое печи и блестящей змеей раз-

ливалось по полу, заполняя при этом плоские песочные формы. Охлаждение происходило медленно, и прошло много времени, пока рабочие смогли под-

нять литые пластины и перебросить их щипцами в общую кучу.

„Тоже — случайное открытие!“ пояснил Репингтон. „В 1890 году плавил в электрической печи известь и уголь. Возможно, что занятый этим делом электрохимик тоже собирался изготавливать алмазы! Но получил он только темную, шлакообразную массу, которую вы видите перед собою. Рабочие, занимавшиеся уборкой, бросили в ручей полную тачку углеродистого кальция и были страшно потрясены, когда ручей начал кипеть, и высокое пламя, сильно коптя, поднялось из воды. Испуганные, они убежали, оставив тачку, и сообщили о случившемся начальству. Дело было исследовано, и с тех пор мы имеем цветущую карбидную промышленность!“

Пройдя целый ряд помещений с различными печами, Репингтон и Уоркман вышли, наконец, на свежий воздух. Они направились к небольшому холму, с вершины которого можно было хорошо разглядеть низовое течение водопадов.

По обеим сторонам реки находились силовые станции. Здесь — американская, а по ту сторону — канадская. Всё — гигантские здания из бетона в монументальном стиле, характерном для современных индустриальных построек.

„Пока использованы 800.000 лошадиных сил, ту боу. На дальнейшие 600.000 дана концессия. Вы, кажется, любите расчеты с миллионными числами? Даете ли вы себе отчет, во что эти неиспользованные водопады обходятся ежегодно американскому народу?“

„Я вас не понимаю. Они, ведь, и так существуют!“

„Мой друг, вы должны еще поучиться у юристов, которые делают тонкое логическое различие между фактически получаемым убытком и неиспользованной прибылью. Оба случая обоснованно рассматриваются ими, как ущерб. Возьмите ваш карандаш и подсчитайте! При наличии лучших машин, одна лошадиная сила требует расходования в час полукилограмма каменного угля. Считая для простоты

год равным 8000 часов, получим 4000 килограммов или 4 тонны угля в год. Предполагая, что водопады дают только 10 миллионов лошадиных сил, соответственный ежегодный расход угля составит 40 миллионов тонн! При минимальной цене на уголь в 3 доллара, это — 120 миллионов в год! Недурная годовая рента? Но я надеюсь дожить до того дня, когда Ниагарские водопады отдадут все свои воды турбинам, и таким образом вся их энергия пойдет в прок нашей промышленности!“

Солнце уже сильно клонилось к западу, когда Репингтон после посещения силовых станций вернулся в гостиницу. Там он нашел телеграмму, вызывавшую его немедленно в Детройт.

Глава XXX.

Мистер Форд встал со своего кресла и начал ходить с нахмуренными бровями взад и вперед по зале заседаний.

„Просеяли дело! Вероятно, кто-нибудь из служащих проболтался! Иначе не понять, почему отцы города Бэйсити выступили с такими чрезмерными требованиями .. Вот здесь последнее письмо нашего агента Он пишет, что город согласен уступить выбранный участок по дешевой цене, а согласно сегодняшней телеграмме цена поднялась в двадцать раз, — 4 миллиона долларов за пол квадратной мили болота!“

Мистер Форд подошел к столу, посмотрел еще раз на телеграмму, как будто не верил своим глазам, и продолжал ходить по зале.

Мистер Репингтон прервал, наконец, тягостное молчание.

„Я считался с вероятностью, сэр, что дело не выгорит на одном месте, и поэтому осмотрел также местность около Рочестера. Там, у озера Онтарио, имеются возможности для проектированных заводов...“

„Пока и Рочестерские заправилы не догадаются, с кем имеют дело, и не испортят всего!.. Кто вообще знал о наших планах? .. Вы, мистер Тэйлор,

мистер Репингтон, и кроме того наш агент. Но мистера Смита я знаю уже 15 лет и считаю его абсолютно надежным. Кроме того, он заинтересован в том, чтобы сделка состоялась, так как получает свои проценты. Остаетесь вы оба “

Молчание в зале стало невыносимым. Тэйлор первым прервал его:

„Ещё кто-то знал об этом деле! Мистер Репингтон, с вами на изысканиях был, ведь, молодой Уоркман, которого мне в свое время усиленно рекомендовали...“

Форд стал прислушиваться.

„Что это за молодой человек, попавший к вам со специальными рекомендациями, мистер Тэйлор? Вы, ведь, знаете, какого я мнения о рекомендациях “

„Это совершенно своеобразное дело, мистер Форд! Молодой человек искал места и приложил к своему заявлению рекомендательное письмо от Корнелиуса Вандербильта. Юноша как-то стеснялся говорить, но я вполне убежден, что он учился в колледже вместе с молодым Вандербильтом. Мне казалось, что нельзя было пренебречь такой рекомендацией, и поэтому “

„Странная история с этим молодым человеком!“ прервал его Репингтон. „У него имеются также какие-то связи с „Нью-Йорк Геральдом“. Когда мы недавно были на Ниагарских водопадах, он получил от редакции телеграмму с поручением выслать корреспонденцию о сумасшедшей поездке в бочке; между тем я никому не говорил о том, что собираюсь отправиться на Ниагару. С тех пор я ломаю себе голову, каким образом „Геральд“ узнал о нашем пребывании на водопадах “

В действительности все произошло самым простым и естественным образом. Джон Уоркман написал из Бэйсити своей матери, что через три дня будет на Ниагаре. Редактор Бэрнс случайно встретил на Бродвэе миссис Уоркман и во время разговора сказал „Жаль, что Джонни не здесь: мы послали бы его на водопады.“

Миссис Уоркман на это возразила: „Джонни уже там, — он только что писал мне об этом.“ Редактор прочел письмо, выбрал самую вероятную гостиницу в Niagara Falls City и протелеграфировал туда поручение.

Вот та великая тайна, над которой в этот момент ломали голову три руководителя заводов Форда. Им казалось весьма правдоподобным, что человек, имевший тесные связи с прессой, выболтал секрет предположенной покупки земли. Форд первый принял решение:

„Мне хочется взглянуть на этого странного молодого человека. И если наши подозрения хоть немного обоснованы, то он сегодня же покинет завод, имея он рекомендации хоть от самого президента!“

Джона Уоркмана немедленно вызвали к его главному начальству. Вскоре он вошел в роскошно отделанное помещение и по мягкому ковру направился к группе из трёх собеседников. Форд с интересом посмотрел на вошедшего и почувствовал, что его предубеждение улетучивается с каждой секундой. Открытый, смелый взгляд, которым Джон Уоркман встретил устремленный на него орлиный взор промышленного короля, сразу подкупил мистера Форда. Американцы и теперь еще придерживаются поговорки: Look the man's eye — „смотри человеку в глаза“. Кто, не смущаясь, выносит острый, испытующий взгляд другого, тот на половину уже выдержал испытание.

„Я позвал вас, мистер Уоркман, чтобы поставить вам несколько вопросов. Для чего вы взяли с собою этот толстый портфель?“

„Я также собирался идти к вам, мистер Форд, чтобы сделать предложение, весьма важное для ваших заводов.“

Форд улыбнулся — слегка иронически:

„Почему вы так уверены, что я принял бы вас?“

„Я полагаю, мистер Форд, что вас всегда можно видеть, если речь идет о чём-нибудь важном, касающемся ваших предприятий!“

Ирония Форда перешла в явную насмешку.

„Вопрос только в том, считаю ли я ваше сообщение столь же важным.“

„Смею думать, что в данный момент покупка участков земли для проектируемых заводов для вас весьма важное дело.“

Тэйлор и Репингтон затаили дыхание. Молодой человек попал сразу в больное место. Он сам затронул пресловутую тему, по существу которой его собирались допрашивать, как находящегося под сильным подозрением. Форд еще раз бросил испытующий взгляд на Джона Уоркмана.

„Как раз покупка земельного участка, мистер Уоркман, и есть то дело, о котором я собирался с вами беседовать. Вы знаете, конечно, что наше намерение приобрести новую землю должно было оставаться в абсолютной тайне?“

„Разумеется, мистер Форд! “

„Оказывается, этого не было! О наших намерениях узнали, и владельцы участков сильно подняли цены.“

„В таком случае не покупайте участков этих людей, мистер Форд! За вещь никогда не стоит платить больше, чем она стоит! “

„Деловой человек,“ возразил Форд, „всегда платит за вещь сколько следует. А это нередко куда больше её ценности для других.“

„Я понимаю вас, сэр! Такие случаи часто бывают в Нью-Йорке, когда банк или торговый дом нуждаются в соседних участках. Им приходится платить колоссальные суммы. Но вы можете строить свои заводы, где желаете, и, мне кажется, на берегах наших озер имеется достаточно земли. “

„Если мои служащие разбалтывают о моих планах, то мне везде придется переплачивать.“

„Только не у меня, мистер Форд! Мою землю вы можете получить по цене, которую я взял бы со всякого другого. Я знаю, что вы собираетесь строить завод, но считаю неправильным требовать с вас большую цену.“

Тэйлор бросил взгляд на Репингтона, как будто хотел сказать: „Видишь, я был прав, когда считал

его недюжинным парнем.“ И Репингтон в свою очередь многозначительно переглянулся с коллегой.

„Ваши участки, мистер Уоркман! Любопытно.. Я не знал, что мои служащие владеют участками, годными для постройки нового завода!“

„Пять дней тому назад я также не знал этого, мистер Форд.“

„Значит, сюрприз для обеих сторон! Надеюсь, ваши участки не находятся на луне?“

Джон Уоркман подошел к столу, раскрыл свою папку и развернул большой план, изображавший местность на южном берегу озера Онтарио.

„Мои участки находятся не на луне, а в Соединенных Штатах, около озера Онтарио.“

Мистер Форд поглядел на план. Недалеко от озера толстыми красными линиями был окаймлен участок величиною больше чем в пол квадратной мили. Там же красными буквами было написано: „Наследство Эндрю Макгольма.“

Тэйлор и Репингтон также подошли поближе и стали рассматривать план. Насколько можно было судить по карте, участок представлял собою идеальное место для постройки завода.

Настала длинная пауза, занятая исследованием плана. Наконец, Форд прервал молчание. Он посмотрел теперь на семнадцатилетнего юношу перед собою, как на равноправного, уважаемого партнера в большом деле.

„Well, мистер Уоркман, участок можно считать подходящим. Но прежде всего нужно выяснить две стороны дела, юридическую и финансовую, или проще сказать: принадлежит ли участок бесспорно вам, и по какой цене вы хотите его продать?“

„Участок составляет наследство брата моей матери, адвоката Эндрю Макгольма из Буффало. Мать моя и я — единственные его наследники. Хотя я с десятилетнего возраста сам веду свои дела, но перед судом считаюсь несовершеннолетним, поэтому мать — моя опекунша. Все необходимые документы по этому делу находятся в этой же папке.“

Джон Уоркман сложил план и открыл первую

страницу папки. Тут на пустом листе была наклеена небольшая газетная вырезка: какой-то адвокат искал наследников умершего бездетным Эндрю Макгольма. Страница за страницей развёртывалась история этого дела. Редактор Бэрнс первый взялся за него. Он явился с воззванием адвоката к госпоже Уоркман, девичья фамилия которой была ему известна. От имени матери и сына он сделал заявление; суд полностью признал права на наследство и передал право на землю госпоже Уоркман. Покойник оставил замечательную коллекцию бабочек, богатейшее собрание почтовых марок и участок земли у озера Онтарио. Там он выстроил себе блокгауз и жил в нем последние 15 лет полным отшельником.

Форд отложил папку в сторону.

„Предположим, что юридическая сторона дела в порядке. Перейдем к финансовой! Сколько желали бы вы получить за участок?“

„Я уже говорил вам, мистер Форд, что цена у меня одинаковая для всех покупателей. Я наводил справки: за такую луговую землю у озера платили в последнее время по 100 долларов за морген. По этой цене и я уступаю свой участок.“

Форд еще раз развернул карту и измерил величину участка. „Тут ровно 1000 моргенов. Это составляет 100.000 долларов. All right, мистер Уоркман, я согласен на покупку! Вашу руку!“

„Один момент, мистер Форд! У меня имеется еще одно условие. Лицо Форда нахмурилось. Что за условия? Дело шло вполне гладко, и вдруг какая-то загвоздка! — „Какое же это условие?“

„Очень простое и легко выполнимое. Я хочу работать при постройке новых заводов, хочу следить за этой работой, начиная с составления проектов и кончая полным оборудованием.“

Лицо промышленного короля опять прояснилось: „Желание ваше будет исполнено. Это ваше единственное условие?“

„Единственное.“

Джон Уоркман взял протянутую руку Форда и крепко пожал её. Сделка была заключена.

Глава XXXI.

Неожиданное наследство в корне изменило судьбу Джона Уоркмана. До сих пор ему приходилось вести упорную борьбу за существование. Особенно тяжело приходилось ему в детские и отроческие годы, когда многие мальчики еще не знают, что такое деньги. Позднее борьба стала менее жестокой. Несколько счастливых случаев сделали его обладателем суммы денег, не большой, но вполне осязаемой при его скромном образе жизни. Все свободное время он посвящал неустанной работе по расширению своих познаний. Книги и уроки составляли единственный расход, который он позволял себе. Его сведения в области языков ограничивались пока только английским, но зато он преуспевал в естественных науках, в физике, в химии, а также в математике. Сперва он занимался один по книгам, а потом стал брать частные уроки. Особенно часто в физике он наткнулся на формулы, которые были ему непонятны. Он слышал, что это — алгебра, что буквами можно производить расчеты так же хорошо, как и цифрами, но как это фактически делается, — вот чего не мог он понять! Дело изменилось, когда на семнадцатом году своей жизни он познакомился в Детройте с русским эмигрантом, который согласился давать ему уроки математики. Сначала он далеко не был в восторге. Абсолютная отвлеченность никак не давалась юноше, привыкшему с малолетства к практической стороне жизни! Он решил уже бросить уроки, но русский учитель сумел переубедить его.

„А плюс B равняется C ,“ стонал Джон Уоркман во время урока. „Если б только я знал, что это означает, или хотя бы к чему это нужно, и есть ли польза в этом!“

Учитель его откинулся на спинку кресла и спросил:

„Вы, ведь, собираетесь стать инженером?“

„Собираюсь.“

„Хорошо. Если вы хотите стать каменщиком, то вам нужна лопатка. Если же — слесарем, то молот и напильник. Не так ли?“

„Думаю, что так. Я знаю, что нужны хорошие инструменты для того, чтобы ремесленник мог сделать хорошую работу.“

„Прекрасно! Если вы это сознаете, то поймете и дальнейшее. Инструмент физика и инженера это — математика. Без этого инструмента инженер всегда останется техником, а физик в лучшем случае — экспериментатором, а обыкновенно — профаном.“

Эти доводы убедили Джона Уоркмана. С того момента, когда он понял, что занимается математикой не из-за отвлеченной науки, а для определенных практических целей, уроки алгебры пошли куда успешнее. Он дошел уже до алгебраических и геометрических рядов, и учение о сложных процентах занимало его все больше и больше. Поражаясь выводом, он вычислил, что один цент, пущенный в оборот во время Рождества Христова, превратился бы теперь в сумму, равную по ценности 5 земным шарам из золота!

После таких расчетов мечта его юности — сделаться миллионером — получила совершенно другое освещение. Целыми часами он занимался вычислениями, сколько долларов нужно откладывать в месяц, чтобы по истечении известного числа лет стать миллионером. В свободное от работ время это стало для него игрой ума и отдыхом.

Неожиданное наследство и продажа земли заводам Форда изменили ход его мыслей. 100.000 долларов были переведены в Нью-Йорк на имя госпожи Уоркман. Эта сумма давала в год 4.000 долларов процентов, — доход, который в сравнении с деньгами, бывшими до сих пор в распоряжении Джона Уоркмана и его матери, представлял собою княжеское богатство. Госпожа Уоркман сейчас же передала половину этого дохода в распоряжение своего сына.

Мистер Бэрнс прислал длинное письмо, в котором советовал Джону Уоркману использовать выпавшее ему счастье для будущей своей жизни и поступить в хорошую школу. С большой любовью и пониманием дела Бэрнс расписал ему, какой курс

наук он должен пройти, чтобы в пять-шесть лет окончить высшее учебное заведение.

Двое суток просидел Джон Уоркман над обдумыванием содержания этого письма, но уже в течение первых 2 часов ему стало ясно, что нужно делать. Его расчет был краток и точен. „Через 4 недели мне будет 18 лет. Прибавив 6 лет учения, получим 24. В 24 года я хочу быть больше, чем какой-нибудь магистр или доктор. Посещали ли великие люди, которых я знаю, высшие учебные заведения? Были ли Беннет и Армур, или Форд, или даже Эдисон когда-либо студентами? Они, вероятно, об этом даже и не думали! Они шли своей дорогой сквозь живую жизнь и стали такими, какими должны были стать! Нет, для высшего учебного заведения я слишком стар!“

Так рассуждал семнадцатилетний Джон Уоркман. Но при этом под „ученьем“ он понимал усидчивое корпение на школьной скамье. В действительности же, как мы видели, он всегда следовал правилу, что человек должен учиться всю жизнь.

Итак, Джон Уоркман остался на заводе Форда, но его положение стало совершенно иным. Репингтон не удержался и дал ему при случае понять, что без всякого труда он мог бы получить за свой участок и 200.000 долларов. А когда Джон Уоркман возразил, что считает такие сделки непорядочными, то Репингтон пришел к убеждению, что этот молодой человек безусловно распоряжается миллионными суммами. С такими людьми и в Америке следует быть в хороших отношениях! Старший инженер всячески поддерживал стремление Джона к наукам, и таким образом для молодого человека началось то благодатное время, когда он в несколько месяцев научился тому, на что в школе пошло бы несколько лет.

Новый аэропланый завод возникал у Лэйк Рода. Джон Уоркман имел возможность следить за его постройкой изо дня в день, от этапа к этапу. Он видел проекты и изучал их с напряженным вниманием. Заводы Форда уже стояли во главе автомобильной индустрии всего мира. Лет 15 тому назад

Форд начал довольно скромно свое производство. После трехлетней работы он вдруг категорически заявил: „Я больше не стану считаться со вкусом любителей. Буду строить всего три типа машин, но зато сразу по 3.000 штук каждого типа! Этим я удешевлю их настолько, что публика будет покупать автомобили у Форда, как свежие булки у пекаря!“

В то время Форда считали авантюристом, который рано или поздно должен потерпеть крушение. Но он оказался правым, так как сумел настолько удешевить производство введением системы Тэйлора и совершенно новой установкой машин, что его автомобили стали браться нарасхват.

Хорошую легкую машину, стоившую раньше повсюду 2.000 долларов, он мог продавать за 400. При этом была введена особая система премий. Каждый покупатель, сумевший склонить шестерых знакомых к покупке Фордовских автомобилей, сам получал машину бесплатно. Эта система „лавин“ оказалась очень действительной, ибо продукция заводов постепенно дошла до 3.000 автомобилей в день. Эта небывалая производительность стала возможной только благодаря блестящей, до мельчайших деталей продуманной организации. Был создан определенный комплекс машинных корпусов, лёгких построек для монтажа и помещений для испытаний. Все вместе образовало как бы громадный собор с главной срединной частью и многими поперечными отделениями. Так, например, на конце одного из поперечных помещений стояли сверлильные и строгательные верстаки. На большом каруселеобразном медленно вращающемся диске устанавливались только что выпущенные из литейной коробки цилиндры. Как только установка одной коробки заканчивалась, диск передвигался дальше на определенный угол. Новая коробка устанавливалась на следующем секторе, между тем как первый цилиндр уже подвергался обработке сверлильной машиной. После двенадцатого оборота диска коробка возвращалась к исходному пункту. Пройдя через двенадцать машин, она была окончательно обработана. Точно таким же образом

на другом гигантском диске обрабатывались поршни моторов, на третьем — мотыльные коробки, на четвертом — валы, на пятом — стержни мотылей. В конце помещения все части сходились, и здесь начиналась сборка. 60 моторов одновременно находились в сборочной; из многих боковых помещений сюда непрерывно стекались отдельные части, необходимые для сборки, — как-то гайки, болты, зубчатые колеса, аппараты для зажигания, газовые коробки, бензинные трубы и т. п. Как только кончалась сборка, мотор переходил в испытательное отделение, где в течение часа тщательно исследовались все его качества. По окончании испытания мотор снимали с козел. Но вся эта процедура была только небольшой отраслью автомобильного дела. Готовый мотор переходил в монтажную. Там его быстро привинчивали к шасси, соединяя с коробкой скоростей и ходом машины. Быстро и гладко протекали все сборки, так как каждая составная часть была высверлена и обработана с точностью до сотой доли миллиметра. Из бокового помещения выкатывались охладители и крышки для моторов. Затем особые краны подавали кузов и насаживали его на шасси автомобиля.

Еще несколько привинчиваний, и автомобиль готов! Его немедленно переводят на место перед главным помещением, где проворные руки снабжают машину бензином, смазочными маслами и водой. Появляется шофер для пробной поездки. Один поворот рукояти, и мотор начинает работать. Еще движение рычага, и машина выходит на испытательную поездку. Через час автомобиль возвращается, уже готовый для продажи.

Таким образом из каждого корпуса завода выходил поток автомобилей, по машине в минуту, а так как всех корпусов было пять, то выходило, что на изготовление автомобиля требовалось только двенадцать секунд. Однако всё это было достигнуто в результате двенадцати лет упорной организационной работы. Теперь же шла речь о том, чтобы по тем же уже испытанным принципам приступить к

производству аэропланов. Предстояла колоссальная работа, требующая внимательного обдумывания каж-

дой мелочи, так как путём правильно принятых решений могли быть сэкономлены большие суммы. Джону Уоркману была дана возможность участвовать

по мере сил в этом деле. Задача эта углубляла его познания, увеличивала умение работать, укрепляла духовные и нравственные силы.

Русский учитель рекомендовал ему математику, как необходимый инструмент для научно работающего инженера. Теперь он окончательно понял, что математика только инструмент, и что свободная творческая фантазия должна господствовать и здесь, в техническом деле, если хочешь создать нечто новое и достигнуть значительных результатов. Джон Уоркман обладал этой фантазией в значительной степени. Этот молодой человек, особым распоряжением Форда приглашенный участвовать в заседаниях комиссии по постройке новых заводов, делал предложения совершенно своеобразного порядка. Его идеи в первый момент поражали всех своею смелостью, казались невыполнимыми, но во время споров выяснялась их целесообразность, и в конце концов они принимались в соображение.

Когда проекты зданий для новых заводов были закончены, приступили к обсуждению рода оснований. Местность у озера не представляла собою надежного грунта для построек. Этот грунт состоял из слоя наносного ила толщиной в несколько метров, под которым находилась синяя глина, а еще глубже — крупный песок.

Строительные мастера предлагали забить сваи, но такой длины, чтобы они своими концами достаточно глубоко входили в песок. Произведенный расчет требовал огромного количества строительного леса, который нужно было бы подвезти из дальних штатов Канады. Один из экспертов предложил забить в грунт не деревянные, а бетонные сваи. Контрольный расчет показал, что этот способ устройства оснований был бы лишь немногим дешевле, так как бетонные сваи необходимо было снабдить крепкой железной арматурой, иначе они сломались бы при вбивании в землю.

Во время этих споров и выступил Джон Уоркман со своим предложением. Он посоветовал вынимать земляным буром грунт до песочного слоя и по-

лученные таким образом полые цилиндры заполнять бетоном. По своем затвердении бетон должен был бы образовать вполне надежные сваи.

Поднялись бурные протесты. Специалисты обратили внимания на два пункта. Во-первых, говорили они, при таком способе работы сваи никогда не получаются круглыми и гладкими. Во-вторых, при литье свай отпадает сжимание и уплотнение грунта, дающее вбитой деревянной свае большую сопротивляемость нагрузке. Эти доводы, казалось, исключали предложение Джона Уоркмана. Но молодой изобретатель не сдавался. Он подробно и точно развил свой проект. При помощи земляного бура, говорил он, нужно углубиться до 15 метров и сразу же опустить в скважину тонкостенный стальной цилиндр. После удаления бура труба заполняется жидким бетоном, а потом медленно вытаскивается, причем бетон при помощи тяжелого поршня прижимается вниз. Таким образом жидкий бетон входит во все неровности стенок скважины и после отвердения дает сваю, способную выдержать большие нагрузки.

Спор был разрешен вмешательством самого Форда, приказавшего произвести опыты по способу, предложенному Джоном Уоркманом.

Прошло восемь дней со дня изготовления первой литой сваи, которая уже достаточно затвердела. В 20 метрах от нее забили в грунт прочную сваю из отборной американской сосны, после чего приступили к пробной нагрузке, укрепив на головках обеих свай железные пластины.

Тяжелые свинцовые болванки, весом каждая в 2 центнера, были осторожно положены на эти пластины. С постепенным увеличением тяжести деревянная свая по миллиметрам погружалась в грунт. При полной нагрузке, которую ей полагалось нести на основании расчета, она почти на 2 сантиметра вошла в землю. В то же время литая бетонная свая сдала меньше, чем на пол-сантиметра. Уже этот опыт доказал годность предложения Джона Уоркмана. Изыскания продолжались лишь для получения более точных данных. Все выше и выше поднимались

свинцовые горы на обеих сваях, пока не достигли пятикратной расчетной нагрузки.

Тут деревянная свая не выдержала и стала быстро погружаться в глубину. Между тем бетонная свая сдала еще только на три сантиметра и приняла дополнительную нагрузку в 30 тонн: только тогда бетон непосредственно под железной пластиной с треском разрушился.

Опыт был закончен. Он говорил так ясно в пользу предложения Уоркмана, что его способ и был принят комиссией.

После этого случая предложения молодого человека выслушивались с большим вниманием, а предлагал он немало нового.

В то время как у озера Онтарио уже возникали постройки для новых заводов, заседания в Детройте продолжались. Джон Уоркман следил за работой, вставлял свои замечания и с великой радостью чувствовал, что последние три года его жизни прошли не даром. Все машины и механические приспособления, виденные и изученные им за это время, отчетливо представлялись его духовному взору. Он стал мыслить „рельефно“ так что был в состоянии описать со всеми деталями любую машину, любое проектированное сооружение.

Все убедились в этом после обсуждения типа новых производственных машин. Инженеры предлагали для аэропланов моторов те же вращающиеся диски, которые с успехом применялись на автомобильных заводах в Детройте.

Джон Уоркман представил с своей стороны целый ряд эскизов: массивный вращающийся диск был здесь заменен широкой цепеобразной лентой, расположенной по кругу с целью доставки прикрепленного мотора от машины к машине. При этом имелась возможность поместить обрабатывающие машины и внутри круга. После установки мотора на цепи, вся дальнейшая работа должна была производиться совершенно автоматически.

И это предложение Джона Уоркмана было принято. Наступило время, когда Джон Уоркман смог

сторицей возвращать заводу всё то, чему он там научился.

В то время как возведение зданий заводов подходило к концу, самые большие машины Соединенных Штатов день и ночь были заняты изготовлением новых рабочих станков, предназначенных для этих заводов. Тысячи рабочих участвовали в грандиозной стройке. Как только кровельщики кончали свою работу, на смену им приходили монтеры и устанавливали провода для электричества и трубы для газа и воды. Сейчас же после ухода водопроводчиков являлись специалисты по установке тяжелых машин.

Этот монтаж машин представлял собой отрасль техники, еще не виденную Джоном Уоркманом. Часами, даже днями мог он стоять в полузаконченных помещениях новых заводов и следить за работой монтеров. Он видел, как самыми простыми средствами они поднимали тяжелые машины на готовые фундаменты.

После этого приступили к точной установке машин. Острыми стальными ломачами их передвигали до тех пор, пока маховые колеса с точностью до $\frac{1}{4}$ миллиметра касались тонких шнуров, перетянутых монтерами по машинным залам. Как только эта точная установка заканчивалась, и машины занимали свои места, вокруг фундамента укреплялась невысокая опалубка из досок. Все пространство между каменным фундаментом и подошвой машины заливалось бетоном, который заполнял малейшие промежутки. Через три дня он был уже настолько тверд, что машина на долгое время оказывалась прочно прикрепленной к своему месту. Она была в состоянии воспринимать и отдавать громадные силы, не сдвигаясь в сторону даже на сотую долю миллиметра.

Когда пришла весна, и лед на озерах растаял, большие пароходы, по величине мало уступающие океанским, стали останавливаться у только что законченных пристаней новых аэропланых заводов. Краны, собранные 4 недели тому назад, с шумом выгружали бесконечные количества ценных металлов: сталь высокого качества, самый легкий, но и самый прочный из металлов — дураллюминий, лучший ка-

менный уголь пенсильванских копей, красную медь из рудников Юга.

Склады заполнялись. Психотехническая лаборатория Тэйлора открыла большое отделение для испытания и отбора служащих и рабочих, которых тысячами нанимали для новых заводов

Наступило критическое время. Нужно было дать новичкам работу, но таким образом, чтобы продукты этой работы дополняли друг друга, не образуя застоев или скоплений, прежде чем весь завод начнёт работать полным ходом.

Эти четыре критических недели ставили самые большие требования к организаторским способностям Тэйлора. Были дни, когда он в течение 24 часов не выходил из своего бюро. Мистер Репингтон настолько охрип, что голос его стал неузнаваемым. Телефонный аппарат на его письменном столе почти не выходил из его рук.

Наконец, и этот период закончился. Уже в мае завод работал полной нагрузкой. Электрическая энергия с Ниагарских водопадов передавалась по медным проводам на заводские трансформаторы. Пароходы и поезда привозили необходимые материалы. И как там, в Детройте, заводы Форда непрерывным потоком выпускали автомобили, так здесь один за другим выходили из их недр сверкающие отделкой аэропланы.

Глава XXXII.

В день выпуска десятитысячного по счету аэроплана на заводы прибыли почетные гости: губернатор штата Нью-Йорк в сопровождении именитейших граждан великого города.

„Алло, президент, и вы здесь?“ раздался звучный голос, когда гости сошли с автомобилей. Это был мистер Беннет, увидевший своего старого газетного боя рядом с владельцем величайших в мире заводов. „Однако, вы редко навещаете Нью-Йорк!“

Генри Форд положил руку на плечо Джона Уоркмана.

„Ваш газетный бой сделался моим лучшим инженером, мистер Беннет! Добровольно я его не выдам.“

Беннет улыбнулся.

„Пусть пока остаётся, мистер Форд! Наш президент всегда сам выбирает себе компанию. В один прекрасный день он покинет и вас!“

Джон Уоркман покраснел до корня волос. Несколькими словами мистер Беннет раскрыл в нем настроения и чувства, в которых он до сих пор не отдавал себе отчета. Дело в действительности обстояло, как говорил мистер Беннет. С тех пор, как заводы заработали полным ходом, и производство аэропланов наладилось, Джон уже не чувствовал удовлетворения в работе. Влечение к чему-то более высокому, необычайному опять проснулось в нем и потянуло в даль. Но теперь у него не было времени предаваться этим чувствам.

С удовольствием заметив, насколько близко его молодой инженер знаком с газетным королем, мистер Форд поручил Джону Уоркману показать ему заводы. А так как губернатор не хотел покидать мистера Беннета, то Уоркману пришлось занимать и этого почётного гостя.

Путь был длинный и утомительный. Он начинался с мастерских, где отливались стальные и медные части, и кончался громадными сборочными, из которых выкатывались готовые аэропланы. Тем не менее время прошло незаметно, ибо молодой проводник с гордостью мастера и с неподдельным увлечением разъяснял гостям способы производства и назначение каждого отделения.

Окончив обход, почётные гости сели завтракать на открытой, празднично украшенной гирляндами и цветами, трибуне. Справа открывался вид на высокие фабричные корпуса, а слева — на бесконечную даль озера Онтарио. Вода в озере и июльское небо, казалось, соперничали друг с другом синевой окраски. 200 аэропланов, словно бабочки, порхали в воздухе. Они описывали дуги и петли над трибуной, опуска-

лись для короткого отдыха на поверхность озера и поднимались опять, сбрасывая на землю цветы.

За званым завтраком Джон Уоркман сидел справа от мистера Беннета. Взор молодого человека остановился в раздумье на грандиозном зрелище, разыгрывавшемся между небом и водой. Его мысли унеслись на пять лет назад. Он был тогда еще бедным мальчуганом и продажей газет зарабатывал средства к жизни. А теперь, по годам всё еще почти мальчик, он занимает выдающееся и почетное положение на крупнейшем заводе Соединенных Штатов! Восхождение было настолько блестящим и чудесным, что Джон Уоркман мог сравнить свою судьбу с судьбою Эдисона, Гульда или Карнеги... На подобие птиц, которые во время перелёта образуют излюбленную фигуру в виде угла, обращенного вершиною вперед, 200 аэропланов с удивительной точностью выполняли свой маневр, описывая при этом большие, плавные дуги.

Взоры всех гостей были устремлены на это зрелище, когда посыльный с телеграфа приблизился к столам. По указанию одного из инженеров он направился к мистеру Беннету и передал ему депешу. Газетный король раскрыл ее, и его лицо немного омрачилось. Взгляд его скользнул по лицам окружающих и остановился на Джоне Уоркмане.

„Мистер Уоркман, вы добрый малый и, кажется, немного преданы мне?“

„Всею душой, мистер Беннет!“

„Well, телеграмма, которую я только что получил, очень большой важности. Я должен покинуть торжество и как можно скорее и незаметнее вернуться в Нью-Йорк. Не устройте ли вы мне экстренный поезд, чтобы я мог уехать не позже, чем через полчаса?“

Джон Уоркман подумал секунд десять.

„Это, конечно, возможно, но я знаю лучший исход!“

Он нагнулся в сторону газетного магната и сказал ему несколько слов. Тот удовлетворенно улыбнулся в ответ. После этого Беннет небрежно

сунул телеграмму в карман и опять отдался целиком грандиозному зрелищу.

Через пять минут Джон Уоркман покинул свое место.

„Алло, Макферсон, Одоннор, Смит и Бэлл! № 115 готов к старту?“

„Yes, Sir!“ Четыре монтера выкатили на середину ангара новый аэроплан, имевший на своих крыльях красивую цифру 115.

„Наполните танки бензином и маслом!“

Пока монтеры исполняли приказ, Джон Уоркман вышел в боковое помещение и принёс оттуда два полных авиационных костюма. Приказав выкатить машину из ангара, он преспокойно вернулся на свое место около мистера Беннета.

„Мистер Беннет, предлагаю вам лично ознакомиться со скорейшим нашим аэропланом № 115, — мотор в 300 лошадиных сил при скорости 300 километров в час. Самая скорая машина в мире!“

Мистер Беннет поднялся и обратился к Форду:

„Мой юный президент сделал мне предложение, от которого я не хотел бы отказаться. Самая быстрая машина в мире — это так интересно!“

Он последовал за Уоркманом и влез вслед за ним в среднюю часть аэроплана. Молодой человек помог ему надеть авиационную шубу и сам надел другую.

Легкое давление на рычаг газорегулятора и зажигания, и фыркание мотора сменилось громовым треском, причем стрелка счетчика оборотов перескочила с 1200 на 2000.

Машина понеслась вперед прямо к синей поверхности озера, но оставалась на земле не дольше 5 секунд: колеса самолёта уже отделились от травы; свободно и круто он стал подниматься ввысь.

Достигнув стометровой высоты, юный пилот изменил северное направление на юговосточное. Одним взглядом он проверил счетчики перед собою и, убедившись, что аэроплан точно следует принятому курсу, стал подниматься все выше и выше. Барометр, служивший измерителем высот, медленно, но непрерывно

падал. Он показывал уже высоту в 3000 метров, а подъем все еще продолжался. Треск моторов был настолько силен, что говорить было невозможно.

Джон Уоркман взял из сумки рядом с сиденьем две пары телефонных трубок, два микрофона и несколько проводов. Он надел кольцо с трубками на голову и знаком предложил мистеру Беннету последовать его примеру. Телефоны плотно прилегали к голове. Непосредственно перед ртом висел микрофон. Только таким способом можно было разговаривать. Джон Уоркман посоветовал мистеру Беннету поднять воротник шубы и надеть толстые меховые рукавицы. Здесь, на высоте 3000 метров, было весьма холодно. Несмотря на то, что места для летчика и его спутника были защищены от ветра, и небольшое помещение к тому же порядочно отапливалось выпускной трубкой мотора, температура упала значительно ниже нуля.

На высоте 4500 метров машина приняла устойчивое положение, и мотор, который благодаря специальному воздушному насосу получал горючий газ под постоянным давлением, работал и здесь с неослабевающей силой. Оба путника отчетливо чувствовали, насколько поредел воздух: они должны были дышать быстро и глубоко, чтобы доставлять легким необходимое количество кислорода.

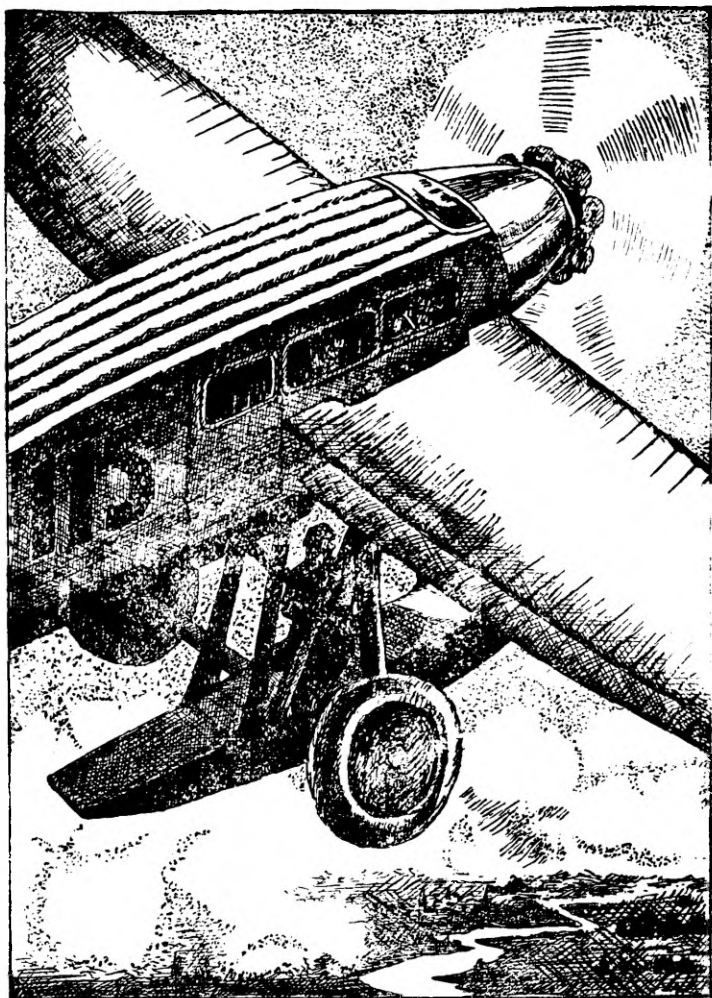
Беннет взглянул на часы. Прошло как раз полчаса с тех пор, как они поднялись в Лэйк Роде, но уже озеро и город остались далеко позади. Выплыло местечко, в котором сошлись узлом четыре железных дороги. Далее поверхность земли стала гористой. Потом вдали заблестело что-то голубое. Небо, до сих пор покрывавшее сводом всю рельефную карту под ними, в этом месте как бы соединялось с нею. Они были всего 75 минут в пути, когда показался характерный силуэт Нью-Йорка.

„Нет ли у вас, мистер Беннет, особого желания насчет места спуска?“

„Охотнее всего я спустился бы на крышу „Геральда!“

„Нет, это не пройдет, — крыша слишком остра ;

но мы можем спуститься на воду около Батареи.
Машина снабжена плавательными лодочками.

„All right, мой друг!“

Минут через пять аэроплан круто снизился и
вскоре уже парил на высоте небоскребов над нью-

Йоркской бухтой, после чего легко и почти без шума сел на воду, недалеко от набережной. Тихим ходом мотора Уоркман подвёл самолёт вплотную к одному из многочисленных причальных мостков.

Мистер Беннет вышел из аэроплана и отправился на берег. Только немного любопытных следили за спуском, и никто из них не узнал Гордона Беннета. В то время как газетный король спешил в редакцию „Геральда“ с важной телеграммой в кармане, от которой зависели война или мир на Дальнем Востоке, Джон Уоркман уже отчалил, и вскоре его машина отделилась от воды, поднялась, повернула на северо-запад и, как метеор, понеслась обратно по только что пройденному пути.

Самолёт уже оставил за собою Мангаттан Айленд и Гобокен и парил на высоте 2000 метров, когда Уоркман бросил взгляд вниз через щель между корпусом и правым крылом. Он был отличным пилотом и отчетливо чувствовал все отклонения своей машины. Ему показалось, что аэроплан немного перетягивает в правую сторону. Поэтому он стал внимательно разглядывать правую сторону аппарата и вдруг увидел человеческую фигуру в простой, почти бедной одежде. Человек сидел верхом на лодочке, спиною к направлению движения и крепко держался за железную связь между лодочкой и корпусом машины.

На высоте 2500 метров было порядочно холодно. К тому же наблюдалась сильная тяга воздуха, так как аэроплан делал уже 250 километров в час. Этой скорости было вполне достаточно, чтобы смести человека с лодочки. Но несчастный сидел как раз перед связывающим стержнем, и только поэтому не свалился. Громадная тяга придавила его к стержню, и притом так сильно, что лицо его было искажено от боли.

Если бы Уоркман во-время не заметил этого „зайца“ и поднялся бы до полной высоты нормального полета, т. е. до 4500 метров, то бедняга совершенно окоченел бы от мороза, и, не будучи в состоянии сопротивляться холоду и ветру, слетел бы с аэроплана. Джон Уоркман с ужасом глядел на человека. Всякое объяснение с ним было невозможно из-за шума мотора.

Только взоры обоих путников встретились. Человек понял, что его увидели: страх и мольба о спасении были в его глазах.

Джон Уоркман стал разглядывать местность перед собою. Приблизительно на расстоянии мили он заметил ровный зеленый луг, показавшийся ему годным для спуска.

Нажим на рычаг, регулирующий приток газа и зажигание, — и треск мотора тотчас же прекратился. В быстром безмоторном спуске машина приблизилась к земле. Деревья и дома опять выросли до своей естественной величины. Совсем близко от земли Уоркман поднял немного перед аэроплана при помощи руля высот, колёса коснулись земли, и, пробежав еще несколько десятков метров, самолёт остановился. Уоркман окликнул человека, но тот выпустил из рук стержень и свалился, как убитый, на траву.

Молодому пилоту не оставалось ничего другого, как самому вылезть из аэроплана, чтобы притти на помощь непрошенному спутнику. На всякий случай Джон хранил в запасной сумке бутылку крепкого брэнди, немного шоколаду и пачку бисквита.

Незнакомец был без памяти, и только продолжительный массаж смог привести в движение кровь в его окоченевших членах. Помог также большой глоток брэнди, и через 20 минут человек был в состоянии подняться и с трудом, еще шатаясь, сделать несколько шагов.

Уоркман решил, что теперь, пожалуй, наступил момент спросить странного пассажира, кто он такой, и что побудило его к полету.

„Алло, сэр, какими судьбами, чорт побери, вы попали на лодочку моей машины?! .. Если бы я вас случайно не заметил, то дело ваше кончилось бы плохо!“

„Оно и так не хорошо кончится, сэр!“

Этот ответ не понравился Уоркману. Резче, чем это было в его натуре, он ответил:

„Меня совершенно не интересует, что с вами будет дальше. Я хотел бы только знать, как вы попали на мою машину?“

„Очень просто! Когда ваш аппарат остановился у пристани, и вы выпустили какого-то джентльмена, я стоял внизу на небольшом мостике, непосредственно над поверхностью воды. Оттуда был только один шаг до лодочки вашей машины.“

„Well, теперь я знаю, как вы забрались на самолёт. Ещё один вопрос: для чего вы это сделали?“

Незнакомец покраснел. После некоторого колебания он продолжал: „Я видел, как ваш аэроплан прилетел с северо-запада в город, и предположил, что вы прибыли с „озёр“ и вероятно туда же вернётесь .“

„Правильно“

„И так как я тоже не прочь попасть на озера, а денег на дорогу вы понимаете, сэр у меня не особенно густо, то я и решил воспользоваться оказией. Однако не предполагал, что место на лодочке аэроплана окажется еще менее комфортабельным, чем на последнем буфере товарного поезда! Теперь по необходимости принужден буду занять подобное место!“

Во время разговора Уоркман имел достаточно времени разглядеть незнакомца. Его одежда была, как уже сказано, крайне бедна, но опрятна. На вид ему было лет сорок пять. Длинные волосы и большая борода были с проседью, черты лица — правильные. Высокий лоб указывал на ум и решительность, а морщины на нём и около глаз свидетельствовали о пережитых трудах и волнениях.

Уоркман вынес впечатление, что человек этот много работал на своем веку головой, но что удовольствия и пороки большого города, которые на всяком лице оставляют легко узнаваемые следы, были ему чужды.

Поэтому он продолжил разговор в более любезном тоне. — „Если вы сообщите мне свое имя и место у озер, куда вы хотели бы поехать, то я, пожалуй, отвезу вас на своем аэроплане. Поездка пойдет быстрее, чем на товарном поезде, и не причинит мне лишних расходов.“

Незнакомец оживился.

„Это было бы по истине дружеской услугой! Мое имя — Джемс Уебстер. Но оно мало говорит! Что касается профессии, то я, кажется, всё перепробовал, — последнее время служил скрипачем в церковном оркестре. Но главным образом я был „проспектором“, сэр. В своей жизни я находил золота и нефти больше, чем нужно, чтобы сделать нас обоих миллионерами. Все это, увы! досталось другим. Но оставим это! Я хочу попасть в Буффало, к родственникам, чтобы там отдохнуть несколько недель и с новой энергией заняться своим делом. Кто раз им увлекся, тот никогда его не оставит!“

„Well, Sir, теперь закрутите пропеллер! Только осторожно, чтоб его крылья не задела вас! А потом влезайте в аэроплан тем же способом, как и я, и я повезу вас в Лэйк Род к озеру Онтарио. Ночь можете провести у меня, а завтра утром — по железной дороге в Буффало!“

Джон Уоркман опять сел на свое место, а мистер Уебстер схватил крыло пропеллера и сильным размахом повернул его. Мотор заработал. Проворно и с ловкостью, которой у него на первый взгляд нельзя было предположить, незнакомец отскочил в сторону от пропеллера и быстро влез на свое место позади пилота.

Они полетели напрямик в Лэйк Род. Не было еще и шести часов, когда самолёт снизился. Несколько монтеров вкатили его в ангар, а Джон Уоркман повел нового знакомого в свою скромную квартиру.

Г л а в а XXXIII.

Неожиданное исчезновение газетного короля не произвело в Лэйк Роде особого впечатления. Все видели, как он поднялся в воздух с Джоном Уоркманом, которого знали, как отличного летчика, и поэтому предположили, что во время полета мистер Беннет решил сразу же вернуться в Нью-Йорк. Узнав об этом от монтеров, Уоркман счел излишним давать особые разъяснения и всецело посвятил себя

своему гостю. Теперь он сидел с ним в своей комнате за столом, уставленным всевозможными закусками.

„Не стесняйтесь, мистер Уебстер, — на воздухе проголодаешься! Берите поджаренную булку и лососины! Рыба свежая, — только что из озера.“

Мистер Уебстер не заставил себя долго упрашивать: с аппетитом здорового человека он прилежно занялся едой.

„Если вы разрешите, мистер Уоркман, я закурю сигару. Без хвастовства могу сказать, что предаюсь только двум порокам: „проспектированию“ и куренью.“

Опять было произнесено это странное слово, уже слышанное Уоркманом на лугу после спуска аэроплана.

„Вы говорите о проспектировании, сэр! Слово это с нехорошим душком! Мы понимаем под „проспекторами“ людей, которые на основании обманных проспектов выманивают у публики деньги на дутые предприятия. Бывают поселенческие „проспекторы“, продающие людям никудышную болотную землю, далее — горные „проспекторы“ “

Уебстер нахмурил брови.

„Вы говорите об авантюристах, об этих подонках больших городов, вертящихся около каждого хорошего дела! Я представляю себе „проспектора“ совершенно иначе. Это человек с хорошими познаниями по геологии и с острыми глазами, который отправляется на поиски за ископаемыми. Я сам не охотник и убиваю зверей только в случае нужды. Но я могу представить себе, как страсть к охоте захватывает человека! Нечто подобное бывает и со мною! На основании геологических соображений я прихожу к убеждению, что в какой-нибудь местности имеется определенный металл, и тогда иду на поиски с волшебным жезлом, пересекая местность вдоль и поперёк. Днями, даже неделями хожу напрасно, но вдруг жезл оживает, начинает судорожно дрожать и с силою двигаться вверх и вниз. Таким образом я

узнаю, что нахожусь на верном месте, и тогда начинается для меня последний и самый напряженный акт драмы — „шурфовка“. При помощи кайла и лопаты я углубляюсь в землю и ошибаюсь очень редко: почти всегда нахожу искомую руду! От Клондайка до Австралии, от Томска в Сибири до Южной Африки я исходил много земель, и везде искания мои увенчивались успехом. Я находил золото и железо, цинк и свинец, платину и медь “

„И вы не приобрели никакого богатства, мистер Уебстер!“

„К сожалению, нет! Я обыкновенно не имел сотен тысяч долларов, нужных для того, чтобы довести шурфовку до благополучного конца. Несколько раз, впрочем, счастье мне улыбалось. Необходимые сотни тысяч были уже собраны. Я начинал шурфовать за свой счет, но мне не везло, и я терял все, что скопил. Подумать только, какие известны мне залежи! И нет возможности их эксплуатировать! Я знаю местонахождения золота в Чили, настолько богатые, что хоть киркой отбивай глыбы драгоценного металла! И вот не могу использовать это богатство! Нет, не проспекторы плохи, сэр, а капиталисты, которые выколачивают себе миллионы, выбрасывая по возможности скорее за дверь бедного проспектора “

Джон Уоркман спокойно слушал своего гостя, не подавая и виду, что рассказ сильно занимает его. До сих пор он как-то не отдавал себе отчета в том, как добывается сырье, необходимое хотя бы для фордовских заводов. Он знал, что каменный уголь идет из Пенсильвании, железо — из рудников Запада и разрабатывается в доменных печах, но как возникли эти копи и рудники, об этом он до сих пор как-то не думал. Теперь только он сообразил, что открытие таких природных богатств должно давать их первым эксплуататорам огромную прибыль. За последнее время мечта его юности — сделаться миллионером — была вытеснена из сознания юноши потоком новых впечатлений. Он убедился, что дельцы вроде Армура и Форда составляли себе огромные капиталы организованной работой десятков тысяч

рабочих. Но биографии Эдисона, Форда и других показали ему, что возведение таких заводов — дело далеко не простое. Нужно было, как в случае с Эдисоном, ввести совершенно новую технику электрического освещения, или, как это сделал Армур, вовремя открыть новую отрасль массового спроса. Но верная неудача постигала тех, кто несвоевременно брался за какое-нибудь большое дело. Это ясно подтверждалось многочисленными банкротствами. И вот этот полу-бродяга открывает ему новый мир! Уоркман решил серьезно заняться этим вопросом и узнать все, что возможно.

„Well, мистер Уебстер, вы мне рассказывали, как находят разные ископаемые. Предположим, вы уже нашли где-нибудь здесь в Штатах железо или уголь. Как следует дальше вести дело?“

„Прежде всего я должен закрепить за собою законное право на эксплуатацию найденного. Я должен сделать за я в ку, то-есть обратиться в горное ведомство и, представив пробы руды, просить о закреплении за мною права на разработку.“

„И это дорого стоит, мистер Уебстер?“

„Не слишком! С 1000 долларов на все расходы можно сделать порядочные заявки на много лет.“

„В таком случае я не вижу затруднений “

„Иной раз возникают препятствия уже при самом получении заявок, когда несколько партий одновременно сделали свои находки в одном и том же месте. Тогда все зависит от того, кто первый выставит свое требование. При ценных заявках бывали случаи, когда подача заявления опаздывала только на пять минут. Кто-нибудь делает находку и сейчас же, с первым поездом отправляется в горное ведомство. Час позднее другой натывается на ту же руду, выбивает несколько проб и, взяв экстренный поезд, обгоняет первого. Он уже выходит с квитанцией о сделанной заявке из Mining Office, когда задыхаясь прибегает первый! Но это еще честная игра! Иное дело, когда пускают в ход разные трюки. Например, кто-нибудь замечает, что другой находится накануне успеха. Не долго думая,

он кладет в сумку несколько кусков железной руды, купленных у коллекционера, едет в горное ведомство, делает заявку и закрепляет за собой права, а другой в поте лица своего продолжает заниматься шурфовками. Уверяю вас, сэр, в Штатах много мошенников, но чтоб где-либо мошенничали больше, чем при заявках, я сомневаюсь!

Джон Уоркман оживился.

„Но ведь это нечестно и запрещено законом!“

„Запрещено, сэр, даже очень! Каждое свое заявление вы должны подтвердить присягой. Но я готов держать любое пари, что больше 50 процентов таких присяг — ложные!“

„Ну, а когда заявки сделаны, то можно считать, что дело в порядке?“

Уэбстер откинулся на спинку кресла и глубоко вздохнул.

„Тогда только и начинаются настоящие трудности!“

„Я вас не понимаю, мистер Уэбстер! Раз заявка закреплена, — всё должно пойти гладко! Остаётся лишь найти капитал, организовать общество и открыть работы.“

„Вам это кажется легким делом, мистер Уоркман! Поиски капитала — в этом вся трудность! Вам приходится иметь дело с определенными группами капиталистов, а эти господа всегда снимают пенки с молока!“

„Но если вы объясните людям, что у вас в руках верное дело, то должны же найтись капиталисты, согласные довольствоваться более скромною прибылью!“

„Алло, мистер Уоркман, вот тут-то собака и зарыта! Закон требует, чтобы в течение первых двух лет вы приступили к разработке полученных вами участков. Дело очень несложно, если у вас имеется заявка на золотые россыпи, где вы сами с тазом в руках займетесь промывкой. Но оно становится очень трудным, если вы делаете заявку на уголь или железо, для добывания которых нужно устройство больших шахт. В течение известного времени вы должны

доказать, что основано достаточно солидное общество, и уже начаты работы. Иначе многообещающие заявки считаются недействительными! Капиталисты прекрасно знают это и крепко прижимают проспектора. Если он получит 10 процентов акций учреждаемого общества, то должен быть рад.“

Джон Уоркман взял карандаш и бумагу.

„Я нахожу, мистер Уебстер, что 10 процентов не так уж мало.“

„Но вы забываете, что за эти акции проспектор должен безоговорочно уступить обществу свои права на заявки. Если вам повезет, то общество выпустит 1000 акций по 1000 долларов. Затем начнутся работы. Через год или два первый капитал уже израсходован. В таком случае обыкновенно объявляют, что все акционеры должны приплатить по 200 или 300 долларов за каждую акцию, а кто этого не может, теряет свои права! Капиталисты на этом деле собаку съели и производят свои доплаты, а бедный проспектор, конечно, не в состоянии последовать их примеру и должен быть доволен, если капиталисты покупают у него акции по 100 долларов за штуку! В лучшем случае он заработал на всем деле 10 000 долларов, но акционером уже больше не состоит. На рудниках же начинается добыча. Если первый год закончился благополучно, то цена акций начинает бешено подниматься. Проспектор мог иметь за свой пай миллионы, а фактически получил гроши. Кто раз это проделал, во второй раз не сунется!“

Джон Уоркман обдумал прослушанное. „Well, Sir, я вижу тут лишь один выход. Нужно иметь такой капитал, чтобы не потерять права на участие в обществе, а потом и на полную прибыль.“

„Хорошо сказано, мистер Уоркман! Но откуда взять денег?“

Уебстер выпил последний глоток своего чая. Подумав немного, Джон Уоркман сказал:

„Повторяю: существует только одна возможность. Нужно иметь капитал, чтобы сохранить свои акции!“

„Молодой человек, вы рассуждаете, как профес-

сор из Гарвардского колледжа. Что это необходимо, и я знаю. Но денег у меня все-таки нет! Имея 100 000 или 200 000 долларов в запасе, можно, конечно, воевать с этими акулами. Но кто их имеет? А если кто и имеет, то разве согласится помочь бедному проспектору?"

„Предположим, мистер Уебстер, что человек с деньгами нашёлся, и более того, согласен помочь проспектору. Тогда, полагаю, нужно будет поговорить о том, какие заявки имеются у проспектора?"

„Заявки в данный момент ни одной!"

„В таком случае весь наш разговор имел мало смысла. Заявки — первое условие!"

Уебстер улыбнулся с чувством превосходства. „Вы ошибаетесь, мистер Уоркман! Как только я сделаю заявку, это сейчас же станет известным, и акулы будут смотреть на меня, как на свою жертву!"

„Вам, значит, известны местонахождения ископаемых, на которые вы могли бы предъявить свои претензии?"

„Клянусь, известны! Я знаю не одно место! Но я не хочу начинать старую игру, чтобы в конце концов снова быть обманутым. Я знаю местонахождение нефти, которое могло бы смело конкурировать с большими пенсильванскими скважинами. Мне известны залежи железа, о которых не знает ни один человек и “ тут голос Уебстера понизился до шопота „я знаю местонахождение золота, настолько богатое, что стоит отправиться туда хотя бы на 12 мулах и нагрузить их! Поездка оплатилась бы в тысячу раз!"

„Почему же вы не предпринимаете этой экспедиции?"

„Нет денег, сэр! У меня не было даже тех несчастных долларов, которые нужны для покупки железнодорожного билета от Нью-Йорка до озёр. Поэтому я и решился занять место на лодочке вашего аэроплана! Брат моей покойной жены живет в Рочестере. Я хотел попасть к нему и с его помощью найти капитал для экспедиции. Это — последняя попытка! Удастся она — хорошо. А если нет . . ."

„Каким способом хотите вы добраться до Рочестера?“

„Как-нибудь! Большую часть дороги от Нью-Йорка до Рочестера я, при вашем содействии, уже покрыл. Сегодня я сыт. Может быть, вы предоставите мне и ночлег?“

„Да, сэр, вы можете провести ночь у меня. Я вас не знаю и вы поймете, что я хотел бы проверить ваши сообщения.“

„All right, Sir! Проверяйте, сколько вам угодно! Вы убедитесь, что я не лгун.“

„Вы говорили мне о „волшебном жезле“ Есть ли у вас при себе этот инструмент, или его надо купить?“

Веселая улыбка озарила лицо Уебстера.

„Не надо, сэр! Я могу вырезать себе такой прутик в любом кустарнике!“

„Тем лучше, мистер Уебстер! Но что же вы сможете найти при помощи такого прутика?“

„Всевозможные ископаемые, сэр! Особенно жилы металлов, залежи руды и просто грунтовую воду.“

„Прекрасно! Если вам это удобно, завтра же проделаем опыт. Тогда я смогу сделать вам определенное предложение.“

Через полчаса Уебстер уже спал сном праведника. В шесть часов утра Джон Уоркман его разбудил.

„В девять часов я должен быть на своем заводе. В нашем распоряжении два часа для опытов.“

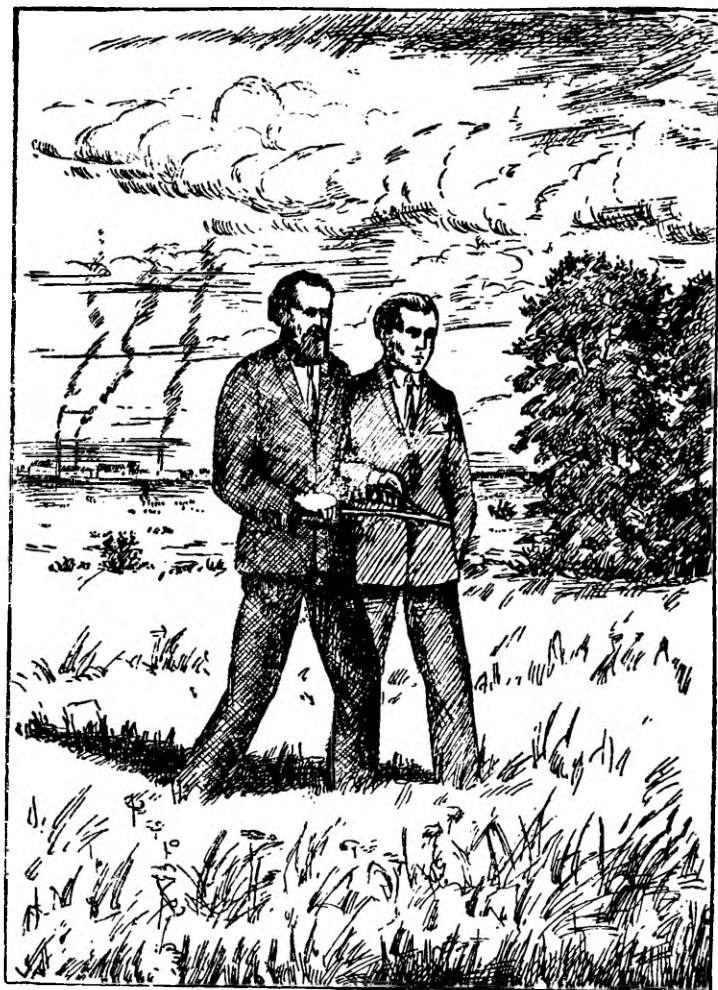
„Надеюсь, что вы останетесь ими довольны.“

После завтрака оба они вышли из дома и скоро очутились в лиственном лесу. Уебстер смотрел по сторонам, пока его глаз не остановился на группе кустов.

„Вот это годится, сэр! Хороший орешник, упругие прутия! Помнишь их еще со школьной скамьи!“

Он вынул карманный нож и срезал прут толщиной в палец, который разветвлялся на два прутика одинаковой толщины. Быстро очистив его от лишних ветвей, Уебстер держал в руке как бы вилку

с двумя зубцами, толщиной в карандаш и длиной каждый около 30 сантиметров.

„Итак, сэр, инструмент готов! Где прикажете искать?“

„Погодите немного! Я вам скажу!“

Дорога шла теперь полями и лугами к озеру. Они перешли по мосту через реку и прошли еще дальше шагов пятьсот.

„Вот отсюда можете начать поиски.“

„All right, Sir!“

Уебстер взял оба зубца вилки в свои руки и держал их перед собою на высоте пояса так, что сам прут был направлен горизонтально вперед. Прижав локти, он спокойно продолжал свой путь. Уоркман шел рядом и внимательно следил за ним. Кроме некоторого напряжения в лице изыскателя, он не заметил ничего особенного.

Так прошли они шагов триста, как вдруг по пруту пробежала дрожь, он задвигался вверх и вниз. Во время следующих десяти шагов прут поднимался, как будто какая-то неведомая сила толкала его вверх. Казалось, изыскатель должен употребить всю свою силу, чтобы удержать прут в горизонтальном положении. Еще через несколько секунд прут с большой силой поднялся кверху, ударил Уебстера по груди и сломался в его руках.

„Тут она!“

„Что именно?“

„Проточная вода под землей.“

„Вы правы, мистер Уебстер! Как раз здесь под дорогой проходит большой сточный канал от завода к озеру. Теперь я верю вашему искусству, так как вы конечно не могли знать, что здесь проходит канал.“

„Клянусь Богом, не знал! Я первый раз в жизни в этих местах.“

„Well, Sir! Вернемтесь ко мне! Я думаю, у меня достаточно денег, чтобы избавить вас от эксплуататоров. Какую сумму хотели вы занять у своих родственников в Рочестере?“

„Я намереваюсь съездить на свой рудник, чтобы вернуться оттуда с возможно большим количеством мулов, нагруженных чистым золотом. Экспедиция, состоящая из 2 лиц, 12 мулов и нескольких погонщиков, обойдётся около 25 000 долларов. На эти деньги можно будет прожить несколько месяцев в

глуши и, выломав достаточно золота, преспокойно вернуться.“

„Когда вы сможете начать свое путешествие?“

„Во всякое время, сэр! Если это необходимо, то хоть завтра же утром.“

„Well, Sir, устраивайтесь у меня поудобнее! Я иду на завод, чтобы ликвидировать свои дела. Сегодня вечером мы вместе поедем в Нью-Йорк и там подготовимся к экспедиции. В каком размере я буду участвовать в прибыли, если внесу необходимый капитал?“

„Работать будем на половинных началах. Вы дадите капитал, а золото будем делить в Нью-Йорке. Одно маленькое условие: вы не будете пытаться узнать в точности, где находится открытое мною золото, и подчинитесь вполне моему руководству!“

„All right, Sir. На этих условиях я согласен с вами работать.“

Через час Джон Уоркман стоял уже перед мистером Тэйлором и просил о немедленном увольнении, — у него, мол, важные дела в Нью-Йорке, и он не может отложить их даже на 24 часа.

Тэйлор очень неохотно отпустил дельного молодого человека, но он понял его по-своему: Беннет был здесь, вместе с Уоркманом он вернулся в Нью-Йорк и вероятно имел какие-то свои соображения насчет дальнейшей судьбы юноши.

На следующее утро наши новые приятели уже были на Бродвэе. Джон Уоркман оставил Уебстера в скромном пансионе, ибо, прежде чем что-либо предпринять в Нью-Йорке, он хотел увидеть свою мать. Весь этот день он целиком посвятил своему вернейшему и лучшему другу.

Годы ученья и творчества на юге.

Глава XXXIV.

Мистер Уебстер уютно восседал в удобной калчке, в то время как Джон Уоркман неустанно ходил взад и вперед по комнате.

„Вы говорите о своём золоте, мистер Уебстер. Нельзя ли узнать подробности?“

„Можно, мистер Уоркман! В этом деле я целиком завишу от вашей помощи, а честные партнеры не должны иметь секретов друг перед другом. Я знаю небольшое, но баснословно богатое местонахождение золота в чилийских горах. Одно из чудес природы, мистер Уоркман! Рудник, подобный которому вряд ли когда-нибудь будет найден. Это не аллювиальное золото, не россыпи, а первичные залежи! Но вы вообще слыхали о самородках, мистер Уоркман?“

„Нет, я вас не совсем понимаю. Аллювиальное золото? Первичные залежи? Что все это означает?“

„Я вижу, мистер Уоркман, что должен прежде всего прочитать вам небольшую лекцию. Золото, этот желтый металл, из-за которого проливается столько крови и слёз, встречается в первичных породах различных мест земного шара в виде вкрапленных частиц различной величины, начиная от золотых песчинок и кончая глыбами в несколько десятков килограммов. Геология предполагает, что золото и каменные породы одновременно затвердели, когда в незапамятные времена земля наша постепенно охлаждалась. Так возникли первичные местонахождения этого металла. Но в течение тысячелетий золото-

носные руды под влиянием воды и морозов выветривались, разрушались и, в конце концов, превращались в гальку и песок. Потоками воды этот песок уносило с гор в долины. Но то обстоятельство, что золото примерно в семь раз тяжелее песка, имело свои последствия. Тяжелые крупинки золота пользовались каждым удобным местом, где скорость воды была меньше, чтобы там осесть. Таким образом на изгибах рек образовались скопления золота в песке. Такой золотоносный песок называют „золотым мылом“ и говорят об аллювиальном, то-есть „намытом“ водой золоте.

Уоркман с большим интересом слушал своего нового друга и будущего компаньона.

„Well, мистер Уебстер! Я усвоил все, что вы сказали, и мне кажется, что добывание аллювиального золота должно быть особенно выгодно, так как здесь природа уже сделала предварительную работу: освободила золото из твердых первичных пород и собрала его в одно место.“

Уебстер засмеялся.

„Теоретически вы вполне правы, мистер Уоркман! Но на практике дело, к сожалению, обстоит иначе.“

„Почему же?“

„Очень просто! Все маломальски значительные россыпи уже истощены. Добрые старые времена, когда человек, вооруженный только лопатой и тазом, отправлялся в Калифорнию, Австралию или Аляску и через несколько лет возвращался богачем, давно прошли! Теперь нет больше таких мест, где бы стоило заниматься промывкой золота при помощи таза. Жаль. Вся золотая промышленность потеряла свой смысл и прелесть!“

„Почему же, мистер Уебстер?“

„Почему? Чтобы вы это поняли, нужно будет вам рассказать, как в наше время добывают золото в тех местах, где оно находится в первичных местонахождениях, например, в Южной Африке“

„Об этом я читал, мистер Уебстер! Я знаю, что в африканских местонахождениях золота посред-

ством глубоких шахт добираются до кварцевых пород, содержащих золото. Кварц этот выламывают и выволакивают, как здесь в Америке — железную руду и каменный уголь. Затем кварц попадает в камнедробилки, где его превращают в мелкий песок. Песок промывают, обрабатывают ртутью и извлекают из него золото.“

„В общем правильно рассказано, мистер Уоркман! Но как вы думаете, сколько золота содержится в тонне кварца?“

„Этого я не знаю. Не хочу называть произвольные цифры.“

„Ну вот, мистер Уоркман, кварц, содержащий 20 граммов золота на тонну, считается очень богатой рудой! Нередко разрабатываются породы, содержащие его лишь семь граммов! Вы, конечно, знаете, что золото в девятнадцать раз тяжелее воды: в наперстке помещаются два кубических сантиметра или тридцать восемь граммов золота. Следовательно, чтобы добыть всего лишь наперсток золота, необходимо разработать более пяти тонн кварца! А это значит — израсходовать сотни киловатт-часов, сжечь сотни килограммов угля, который, ей-же-ей, мог бы найти лучшее применение! Поэтому повторяю: добывание золота по новому методу имеет мало смысла!“

„Я все еще не совсем понимаю вас.“

Уэбстер в нетерпении встал со стула.

„В таком случае я должен рассказать обо всем этом еще подробнее. Прежде всего: с какой целью добывают золото?“

„Будучи редким металлом,“ ответил Уоркман, „он служит мерилем ценности всех товаров и лежит в основе „золотой“ валюты.“

„Вы совершенно правы, но видите ли, мистер Уоркман, когда в доброе старое время золотопромышленник отправлялся на поиски с лопатой и тазом и, при сравнительно небольшой затрате сил, находил золота на 100.000 долларов, до это было во всех отношениях выгодное дело.“

Теперь картина сильно изменилась. Добывание

золота стало одной из отраслей крупной индустрии, как, например, стальная промышленность, горное дело и т. п. Эта крупная индустрия занимается точной калькуляцией. Килограмм золота стоит 670 долларов. Значит, если добывание золота сопряжено с такой тратой денег и энергии, что вложенный капитал приносит хорошие проценты, то золото будут копать, независимо от того, сколько пойдёт угля, и сколько рабочей силы потеряют при этом другие более полезные производства. Вот эту калькуляцию, мистер Уоркман, я и называю бессмысленной. В действительности такой способ добывания золота ведет к тому, что у нас имеется не золотая валюта, а валюта энергии. Ценность золота вполне зависит теперь от цены одного киловатт-часа. Если бы нам удалось удешевить киловатт-час в десять раз, то цена золота понизилась бы во столько же раз, так как его добывание в любом количестве стало вопросом энергии.

„Если вы так рассуждаете, мистер Уэбстер, то я не понимаю, почему вы сами занимаетесь проспектированием золота“

Уэбстер вскочил со своего стула и выпрямился перед Джоном Уоркманом.

„Позвольте, мистер Уоркман, я вовсе не говорил, что собираюсь „проспектировать“ золото. Я сказал вам, что знаю небольшое, но богатое первичное местонахождение золота, и я вас спросил, знаете ли вы, что такое самородки, когда вы меня прервали.“

„В таком случае извините меня, мистер Уэбстер, и объясните мне, наконец, в чем состоят ваши планы!“

„Well, мистер Уоркман. Прежде всего я должен объяснить вам, что такое самородки. Обыкновенно золото, как например в Африке, находится в виде тончайшей золотой пыли в первичных породах. Но бывают и исключения: чистое золото встречается иногда большими гнездами, отдельными кусками и жилами внутри пород. Бывали случаи, когда находили самородки весом в 50 и более килограммов, вымытые горными потоками и унесенные водой в

золотые „мыла“ Ясно, что эти куски золота не с луны свалились! Они, безусловно, находились в первичной породе уже в виде самородков и, значит, должны встречаться в вулканических породах и сейчас. Эта мысль, мистер Уоркман, занимала меня уже 25 лет тому назад, когда я начал „проспектировать“, и не выходит у меня из головы до сих пор.

Я давно уже задался целью найти в кварце подобные самородки, легко выбиваемые из скалы и сразу же обогащающие золотоискателя. Что такие богатые золотом жилы должны существовать, видно между прочим и из рассказов испанских конкистадоров: в них часто идёт речь о пещерах, откуда индейцы фунтами выносят чистейшее золото!

Десятки лет я неустанно думал об этом, но только лет пять тому назад счастье мне улыбнулось. Я работал в чилийских горах по поручению группы финансистов из Нью-Йорка: искал вольфрамовую руду. И вот, на большой высоте, где дыхание уже становилось затруднительным, я нашел наконец то, о чем мечтал всю жизнь. Эти залежи золота, правда, не так уже грандиозны и богаты, как это можно было бы вообразить по рассказам испанцев, но тем не менее вполне достаточны, чтобы обеспечить нашелшего их до конца его дней. Небольшую пробу, весом около фунта, я выбил из скалы, закрыл после этого самым тщательным образом доступ к пещере, и в точности запомнив её местоположение, продолжал искать вольфрамовую руду. В других местах я нашел богатые залежи этой руды и вернулся в Нью-Йорк. Здесь я рассчитывал получить свою долю прибыли с заявок вольфрама, чтобы потом вернуться к своему золоту. Вы уже знаете, как мне не повезло, и как меня провели капиталисты. Мне досталось так мало денег, что я принужден был продать свой самородок. Нужно сказать вам, мистер Уоркман, что продажа эта была сопряжена с волнениями, куда более сильными, чем все тревоги, пережитые за время изысканий. Дело в том, что я допустил при этом ошибку. Нужно было предварительно превратить золото в слиток, который можно было бы продать в любом

банке по курсу дня. Но я отнес самородок в банк в том виде, в каком его выбил в горах, т. е. с неправильно выступающими зубцами и с вкрапленными здесь и там зернышками первичной породы.

Джон Уоркман прервал рассказчика: „Да, это действительно было неумно! Вы должны были подумать о том, что обратите внимание на вашу находку. Было бы куда осторожнее сперва расплавить золото. Почему вы этого не сделали?“

„Вам легко говорить, мистер Уоркман. А знаете ли вы, что нужно для этого иметь?“

„Печь, плавильную ложку и форму!“

„Правильно, мистер Уоркман! Но не забывайте, что требуется температура выше 900 градусов, т. е. начала белого каления. Следовательно, чтобы расплавить золото, необходимо иметь специальную печь и огнеупорный тигель из графита. Печь и тигель стоят довольно дорого, а денег у меня в то время не было. Вот почему я и отправился в банк со своим самородком.“

„Что же тогда произошло, мистер Уебстер?“

„Меня попросили подождать в удобном клубном кресле, пока будут испытывать золото. Но я не усидел и отправился посмотреть пробу золота иглой.“

„Что это за проба? Как она делается?“

„Очень просто, мистер Уоркман! Черным, очень твердым камнем, похожим с виду на точильный брусок для кос, они провели по краю моего самородка. На бруске показалась золотая черта. Специальной иглой, сделанной из чистого золота, они провели рядом другую черту, и после этого стали капать на черточки азотную кислоту (всякий другой металл, кроме золота, растворяется в азотной кислоте). Обе черты, конечно сохранили свой яркий блеск. Тут банковские дельцы сразу оживились! Взвесили самородок, ощупали и обнюхали его со всех сторон! Предложили мне цену по точному курсу дня за весь вес, не обращая внимания на кусочки кварца, и стали расспрашивать, кто я такой, и откуда у меня самородок“

Джон Уоркман рассмеялся.

„Этого следовало ожидать, мистер Уебстер! Люди рассудили, что, где один такой самородок, там можно найти и другие!“

„Без сомнения, они так и думали, мистер Уоркман! Но я сказал им, что имя мое их не касается, взял свои деньги и вышел из банка. Но—чорт знает, как они успели это сделать! — едва я покинул банк, за мной стал следить какой-то подозрительный тип, очевидно сыщик, который быстро узнал, кто я такой, и где я в последнее время занимался разведками. Дня через три ко мне явился агент группы капиталистов, для которой я искал вольфрам. Он прямо заявил мне, что знает о моей находке, и хотел уговорить меня работать с его обществом.“

„И как же вы поступили, мистер Уебстер?“

„Я выбрал исход, подсказанный мне разумом. Люди только что здорово надули меня, — ну, я, само собою разумеется, и не подумал войти с ними в компанию! Я рассказал агенту длинную историю о том, что самородок этот составлял мое последнее имущество и был для меня очень дорог, так как я получил его от умирающего золотопромышленника в Китае. До сих пор мне удавалось его сохранить. Но благодаря подлому поведению вольфрамовой компании и т. д. Я говорил до тех пор, пока не разошёлся до такой степени, что вытолкнул агента за дверь!“

„Well. А что же было потом?“

„Потом я поехал на озера, вел разные изыскания и годами избегал возвращаться в Нью-Йорк. Того, что доходило до моих ушей, было вполне достаточно для принятия такого решения. Ибо мне положительно не давали покоя! Особенно вольфрамова компания, которая посылала в Чили экспедицию за экспедицией. Они постарались разыскать туземцев, с которыми я в свое время работал, и еще раз продали все мои тогдашние поездки. Но и это самое важное, мистер Уоркман! — они ничего не нашли! Клад лежит нетронутым на старом месте!“

Джон Уоркман молча ходил взад и вперед по

комнате. Где-то далеко, в ущелье почти недоступных гор мерещилась ему большая грудa золота! Что предпринять? Разве сделаться миллионером не было заветной мечтой его юности? Если только Уебстер говорит правду! Он решил слушать дальше, а его собеседник продолжал:

„Теперь прошли годы, и люди успокоились. Можно опять рискнуть съездить в Чили, найти место и взять с собой золота, сколько только можно вывезти.“

„Как вы представляете себе организацию экспедиции, мистер Уебстер? Какие деньги для этого нужны?“

„Я уже говорил вам, что для экспедиции потребуется около 25.000 долларов.“

„Это большая сумма, мистер Уебстер, а дело — недостаточно верное!“

„25.000 долларов — это по курсу дня ровно 36 килограммов золота, то-есть половина нагрузки одного мула. Возвратясь с грузом одного только мула, вы удвоите вложенный капитал “

„А если не привезу ничего, то потеряю свои деньги “

„Верно, мистер Уоркман! Но если вы вернетесь с десятью нагруженными мулами, то увеличите свой капитал в двадцать раз! Назвав сумму в 25.000 долларов, конечно, я имел в виду, что мы не пешком зашагаем из Вальпарайсо в горы, а снарядим в Санта Роза или в Сан Антонио настоящую экспедицию по крайней мере из 12 мулов, с нужным числом погонщиков и с запасом провианта на несколько месяцев. Только для такой экспедиции нужна названная сумма, и только такая экспедиция с лихвой вернула бы все расходы!“

Волнуясь все более и более, Джон Уоркман продолжал расхаживать по комнате. Он ясно чувствовал, что перед ним открываются большие возможности. Он мог проиграть, но мог и крупно выиграть, и выигрыш был бы чист с моральной стороны, чище, во всяком случае, чем все барыши, за-

гребаемые биржевými акулами Нью-Йорка и Чикаго!.. Он принял бесповоротное решение отправиться за золотом в Чили!

Глава XXXV.

Четыре дня тому назад „Авраам Линкольн“ покинул нью-йоркскую гавань. Со скоростью 16 узлов в час большой двухвинтовой пароход пересекал волны океана, держа курс на юг. Скоро они оставили за собою Багамские острова, после чего курс был изменен на юго-западный.

Уебстер лежал, растянувшись в качалке, на променадной палубе „Авраама Линкольна“ и шурился, как кот на солнцепёке. В нескольких шагах от него Уоркман ходил взад и вперед с открытой книгой в руках и „учился“. Впрочем слово это многие ровесники Джона Уоркмана заменили бы выражениями „зубрил“ или „долбил“. При этом он то закрывал рукой часть книги, то открывал, в то время как губы его бормотали: *El padre—отец, del padre—отца, all padre—отцу, los padres—отцы* .

Джон Уоркман, действительно, зубрил во-всю испанский язык. Эта поездка впервые вывела его за пределы Соединенных Штатов, и он убедился, что одного английского языка недостаточно. По совету Уебстера, еще в Нью-Йорке он купил учебник испанского языка и теперь прилежно изучал его: вот когда пригодились ему испанские словечки, слышанные в Чикаго от погонщиков скота!

Джон Уоркман остановился со своей книгой перед Уебстером.

„Мистер Уебстер, я боюсь, что не смогу говорить по-испански, когда мы прибудем в Вальпарайсо.“

„Вперед, мой друг, смелее вперед! Через два часа мы бросим якорь в Гаванне и останемся там до вечера. Воспользуйтесь случаем и сойдите на берег! Посетите табачную плантацию по близости от города, и пусть ваше ухо привыкнет к звукам испанского языка! Это много значит!“

„А вы, мистер Уебстер? Вы будете, надеюсь, со мной во время моей первой прогулки по чужой стране?“

„Нет, мистер Уоркман! Вам полезно побыть одному среди испанцев, чтобы самостоятельно справиться с трудностями языка. Кроме того, я по другой причине не хочу сходить с парохода. Тут, к счастью, среди пассажиров никто меня не знает. Но в Гаванне я мог бы случайно наткнуться на человека, знакомого с моей деятельностью в качестве проспектора. Не следует зря увеличивать опасные шансы!“

Через два часа показалась столица Кубы. Уже справа виднелись стены Кастильо дель Морро, сторожевые башни древнего испанского замка, когда пароход прошел через узкий вход в бухту и остановился у таможни.

Вместе с другими Джон Уоркман сошел на берег. Он прошелся по узким кривым улицам центральной части города и был словно глухой среди всей этой по-испански говорящей толпы. Не долго думая, он сел в один из многочисленных автомобилей, ожидавших седоков около вокзала, и дал понять шоферу, что хочет посмотреть табачную плантацию. Это удалось быстрее, чем он думал. Как только он выразил свое желание при помощи свежеприобретенных знаний в области испанского языка, шофер ответил ему по-английски, ибо сразу же узнал в нём гражданина Соединенных Штатов. Шофер обещал свезти его на плантации некоего Ферфакса, тоже американца из Штатов, который безусловно покажет ему все, что его интересует.

Машина ловко миновала узкие улицы старого города, пронеслась по широким бульварам нового пригорода и, наконец, быстро помчалась по шоссе между бесконечных табачных полей.

Было как раз время сбора урожая, и широкие поля представляли собою своеобразную картину. Несколько дней тому назад спелые стебли табака были низко подрезаны специальными ножами, и лежали теперь на боку, как полусваленные стволы

деревьев. Казалось, буря пронеслась над этими полями и опрокинула все растения.

Наконец, автомобиль остановился у главного здания, где разместилось управление плантации. Мистера Ферфакса, владельца этой и многих других ферм, не было дома. Управляющий любезно принял Джона Уоркмана и разрешил ему осмотр полей. В сопровождении одного из служащих плантации, мистера Фокса, Уоркман добрался вскоре до поля, где около дюжины темнокожих туземцев были заняты дорубкой надломленных кустиков табака и нагрузкой их на специальные повозки. Мистер Фокс давал пояснения:

„Догадываетесь ли вы, мистер Уоркман, почему мы не сразу отрубаем стебли, а оставляем их на полях в таком полусрубленном состоянии? Дело в том, что вследствие уменьшенной циркуляции соков, в это время образуются те эфирные масла, которые придают нашему табаку его высокоценный аромат.“

Джон Уоркман с интересом следил за работами туземцев.

„Well, мистер Фокс, а что будет дальше с кустиками?“

„Это мы сейчас увидим. Телега нагружена и поедет в сарай для сушки. Сядем же на нее!“

Высокая двухколесная повозка была запряжена мулами. Ловким прыжком мистер Фокс вскочил на табачную гору и втащил за собою Уоркмана. Под крики темнокоричневого возчика мулы резвой рысцой доставили повозку к сараям. Это были однообразные деревянные постройки, — в сущности, одни крыши на каменных столбах. Крыши эти были устроены на подобие жалюзи, так что открывались или закрывались простым движением рычага. В то время как Джон Уоркман разглядывал это сооружение, мистер Фокс продолжал:

„Табачные кустики должны пройти через процесс сушки, прежде чем мы их подвергнем брожению. Солнце для них полезно, но дождь или роса вредны. Вот почему здесь устроены такие крыши.“

Они вместе прошли сквозь просторные сараи, в которых десятки тысяч кустиков подвергались

сушке. Сразу можно было заметить, что здесь происходила какая-то химическая переработка табака. Между тем как свежее развешенные стебли и листья были без запаха и имели сухую темно-зеленую поверхность, — другие, сушившиеся уже продолжительное время, представляли собою что-то совсем иное. Они были немного клейкие, покрыты желтыми пятнами и издавали своеобразный острый запах.

„Мы сушим здесь табак по старинному, веками испытанному способу,“ объяснял мистер Фокс. „На других плантациях существуют уже закрытые сушильни с отоплением. Когда дело правильно поставлено, то сушка в них происходит быстро и недурно. Но если не придерживаться вполне определенной температуры, то табак портится, и правильная ферментация уже невозможна.“

„Ферментация? Что это такое?“ спросил Джон Уоркман.

„Ферментация — это один из важнейших процессов табачного производства,“ пояснил мистер Фокс. „Вы уже видели, что происходит с таким табачным листом во время простой сушки. Но куда большие изменения вызываются ферментацией или брожением. Мы увидим этот процесс в следующем сарае.“

Они вошли в сарай с бетонным полом. Бесконечными рядами лежали здесь плотно сложенные пачки сушеных табачных листьев, крепко спрессованных между собою. Они шли вдоль этих рядов и остановились у группы туземцев, собиравшихся раскрыть одну из пачек. На наружной стороне её листья были еще зеленые. Но уже на глубине нескольких сантиметров они были желтого цвета, а еще глубже — темнокоричневого. Джон Уоркман дотронулся до свежей поверхности листьев, только что освобожденной рабочими, и тотчас же отдернул руку.

„Алло, сэр!“ воскликнул он: „это жжётся!“

„В точности 63 градуса по Цельсию, мистер Уоркман! Искусство ферментации состоит в том, чтобы поднять температуру до названной высоты. Несколько градусов выше, — и аромат пропал. Не-

сколько градусов ниже, — и табак не перебродит как следует. Рабочие здесь — настоящие виртуозы своего дела! Недаром гаванские сигары славятся во всём мире!“

Джон Уоркман видел, как рабочие выбирали из середины раскрытой пачки перебродившие листья и клали их на тележки, которые подвозились к небольшим шкафам.

„Что делают там с табаком, мистер Фокс?“

„Он попадает в холодильники, после чего совершенно охлажденные листья складывают в штабеля и дают им добродить. Затем следует еще одна сушка, и табак готов для переработки. Тогда он идёт на здешние сигарные фабрики, или же его пакуют в тюки и отправляют в Европу.“

„Разве Европе выгодно получать непереработанный табак, чтобы на месте из него делать сигары?“ спросил Уоркман.

„И да, и нет, мистер Уоркман! Выгода в том, что ввозная пошлина гораздо ниже на необработанный табак, чем на готовые сигары. Но с другой стороны табачные тюки проделывают во время длительного морского переезда еще третий процесс брожения, и это не служит им на пользу. Импортную сигару не променяешь на местную! Свои лучшие, в Гаванне изготовленные сигары мы тщательно упаковываем в свинцовые листы, чтобы воздушная сырость не проникала в табак. А самые дорогие сигары хранятся в стеклянных, пробками закрываемых трубочках.“

Так дошли они до упаковочной, где готовый табак складывался для пересылки в Европу или на местные сигарные фабрики.

Джон Уоркман вынул часы. „К сожалению, мой пароход скоро уходит. Примите мою сердечную благодарность за ваши любезные разъяснения! Я был бы очень рад, если бы вы приехали в Нью-Йорк, где я мог бы отплатить вам тем же.“

Еще последнее рукопожатие, и Уоркман отправился на свой пароход.

Через полчаса „Авраам Линкольн“ покинул га-

вань; взяв курс на запад, он обогнул мыс Сан Антонио и повернул опять на юг.

На другой день после обеда они увидели берег Колона и скоро достигли Панамского канала. Медленно и величаво вошел пароход в первую камеру этой лестницы шлюзов, чтобы постепенно подняться на 50 метров выше уровня Караибского моря.

Уоркман стоял рядом со своим другом и с удивлением глядел на гигантские бетонные массивы этой лестницы. Он знал высочайшие небоскребы Нью-Йорка так же хорошо, как крупнейшие заводы Форда, Армура и других, но зрелище Панамского сооружения показалось ему еще более грандиозным.

„Well, мистер Уоркман, эти шлюзы должны поразить даже выдавшего вида гражданина Нью-Йорка! Один бетонный массив длиной в милю и шириною в 200 метров!“

Джон Уоркман продолжал глядеть на бетонные стены, между которыми поднимался „Авраам Линкольн“, по мере того, как шлюзовая камера постепенно заполнялась, и водные массы увлекали с собою громадный корпус парохода.

„Я, действительно, поражен, мистер Уэбстер! Никогда не видывал такого бетонного сооружения. Это какой-то горный массив, а не постройка людей!“

„Так оно и должно быть! Ведь эта шлюзовая лестница отделяет запруженное озеро Чагрес от Караибского моря. Трудно представить себе, что случилось бы, если бы бетонная гора сдала, и все озеро низверглось бы в море! Не забывайте, что мы находимся в стране вулканов! Здесь постоянно бывают землетрясения и грандиозные сдвиги земляных масс. Североамериканцы познакомились с этими прелестями во время прокопки Кулебры, когда в одну ночь 10 миллионов кубических метров скалы свалились в уже готовый канал! Кто хочет здесь строить, должен ввести двойной, даже тройной запас прочности в сравнении с другими местами.“

Между тем „Авраам Линкольн“ поднимался по шлюзовой лестнице из одной камеры в другую. Открывались всё новые ворота, и мощные паровозы,

движущиеся на боковых массивах, переводили пароход из камеры в камеру. Миновали, наконец, последние ворота. Теперь пароход медленно продвигался по запруженному озеру, где большие буера указывали фарватер. Постепенно берега приблизились друг к другу, и озеро перешло в канал. Здесь Джона Уоркмана поразила богатейшая тропическая растительность берегов.

Уебстер похлопал его по плечу.

„Что, мистер Уоркман? Вот это пальмы! Таких не увидите в Центральном парке Нью-Йорка! Ну, и дерева! Чуть ли не глазом видишь, как растут!“

Джон Уоркман молчал. Слишком велико было впечатление, произведенное на него роскошью тропического леса! Уебстер продолжал:

„Я видел перешеек, когда североамериканцы начали здесь свою работу. Французское общество рухнуло уже в 1888 году. Весь строительный материал был оставлен на месте, и тропический лес по-своему все это хранил 15 лет. Около Буена Виста я видел железнодорожную вагонетку, защемленную и поднятую в воздух двумя большими эвкалиптовыми деревьями! Американцы переняли французский материал и хотели использовать все, что годилось. Они взорвали динамитом деревья и освободили вагонетку. Интересно, что пребывание в девственном лесу ей почти не повредило!“

Другой поразительный факт я наблюдал около Коргоны. Здесь французы сняли почему-то железную трубу большой землечерпалки. Этот цилиндр, высотой не меньше шести метров и диаметром около метра, они оставили стоя в лесу. Когда я попал в те места, из трубы уже выросла пальма и высоко над ней плавно покачивала свою верхушку. Видимо, в трубу попало каким-то образом пальмовое семя. Но что там, в этом узком и темном цилиндре, выросло дерево, можно объяснить только сказочной жизненной энергией тропического леса!“

Все ближе и ближе сходились берега канала, становясь при этом все круче. Наконец „Авраам Линкольн“ достиг Кулебрского прокопа. Джон Уорк-

ман с великим удивлением глядел на откосы скал, на эти горы, поднимавшиеся у берега на несколько сот метров и дальше достигавшие еще большей высоты.

„Неужели человек мог это сделать? Неужели люди и машины прокопали эту гигантскую гору?“ спросил он Уебстера.

Тот рассмеялся. „Не забывайте, что мы проезжаем через Кулебрский перевал. Это единственное место, где горный хребет спускается до высоты 100 метров над уровнем моря. Тем не менее работа, достойная уважения! Американцы выкопали и увезли отсюда около 100 миллионов кубических метров грунта!“

Пароход продолжал свой путь, и мало-по-малу горы по бокам становились ниже. Наконец, они доехали до другой шлюзовой лестницы — на панамской стороне. Зрелище повторилось в обратном порядке, — „Авраам Линкольн“ стал спускаться из одной камеры в другую. Еще несколько километров, и пароход вышел в воды Тихого океана.

Через два дня, когда судно достигло Галапагосских островов, на борт вступил собственной персоной Его Королевское Величество Нептун, Бог Морей. Морское величество желало узнать, кто из пассажиров уже пересекал когда-либо экватор, и кто еще нет.

Уоркман сидел на палубе рядом с Уебстером, когда к ним приблизился министр Нептуниуса. Несмотря на большой льняной парик и такую же бороду, в нем нетрудно было узнать третьего машиниста „Авраама Линкольна“ Джон Уоркман несколько удивился. Хотя ему и приходилось читать о знаменитом крещении при переходе экватора, он полагал, что этот старый обычай давно исчез, и рассказы о нём сохранились только в книгах для юношества. Он вопрошающе взглянул на Уебстера, но тот вытащил из кармана бумажник, взял из него документ, раскрыл его и передал „министру“ С достоинством приняв бумагу, министр прочитал следующее :

„Свидетельство о крещении. Мы, Нептуниус, король всех морей и озер, всех рек, ручьев, прудов и луж, сим свидетельствуем и подкрепляем приложенною государственною печатью, что гражданин Америки, Джемс Уебстер, был крещен на борту доброго нашего корабля „Queen Mary“, при переходе через экватор, и уплатил полноценной валютой расходы по обряду нашему министру финансов.“

„Прекрасно, гражданин Уебстер,“ сказал бородатый посланник Нептуна, „ты уже принял таинство крещения! Но как обстоит дело с твоим молодым спутником?“

„К сожалению, должен сообщить вашему превосходительству, что он впервые в своей жизни пересекает экватор и, значит, только после крещения может быть принят в лоно Его Соленого Величества.“

Министр кивнул головой. „Хорошо! Мы сделаем соответствующие распоряжения, и завтра утром будет совершена церемония.“

После этих слов представитель Нептупа спокойно и с достоинством удалился.

„Я не понимаю, мистер Уебстер, что всё это означает! Известно, что так называемое „крещение“ сопровождается довольно-таки грубыми шутками. Крестников, обмазанных порченым салом и зеленым мылом, сбрасывают якобы головой вниз в воду и т. п. Я боюсь, что не смогу сохранить спокойствие, когда со мною захотят проделать подобные штуки!“

Уебстер разразился громким хохотом.

„Дорогой мистер Уоркман, вы слишком мрачно смотрите на этот обычай. Для команды судна экваториальное крещение все еще совершается старым, весьма суровым способом. Но это касается кочегаров, грузчиков и юнг. Тут дело, действительно, не обходится без грубостей! Совершенно иначе обращаются с пассажирами. Главную роль при этом играют денежные поборы, дающие команде возможность устроить после крещения выпивку. Я советую вам пожертвовать пять долларов подданным Его Королевского Величества, и завтра вы весело проведете время!“

Следующий день настал при ясной и тихой погоде. Король Нептун сидел около капитанского мостика на своем троне, большой бочке из-под сала, украшенной льном, морскими растениями и старыми коврами. Рядом с ним восседала его прелестная супруга Амфитрита; телесные формы богини были искусно сделаны из большого количества пакли. Однако, среди пассажиров нашлись скептики, полагавшие, что в лице Амфитриты выступает один из поваров. Королевская свита группировалась вокруг высокой четы. Тут был придворный брадобрей с гигантским воротником, в невозможном, яркозеленом фраке и в сером цилиндре, который своими размерами мог бы конкурировать с трубами „Авраама Линкольна“ Сбоку у него висел громадный клистир, а в правой руке он держал огромную деревянную бритву.

Рядом с ним стоял министр финансов Его Величества, костюм которого по красочности мало уступал наряду придворного брадобрея. Он держал в руке большой свиток и важным голосом, напоминавшим голос первого боцмана, читал имена крестников.

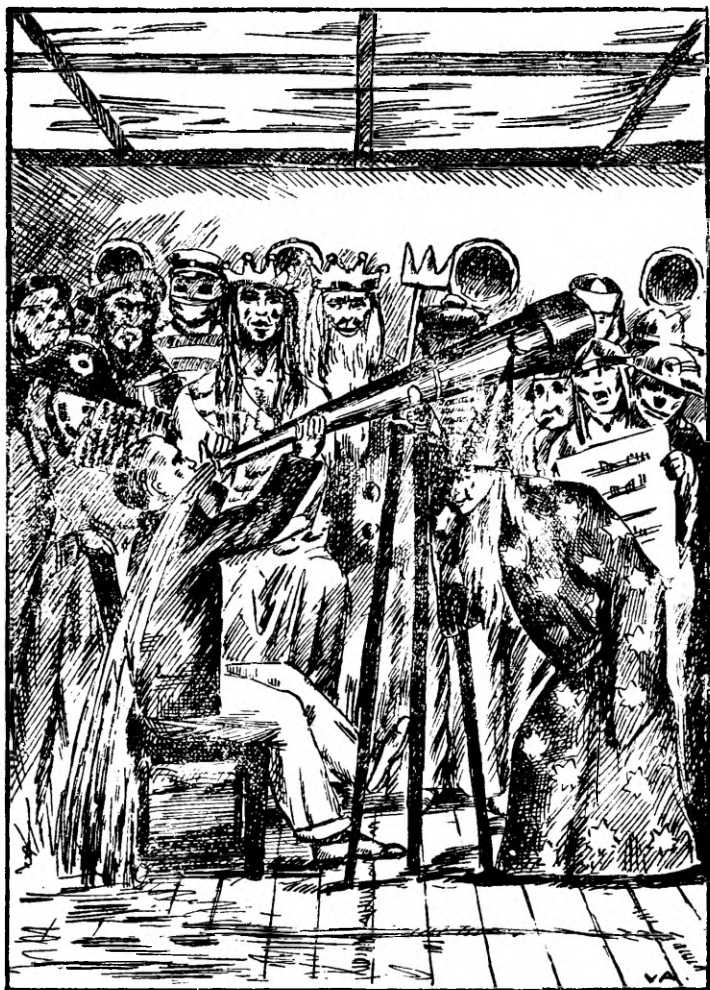
Джон Уоркман услышал и свою фамилию. Одновременно Уэбстер толкнул его в бок.

„Выходите, мистер Уоркман, не портите игры! Всё это лишь забавная шутка!“

Джон Уоркман подошел к группе Нептуна, где придворный астроном встретил его словами: „Его Королевское Величество радо видеть новичка в своей стране. Оно распорядилось, чтобы ему показали в подзорную трубу экватор!“

Джона попросили занять место на стуле, находившемся перед большой подзорной трубой на штативе. Придворный астроном встал позади него. Уоркман увидел в трубе светлое поле, посреди которого было прямая желтая полоса. С ним повторили старую шутку, показав вместо экватора нитку, натянутую перед объективом трубы! Придворный астроном с участием расспрашивал его, достаточно ли ясно и отчетливо видит он линию экватора, и ста-

рательно двигал при этом трубой, как вдруг изрядная порция воды потекла крестнику на лицо и в рукав правой руки, лежавшей на трубе.

Смутившись, он вскочил с места. В этот момент подошел другой министр Нептуна и, объявив,

что экваториальное крещение совершено по всем правилам над американским гражданином Джоном Уоркманом, передал ему свидетельство.

С пассажирами всё обошлось более или менее благополучно. Неиссякаемыми казались трюки, которые придумывались придворными Нептуна, чтобы перехитрить и надуть крестников! Тут был известный рог из раковины, в который крестник обязан был трубить, и при этом неожиданно окачивался водой. Далее — секстант, при помощи которого крестник должен был определить высоту солнца и убедиться, что, действительно, находится на экваторе: в нужный момент этот секстант превращался в фонтан, и т. д.

Наконец, все пассажиры, впервые пересекавшие пресловутую линию, были крещены, и настала очередь команды. Здесь все происходило согласно старому, грубоватому обычаю. Началась работа придворного парикмахера. Крестника усаживали на доску, положенную над бассейном, намыливали беднягу громаднейшей кистью, скоблили его деревянной бритвой и, наконец, резким движением доски сбрасывали навзничь в бассейн.

Это продолжалось до тех пор, пока последний новичек не был принят в подданство Его Величества. Тогда король Нептун под звуки оркестра поваров оставил палубу и вернулся в свое мокрое государство.

„Авраам Линкольн“ продолжал теперь свой путь в Южном полушарии. За эквадорским берегом последовал перуанский, и в Лиме пароход остановился на день. Уэбстер стоял у борта, погруженный в свои думы, и глядел на Анды, которые в этом месте близко подходят к берегу. Когда „Авраам Линкольн“ опять вышел из гавани, Уэбстер указал Уоркману на отдельные выступы и вершины. В этих горах он производил изыскания и многое находил.

„Там, наверху“, сказал он, указывая на высокую вершину, „я нашёл медь и вольфрам. А вон там я находился у подлинных истоков Амазонки.

Здесь, совсем близко, берет свое начало великая река, протекающая через весь континент до Атлантического океана“

Пароход продолжал свой путь. После перуанского увидели боливийский берег. Здесь пароход остановился в Антофагаста, сдал почту, высадив нескольких пассажиров и опять взял курс на юг. Уже два дня они видели чилийский берег на восточном горизонте. Горы становились все выше и, хотя пароход шел далеко от берега, были отчетливо видны.

Джон Уоркман не без дела проводил свои досуги на пароходе. Испанский учебник почти не выходил из его рук. Скоро после проезда через Панамский канал он сделал первый опыт: заговорил по-испански с Уэбстером, который прекрасно владел этим языком. Против ожидания опыт удался. Так опять подтвердилось, что молодой человек со свежей головой, имеющий крепкое желание изучить чужой язык, в сравнительно короткое время осилит эту задачу.

Когда „Авраам Линкольн“, спустя десять дней после проезда через Панамский канал, прибыл в Вальпарайсо, Джон Уоркман вышел на берег куда более уверенным в своем знании испанского языка, чем в Гаванне.

Глава XXXVI.

В Вальпарайсо они сделали по указаниям Уэбстера целый ряд покупок. После этого они поехали по железной дороге дальше на юг. Около Сан Фернандо они оставили поезд, пошли по главной улице маленького городка и остановились у его единственной гостиницы. „*Buenos días*, дон Антонио!“ приветствовал Уэбстер её хозяина, которого он хорошо помнил по своим предыдущим посещениям города.

„*Buenos días, caballeros!*“ ответил на приветствие хозяин. „Опять в наших краях, мистер Уэбстер! Собираетесь в горы?“

„Собираюсь, дон Антонио! Но на этот раз не один, а в компании.“

При этих словах он указал на Джона Уоркмана. — „На сегодня прошу пару хороших комнат и к вечеру приличный ужин: мы 48 часов пробыли в поезде. А завтра займёмся приготовлениями к экспедиции. Живы ли еще те молодцы, с которыми я работал пять лет тому назад?“

Толстый дон Антонио почесал у себя за правым ухом.

„Ваши спутники, мистер Уебстер? Подождите. У вас работали Лопец и Хулиано. Этих молодцов найти нетрудно! Они, кажется, и теперь еще здесь. Но остальные трое, которые были с вами в горах, пропали ..“

„Пропали?“ переспросил Уебстер. „Что это значит? Убиты или погибли в горах?“

Дон Антонио пожал плечами. „Никто этого достоверно не знает, мистер Уебстер! Я сказал бы: убиты, если бы три года тому назад, когда эти люди были в горах, не случилось большого землетрясения.

Особенно тяжелые обвалы были на севере, в высоких Андах, около Аконкагуа. Вы там найдете значительные изменения, а, может быть, и не узнаете некоторых мест! Я боюсь, что и те три парня погибли в горах во время обвалов.“

Уебстер нахмурился.

„Вы открываете мне неважные перспективы, дон Антонио! Надо надеяться, что завтра при дневном свете дело будет выглядеть менее мрачно. Лопеца и Хулиано я хочу видеть завтра же. Передайте им это! А теперь, мистер Уоркман, пойдете ужинать!“

В этот вечер приятели разговаривали еще довольно долго.

„Я замечаю у вас некоторое беспокойство, мистер Уебстер! Что такое случилось? Прошу вас, говорите откровенно! Не обнаружили ли новые обстоятельства, способные помешать нашим планам?“

Уебстер провел рукою по лбу.

„Нет, этого нельзя утверждать, но беда в том, что, может быть, произошли изменения, о которых мы ничего не знаем. Меня мучит неизвестность!“

„Я вас не совсем понимаю, мистер Уебстер! Говорите яснее!“

„Дело очень просто! Вы слышали, что наш хозяин говорил о большом землетрясении, бывшем три года тому назад. Он сказал, что я вряд ли узнаю некоторые места. Вот что меня беспокоит!..“

Джон Уоркман прервал его: „Перед поездкой сюда я читал кое-что по географии и геологии, причём узнал, что землетрясения в Чили — самая обыкновенная вещь.“

„Правильно, мистер Уоркман! Стоит только взглянуть на нашу гостиницу, чтобы убедиться в этом. Тут всё строится в расчёте на постоянные землетрясения. Но большая разница между этими обыденными землетрясениями, на которые никто не обращает внимания, и большими катастрофами, бывающими каждые 10 или 20 лет. В свое время я читал в газетах о большом землетрясении, но как-то не придавал этому значения. Теперь же меня сильно беспокоят его последствия.“

„Вы серьезно думаете, что наши планы могут рухнуть?“

„Право, не знаю! Во всяком случае с возможными изменениями местности мы должны считаться. Поэтому нам следует захватить порядочное количество динамита, чтобы взрывать препятствия, которые могли образоваться вследствие горных обвалов.“

„Хорошо, мистер Уебстер! Динамиту мы, конечно, захватим! При 20 мулах у нас на первое время немало лишней подъёмной силы.“

Джон Уебстер бормотал себе под нос: „Пять туземцев и нас двое . . . семь человек провианта на месяц . . . семь раз тридцать, значит, запасов на двести десять дней . . . на каждый день два кило.. . четыреста двадцать кило палатки инструмен- . . . ты . . . одеяла динамит . . . да, дело пойдет!“

Он обратился к Джону Уоркману: „Нужное ко-

личество динамита мы захватим с собой, Это несколько не нарушит наших прежних расчетов. Но имеется еще один важный вопрос, пожалуй, самый важный! Мы ведь очень рискуем, снаряжая сразу большую экспедицию. Не лучше ли сперва ограничиться совсем маленькой экскурсией в горы, чтобы убедиться, — там ли еще золото?”

„Нет, так мы только потеряем время,“ сказал Джон.

„Верно, мистер Уоркман, мы потеряем в таком случае целый месяц, а это довольно опасно. Если за это время кто-нибудь из моих старых приятелей узнает, что я опять здесь, вся это свора так и набросится на меня!

Преимущество большой экспедиции, разумеется, в том, что мы обгоним других. Кто знает, может быть, нам удастся возвратиться с золотом, прежде чем другие вообще узнают, что мы за ним поехали! Всё это доводы за большую экспедицию. Однако, если нам не повезёт, мы истратим понапрасну большую сумму. Стоит ли зря бросаться деньгами?”

Подумав немного, Джон ответил:

„Кто хочет чего-нибудь достигнуть, должен рисковать! Если мы не найдем ущелья, то, значит, всё вообще дело было ошибкой с нашей стороны. Но если мы тотчас же отправимся в путь, пустив в оборот все резервы, то убыток, в случае неудачи, будет равняться только разнице между тратами на большую и малую экспедицию. Имеется еще одно обстоятельство, на которое вы, мистер Уебстер, не обратили должного внимания. Если в горах произошли какие-либо изменения, большая экспедиция, я думаю, скорей добьётся успеха, чем маленькая. Итак, завтра же отправляемся в путь-дорогу!”

„Совершенно верно, мистер Уоркман! Я с вами согласен. Завтра вечером мы соберем наш караван, а послезавтра рано утром отправимся в горы.“

„Итак, дело решено! А теперь лучше всего пойти спать. Я до сих пор чувствую эту проклятую тряску в вашем допотопном чилийском поезде!“

„Отлично. Buenas noches, дон Хуан!“

Глава XXXVII.

На другой день Джон Уоркман и Джемс Уебстер поднялись спозаранку. Они сразу же начали переговоры с горными проводниками Лопецом и Хулиано, которых прислал к ним хозяин гостинницы, славный дон Антонио. Оба проводника, рослые, закалённые чилийцы с большой примесью индейской крови, с полной готовностью согласились снова поступить на службу к мистеру Уебстеру. Они взяли на себя труд нанять погонщиков и приобрести двадцать добрых мулов. Покупка запасов провианта не могла вызвать никаких затруднений.

Гораздо хуже обстояло дело с приобретением динамита. В чилийской республике действовал очень строгий закон, запрещавший вольную торговлю взрывчатыми веществами и обладание ими без соответствующего разрешения. Между тем Уебстер заявил, что нужно захватить с собой, по крайней мере, 100 килограммов динамита.

„Экое несчастье, мистер Уоркман!“ сказал он упавшим голосом. „Это означает, что мы должны возвратиться в Вальпарайсо, а там начнется страшная канитель! К тому же придется сказать, зачем собственно нужен нам динамит. Ручаюсь головой, что через два часа после этого о нашем плане пронохают мои старые конкуренты, которые немедленно снарядят свою собственную экспедицию.“

Джон Уоркман спокойно выслушал его до конца. „Well, мистер Уебстер, объясните мне, почему в Чили такой строгий закон о взрывчатых веществах!“

„Он издан для предупреждения разных преступлений и несчастий, мистер Уоркман. Вам, конечно, известно, что в Чили сильно развита горная промышленность. Так, в районе Аконкагуа и Кокимбо имеются богатейшие залежи меди, затем на юге находятся серебряные рудники; наконец, на севере целые сотни квадратных миль заняты залежами селитры. И разработка этих богатств повсюду требует применения динамита. Тысячи рабочих изо дня в день

имеют дело с этим веществом, — их карманы полны динамитными патронами! Ведь здешние горняки, конечно, не ангелы. К тому же они очень неосторожны; я сам видел, как зажигали динамитный патрон, чтобы разогреть себе кофе! Адское легкомыслие!

„Неужели это возможно, мистер Уебстер? Динамит, ведь, одно из самых опасных взрывчатых веществ!“

„К сожалению, это правда! Но они ходят там с динамитными патронами в карманах, забывая, что каждую минуту им грозит опасность превратиться в рубленую котлету.“

„С трудом веришь всему этому,“ вставил Джон Уоркман.

„Вы, конечно, знаете, что динамит состоит из нитроглицерина и кремнезёма. При замерзании, которое наступает уже при пяти градусах тепла, нитроглицерин начинает кристаллизоваться и становится тогда чрезвычайно опасным: едва заметное трение кристалликов друг о друга приводит к взрыву. Вот почему рудокопы и наполняют свои карманы динамитными патронами: они хотят предохранить их от замерзания.“

„Вы сказали ещё, что эти люди зажигают иногда патроны, чтобы вскипятить кофе.“

„Да, разумеется! Для того, чтобы произвести взрыв, нужно привести динамит в соприкосновение с капсулей, наполненной гремучей ртутью. Но если вы возьмете патрон без капсули, сдерете с его кончика пергаментную обертку и затем подожжёте спичкой, динамит будет гореть сравнительно медленным пламенем, — словно целлулоид. Так что динамит далеко не всегда так опасен, — все зависит от того, как с ним обращаться.“

„Значит, вполне мыслимо использование динамита для подогревания кофе!“

„Ну, нет! Это все же не так просто! Не раз случилось, что патрон, подожженный для какой-нибудь домашней надобности, неожиданно взрывался. Но рудокопы привыкли к опасности, что конечно весьма

скверно: нет ничего опаснее такой привычки! Люди в подобных случаях становятся до крайности легкомысленными. Однако, мистер Уоркман, этак мы далеко не уедем: я читаю вам целый доклад о динамите, которого нам, повидимому, так и не удастся достать!

Уебстер в изнеможении опустил на качалку и начал быстро шевелить губами: это означало, что он о чем-то усиленно думает.

Джон прервал молчание: „Мне кажется, мистер Уебстер, нам придётся отправиться без динамита, раз чилийские законы запрещают его покупку!“

„Так-то так! Но что же мы будем делать, когда дней через десять взберемся на горы, на высоту четырёх тысяч метров, и увидим, что вход в ущелье закрыт утесами? Ведь голыми руками скалы не сдвинешь!“

„Разумеется, мистер Уебстер! В таком случае мы должны

„Мы должны иметь динамит — вот и всё! Придётся достать его, чорт возьми, в обход законов! Я думаю, нам следует немножко одним словом, нам следует подмазать алькальда! Тогда все будет в порядке.“

„Очень прошу вас, мистер Уебстер, не нарушать законов чилийской республики! То, что нам нужно, мы должны достать законным путем.“

„Само собой разумеется! Предоставьте это дело мне! Я всё устрою. А сейчас советую вам отправиться на вокзал, — там вы вместе с Хулиано примете груз. А я тем временем предприму кое-что для получения взрывчатого вещества.“

За последние недели Джон Уоркман чувствовал с каждым днем все больше доверия к Джемсу Уебстеру. Он был уверен в его честности и опытности. Теперь он решил, что Уебстер нашел вполне законный выход из положения, и спокойно отправился на вокзал.

Ящики с различными инструментами и снаряжением, необходимым для путешествия в горы, уже прибыли из Вальпарайсо. Джон велел их открыть,

упаковать содержимое в небольшие узлы и навьючить на мулов. При этом Джону пришлось воспользоваться своими скудными познаниями в испанском языке, потому что ни проводник, ни тем более погонщики ни слова не знали по-английски. К тому же, нужно было прилагать много усилий, чтобы понять их трудный испанско-индейский жаргон.

В это самое время Джемс Уебстер и второй проводник Фернандо Лопец сидели в харчевне вместе с некой третьей личностью. Дон Карло, — так называли здесь этого человека, — служил в находящемся поблизости медном руднике.

„Хорошо, сеньор,“ сказал дон Карло, „раз дон Фернандо рекомендует вас, — я рискну. Вы получите семьдесят пачек в три кило, — итого двести десять кило динамита, сто капсюль и один километр зажигательного шнура. За кило динамита считаю по двадцать пезо. А капсюли и шнурок пойдут в придачу.“

„Это слишком дорого, сеньор Карло!“ Джемс вскочил и начал страстно жестикулировать. „Я совсем бедный человек, — едва собрал деньги на экспедицию. Пять пезо за кило — самая высшая цена!“

Тут вскочил дон Карло и начал клясться Пресвятой Девой и всеми угодниками, что никак не может уступить дешевле.

Джемс Уебстер отлично знал, что динамит достался дону Карло даром, — он просто украл его из рудника, и единственный расход, который ему предстоял, — был могарыч Лопецу за устройство этого дельца.

Уебстер решил, что заплатит половину требуемой суммы, и, поэтому, по старому чилийскому обычаю, давал для начала только четверть цены. Целый час они бешено торговались, — жестикулировали, призывали святых, клялись. Наконец, ударили по рукам. Сговорились на десяти пезо за кило, но и это, по мнению Уебстера, было еще слишком дорого.

Дон Карло получил задаток в размере ста пезо. Вместе с Лопецом, он должен был ночью подь-

ехать к гостинице с четырьмя нагруженными динамитом мулами. После предварительного осмотра товара, ему обещано было уплатить остальные деньги. Окончив переговоры, они разошлись.

Когда Джон возвратился домой, его компаньон не решился сказать ему всю правду. Он уклончиво объяснил, что получил кое-что — и этого, мол, с грехом пополам хватит на их экспедицию! Вполне доверяя Уебстеру, Джон не поинтересовался узнать подробности этого дела.

Глава XXXVIII.

Уже восемь дней их караван находился в пути. Сперва им пришлось продвигаться среди цветущих полей и роскошных виноградников. Но вскоре картина изменилась. Дорога начала подниматься вверх. На горизонте, к востоку, показалась зигзагообразная линия гор. Вместо полей повсюду расстилались леса, сначала — тропические, а потом, когда они поднялись выше, — северные. Замелькали дубы, затем ели и, наконец, сосны.

Направление определял Джемс Уебстер, который почти не расставался с компасом, анероидным барометром и секстантом.

На девятый день они перешли границу лесной полосы, — выше деревья уже не могли расти. Дорога стала сплошь каменистой. Лишь кое-где попадались горные луга, едва годные для пастбища. Еще перед заходом солнца они сделали привал, развернули палатки и вынули посуду. Джемс Уебстер заварил парагвайский чай.

„Какой ужасный, горький напиток!“ сказал Джон, „он несравним с китайским чаем.“

„А по моему разница в сущности не велика, мистер Уоркман, — в одном имеется теин, а в другом — кофеин, и уверяю вас, оба действуют одинаково.“

Однако, только после долгих уговоров, Джон согласился отхлебнуть этой светло-зеленой жидкости, называемой здесь „чаем“

„Что это собственно за зелье, мистер Уебстер?“ спросил он, „его пьют и в дорогих ресторанах Вальпарайсо и в жалких хижинах индейцев!“

Джемс Уебстер вынул из пакетика щепотку и протянул ее Джону.

„Это — порошок матэ. Его варят в воде. Получается парагвайский или, как его еще называют, „иезуитский“ чай.“

Джон понюхал зеленый порошок.

„Гм пахнет неплохо, но на вкус — отвратительная штука!“

„Этот порошок готовят из листьев колючего пальмового дерева. Листья эти высушивают, и когда они становятся совершенно хрупкими, их перемалывают на особых мельницах. Но свежий порошок очень скверно пахнет. Ему надо перебродить, — только тогда он приобретает приятный аромат.“

Джон Уоркман, еле преодолевая отвращение, выпил стакан „иезуитского“ чая.

„Благодарю вас за разъяснения! Но напиток всё-таки не доставляет мне никакого удовольствия!“

Уебстер рассмеялся. „О вкусах не спорят, мистер Уоркман! В порошке матэ пол-процента кофеина. По-моему, он очень освежает! Пальма, из листьев которой его готовят, растёт здесь повсюду. Вот почему матэ имеет такое распространение.“

Уебстер зажег ацетиленовую лампу и повесил ее на шест в палатке. Солнце уже давно зашло, и кругом стемнело. Затем он разложил на складном столе потрепанную карту местности. На ней были изображены Анды южнее Арауко, недалеко от аргентинской границы. Эта карта уже давно служила Уебстеру, — он отмечал на ней все свои путешествия по горам. Затем он взял в руки anerоидный барометр. На его скале отмечалась высота над уровнем моря. Стрелка показывала 3.100.

„Я хорошо знаю эту местность, мистер Уоркман! Пять лет тому назад мы сделали привал как раз в этом месте.“

И он указал точку на карте: там стояла отметка крестиком, число 3100 и дата.

„Мы сейчас находимся на верхней границе лесного пояса. Завтра мы будем вот здесь,“ и он провел пальцем по линии, которая в двух местах была также помечена крестиками.

„Во время завтрашнего привала нам придется запастись травой для мулов, так как дальше — на высоте трех с половиной тысяч метров — нет больше лугов. А послезавтра мы придем вот сюда — здесь мы оставим наших проводников и, захватив двух мулов, отправимся в известное место. А что будет дальше, увидим!“

„Вы сказали, мистер Уебстер, что узнаете хорошо всю округу. Значит, ваши страхи относительно землетрясения были безосновательны “

Джемс Уебстер помолчал. Затем он сказал, произнося слова с расстановкой:

„Вы заблуждаетесь, мистер Уоркман. По дороге я заметил много изменений, которые меня испугали. Может быть вы припоминаете, — позавчера мы проезжали мимо большого озера? “

„Да, помню. Что же случилось с этим озером?“

„Пять лет тому назад этого озера вообще не существовало! Вместо него была широкая долина, по дну которой протекал жалкий ручеек. Озеро образовалось вследствие землетрясения. Может быть, нас ждет подобная же неожиданность и там, куда мы едем.“

Вдруг Джон услышал глухой шум и почувствовал легкое колебание почвы под ногами. Казалось, где-то недалеко промчался поезд. Потом опять все смолкло. Только слегка покачивалась лампа, повешенная на шесте. Как только послышался этот рокот, Джемс Уебстер вскочил и начал беспокойно прислушиваться.

„Что с вами, мистер Уебстер, что случилось?“

Уебстер стоял все в той же напряженной позе. Он ответил только после того, как Джон повторил свой вопрос:

„Это было землетрясение. Явление, весьма обычное в здешних местах.“

„Что вы, мистер Уебстер? А мне показалось, что это поезд проехал!“

Джемс Уебстер не мог сдержать улыбки.

„Милый мистер Уоркман! Вы, кажется, совсем забыли, что ближайшая железная дорога отстоит от нас на сто пятьдесят километров. По звуку это сотрясение почвы, действительно, напоминает грохотанье поезда. Такие колебания почвы неопасны и бывают раз пятьдесят в году, то-есть почти каждую неделю!“

„Неужели так часто?“

„Да, но это не настоящие землетрясения, не terremotos! Иногда, впрочем, вслед за таким легким колебанием происходит настоящее землетрясение! Почва начинает колебаться, как взбаламученное море; грохочет подземный гром. Каждую секунду ждёшь, что земля расступится, и тебя поглотит бездонная пропасть!“

„Вот как! А я и не знал, что здесь так опасно,“ удивился Джон.

„Очень опасно, мистер Уоркман. Мы все живем здесь, словно сидя на пороховой бочке. Чили вообще классическая страна землетрясений. Бывали случаи, когда целые провинции подвергались разрушению. В 1822 году вся береговая полоса около Вальпарайсо, — на протяжении ста километров, — поднялась на один метр вверх. После этого и Вальпарайсо и все города в округе обратились в груды развалин.

Во время землетресения 1751 года весь город Концепцион погрузился в море. Его вновь отстроили, но в 1835 году он был опять разрушен. Да, мистер Уоркман, чилийцы не могут пожаловаться на скуку, — жизнь их полна разнообразия! То здесь terremoto, то там. Земля — то подымается ввысь, то опускается в море! Но бывает и в другом роде. Так, например, в 1847 году, в провинции Талька целое поле в несколько квадратных километров — в продолжение двадцати четырех часов постепенно поднималось на

сто метров вверх. Затем, из развороченных глыб земли образовался вулкан, который несколько недель подряд выбрасывал кипящую лаву, чадил и дымился. Затем почва снова опустилась.

Да, мистер Уоркман, кто долго жил в Чили, тот видел и пережил многое! — Здесь часто происходят не только политические, но и геологические волнения! Поэтому только через три дня мы сможем узнать, цело ли еще наше сокровище."

Г л а в а XXXIX.

Утром, на одиннадцатый день путешествия, экспедиция расположилась лагерем в небольшом ущелье, защищённом от холодных ветров крутыми скалами. Невдалеке протекал маленький горный ручей. Оставив караван на попечение Лопеца и Хулиано, Уебстер и Уоркман нагрузили двух мулов всевозможными инструментами, провиантом и 20 килограммами динамита. Чтобы предохранить от замерзания остальной запас взрывчатого вещества, Уебстер запрятал его в небольшую пещеру, тогда как патроны, навьюченные на спины мулов, он заботливо прикрыл теплым шерстяным одеялом; вообще всю дорогу ему приходилось думать о динамите, так как на горных высотах становилось все холоднее.

Наконец, наступил момент отъезда. Сделав последние распоряжения, Уебстер и Джон поехали по узкой тропинке, круто поднимавшейся вверх. Через несколько часов они заметили в утесе узкую расщелину. Уебстер внимательно оглядел ее и вздохнул с облегчением.

„До сих пор не заметно никаких изменений! Повидимому, землетрясение пощадило эту местность. Если и дальше все окажется на прежнем месте, мы уже через час будем у цели.“

Затем они молча въехали в темный и сырой проход, образуемый расщелиной.

Вдруг Уебстер остановил своего мула. Страшное проклятие сорвалось с его уст. Они находились

перед обломком скалы вышиной в десять метров: тропинка упиралась в отвесную стену!

„Как быть, мистер Уебстер?“ спросил Джон. Но его спутник молчал. Наконец, он вышел из своего оцепенения, сбросил с мула один пакет и вынул из него инструменты.

„Что вы хотите делать, мистер Уебстер?“

„У нас только два пути для преодоления этого неожиданного препятствия. Первый: выбивать в скале ступеньки; это — очень трудная и утомительная работа. Второй путь, если только нам повезёт, скорее приведёт к цели. Да, меня не обманывало предчувствие, когда я захватил с собою ракету!“

С этими словами он вытащил из пакета крепкий канат длиной в шестьдесят метров, распутал его и через короткие промежутки начал делать на нем узлы и всовывать в них деревянные палочки. Окончив эту работу, он установил на штативе небольшой железный аппарат, вложил в него ракету с привязанным к ней канатом и поджёг её. Ракета зашипела, вспыхнула и взлетела кверху, увлекая за собою канат, который лёг своим передним концом на вершину утёса.

„Теперь, мистер Уоркман, давайте молить небо, чтобы канат зацепился там наверху!“

И он начал медленно тащить его вниз. Вдруг — препятствие! Канат натянулся. Уебстер изо всех сил потянул его к себе и — повис в воздухе. Канат выдержал его тяжесть!

„Удача, мистер Уоркман!“ сказал он, выпуская из рук верёвку, „плохо только, что нам не удастся взять с собою мулов, а впрочем — и то хорошо! Могло быть хуже“

Уебстер разгрузил мулов и бросил им сена. Затем, уложив в два маленьких узла инструменты и провиант, он стал взбираться вверх по канату.

„Когда я буду наверху, вы привяжете к веревке наши узлы, и я втащу их на скалу. Затем полезете вы!“

Через две минуты Уебстер был уже почти на вершине скалы. Вдруг он побледнел и вскрикнул;

однако, вполне благополучно взобрался на самую верхушку.

„Алло, мистер Уоркман, теперь привяжите к канату нашу поклажу!“

Один за другим он поднял оба узла.

„Алло, мистер Уоркман, теперь полезайте сами!“
Джон быстро и ловко вскарабкался по канату, — бедные мулы смотрели на него с недоумением! Очутившись рядом с Уебстером, он спросил его:

„Что было с вами? Почему вы так побледнели во время подъема?“

„Я чуть было не сломал себе шею! Будучи уже почти на самой верхушке, я заметил что канат ослаб. Только чудом спасся! Но теперь всё в порядке и дальше все пойдет хорошо! После землетрясения с существенных изменений не произошло.“

Уебстер отвязал канат, сложил его и взвалил на плечи.

„Идёмте, мистер Уоркман! Но будьте поосторожнее, — здесь не трудно переломать себе кости!“

Дальше ущелье было завалено целым рядом каменных глыб, по которым они взобрались на сто метров выше. Затем показалась другая горная расщелина — шириной меньше чем в один метр, и с совсем отвесными стенами.

„Здесь мы должны вскарабкаться наверх. Я опять отправлюсь вперед. Необходимо подняться только на сорок метров. Потом я втащу нашу поклажу и, наконец, вас.“

Упираясь руками в обе отвесные стены расщелины и усиленно работая локтями и коленями, Уебстер начал медленно взбираться наверх. Джон смотрел на него с изумлением. Уебстер показал теперь все свое проворство, — не даром большую часть жизни он провел в поисках драгоценных металлов! На несколько мгновений он исчез из виду, затем опять показался между уступами и крикнул:

„Привяжите поклажу!“

Узлы с инструментами и провиантом начали медленно подниматься ввысь.

„Алло, мистер Уоркман, теперь обвяжите себя веревкой, — так, чтобы она проходила подмышками!“

Джону это предложение не пришлось по вкусу. „Уебстер гораздо старше меня,“ думал он, „а между

тем он всё время берет на себя самое трудное, самое опасное.“

Он закинул голову и громко крикнул:

„К чему это, мистер Уебстер? Ведь вы же сами вполне самостоятельно взобрались наверх!“

„Нет, нет, мистер Уоркман, слушайте меня! Иначе вы сломаете себе шею!“

Джон последовал совету своего старшего товарища, — обвязал себя канатом и затем стал подниматься, всё время цепляясь за стены расселины, чтобы Уебстеру было легче тащить его. Через несколько минут он уже стоял на небольшом выступе скалы, откуда вёл узкий и низкий ход внутрь горы. Уебстер зажег ацетиленовую лампу. Ее яркий свет озарил низкие своды корридора, по которому они должны были идти согнувшись. Стены его были черные и блестящие.

„Что за странная горная порода, мистер Уебстер! Я никогда не видывал ничего подобного!“ Они на минуту остановились.

„Это — базальт, мистер Уоркман! Его здесь не очень-то много. В этих горах преобладают кварцевые породы, которые образовались гораздо раньше базальта. Пять лет тому назад я хорошо изучил эту местность и пришел тогда к выводу, что изринутые из земных недр огненные потоки базальта не имели достаточно силы, чтобы пробить верхние слои кварца... Однако, двинемся дальше!“

Проход становился все уже и всё ниже, так что они уже не шли, а пробирались ползком. Вдруг они уперлись в стену. Дальше идти было некуда.

„Что же теперь?“ спросил Джон.

„Теперь мы почти у цели, мистер Уоркман!“

Уебстер положил свой узел на землю и достал из него молот и железный брусок. Несколькими сильными ударами вогнал он железо в каменную стену. Целый базальтовый столбик отлетел в сторону. Затем он начал вколачивать железо между другими колоннами базальта. Джон заметил, что ломкость базальта в этом месте не соответствовала нормальным свойствам этой горной породы. Пови-

димому, проход был искусственно закрыт небольшими базальтовыми глыбами, чтобы человеку непосвященному не могло прийти в голову, что путь по этому корридору имеет продолжение.

В первый раз да, в первый раз за всё время их знакомства услышал Джон громкий, радостный смех Уебстера!

„Ах, гора с плеч, мистер Уоркман! Это ведь я завалил проход базальтом, и вот пять лет прошло с тех пор — и ничего не изменилось! Скоро доберемся и до самого золота!“

Он уложил инструменты в узел и осторожно пробрался через образовавшееся в стене отверстие. Дальше проход становился несколько шире. Но идти по нему было еще труднее, так как повсюду лежал базальтовый щебень. Уебстер отошел со своей ацетиленовой лампой куда-то в сторону. Джон очутился на мгновение в полной темноте. Затем его спутник крикнул: „Скорей ко мне, мистер Уоркман!“

Джон стал осторожно пробираться в направлении голоса.

„Как это вы находите дорогу, мистер Уебстер? Мне уже кажется, что мы никогда не выберемся на свет Божий!“

Его спутник усмехнулся. „У меня здесь всюду сделаны пометки. Но никто другой, конечно, не может, да и не должен заметить оставленные мною следы!“

Картина несколько изменилась. Правая стена корридора была уже не из базальта, а из какого-то голубовато-серого камня.

„Здесь начинается область кварца,“ пояснил Уебстер.

Они прошли еще несколько шагов. И вот, на голубовато-сером фоне кварца Джон заметил тускло-мерцавшую желтую жилу. В начале она была толщиной с палец, затем достигала ширины ладони и тянулась на протяжении около двадцати метров.

„Что это такое?“ спросил он Уебстера.

„Золото, мистер Уоркман, чистое золото! От-

сюда и происходит тот самородок, о котором я рассказывал вам еще в Нью-Йорке!

„Чистое золото! как много его здесь! и никому оно не принадлежит!“

„Принадлежит тому, мистер Уоркман, кто его первый найдет и возьмёт себе. Так всегда добывалось золото!“

Уэбстер сбросил свой узелок на землю и зажег вторую ацетиленовую лампу.

„А теперь за работу, мистер Уоркман! Будем работать, пока хватит сил! Динамита здесь нельзя применить — слишком тесно! Сейчас я вам покажу, как следует добывать золото“

Уэбстер скинул куртку и жилет.

„Мы должны освободить жилу из горной породы,“ с этими словами он вынул зубило, приставил его к камню и стал ударять тяжелым молотом. Посыпались искры. Куски кварца так и отлетали под сильными ударами, от которых содрогался воздух. Золотоносная жила понемногу обнажалась. Обильный слой золота довольно глубоко уходил в скалу.

„Я бы не убеждал вас приехать сюда, если бы не был уверен в ценности своей находки,“ сказал Уэбстер. Он отломил несколько кусков золота и осторожно положил их на расстеленное одеяло.

„Возьмите-ка в руки,“ сказал он, протягивая Джону сравнительно небольшой самородок. Но тот чуть не выронил его из рук: он весил значительно больше пуда.

„Да, да, мистер Уоркман,“ ухмыльнулся Уэбстер, которого забавлял удивленный вид Джона, „чистое золото! Удельный вес — 19. В девятнадцать раз тяжелее воды!“

Джон Уоркман бережно держал самородок обеими руками и говорил как бы про себя: „Здесь — приблизительно двадцать кило, а кило стоит 670 долларов, значит, двадцать кило — 13 400 долларов.“

„Верно, мистер Уоркман, — именно столько, то-есть больше половины той суммы, которую вы дали для устройства нашей экспедиции. И, как видите, этого добра здесь немало!“

У Джона началась настоящая золотая лихорадка; Он схватил зубило и с ожесточением принялся вколачивать его в скалу. Посыпались искры, полетели осколки, — обнажился новый слой матово-желтого металла. Так работали они долго, забыв обо всём на свете и радуясь всё возрастающей груде драгоценных самородков

„Становится темно,“ сказал Джон после долгой паузы. Уэбстер оторвался от работы. Действительно, одна из ламп горела совсем тускло. Он вынул часы.

„Теперь я понимаю, в чем дело. Знаете ли вы, который час?“

„Четыре часа“ — ответил Джон, „значит, всего только два часа тому назад мы покинули наш последний привал. Нет, это невозможно!“

„В том-то и дело, мистер Уоркман, что мы вышли оттуда четырнадцать часов тому назад! Здесь мы работаем уже в продолжение восьми часов. Сейчас, конечно, не четыре часа пополудни, а четыре часа утра! Нам необходимо поесть и поспать, но прежде всего следует наполнить лампы, а то скоро потухнет и вторая.“

Джемс Уэбстер отложил инструменты в сторону и наполнил лампы карбидом и водой, но из экономии он зажег только одну из них. Сняв рефлектор, он повесил над лампой котелок с водой. А Джон все еще продолжал работать, не думая об отдыхе. Тогда Джемс Уэбстер чуть ли не силой вырвал у него молоток и зубило.

„Не слишком увлекайтесь, мистер Уоркман! Послушайтесь старого опытного золотоискателя! Теперь нам следует поесть, а затем — хорошенько выспаться! После этого мы с новой силой примемся за работу!“

Уэбстер вынул пакетик с парагвайским чаем и бросил щепотку в кипящую воду. Затем из бездонных карманов своего плаща он извлек коробку консервов, которую проколол стальной иглой: тотчас же в особом отделении коробки последовало смешение воды с негашеной известью. Ровно через пять минут он открыл коробку и выложил содержимое в

миску: аппетитно-пахнущее дымящееся фрикассе и овощи.

„Кушайте на здоровье, мистер Уоркман, — небось проголодались! Ублажите душу и тело пищей и питием!“ И он начал уплетать за обе щеки. Джон последовал его примеру. Он также быстро опорожнил свою миску. Затем они выпили по чашке иезуитского чая, который на этот раз показался Джону совсем не таким отвратительным.

„А теперь — спать!“ воскликнул Уебстер. Он накрылся шерстяным одеялом, подложил под голову плащ и через несколько секунд заснул. Но Джон Уоркман задремал не сразу. Он был слишком взволнован впечатлениями. — Долгий путь через леса и дубри. Проникновение в это величественное царство гор. Наконец, — золото, очень много золота!!

Ему припомнилось детство. Перед его глазами встал образ давно умершего Чарли Бекерса. Что написал этот мальчуган на первой странице своей записной книжки? — Чарли Бекерс, миллионер! Да, не посчастливилось бедняге! .. Но он, Джон Уоркман, будет миллионером! У него будет золото, будут миллионы, для того, чтобы иметь власть, творить добро, помогать бедноте, привести в исполнение все свои заветные мечты! Джон Уоркман, миллионер!

Г л а в а XL.

В то самое время, когда Джемс Уебстер безмятежно спал, а Джон Уоркман грезил о миллионах в чилийских горах, двое директоров компании „Вольфрам“, мистер Финнигэн и мистер Мэрфи, беседовали в роскошном кабинете правления, в Вальпарайсо.

„Мы с вами, Мэрфи, сидим здесь уже целых две недели и все ждём чего-то! Между тем до сих пор нет никаких известий. Надо было сделать так, как я предлагал: тотчас же послать экспедицию, чтобы ни на минуту не упускать из виду нашего друга Уебстера! А теперь мы находимся в полном

неведении. Создается впечатление, что Уебстер и его люди провалились сквозь землю!“

„Я не знаю, чего вы еще хотите, Финнигэн? Дело приняло совсем неплохой оборот. Какое счастье для нас, что Лопец тотчас же протелеграфировал нам! Ах, этот добрый, старый Лопец! Он не забыл, что многим обязан нашей компании!“

„Все это прекрасно, Мэрфи! Но, как видите, — результат плачевный! Мы дали Лопцу аппарат Морзе, но он не подает никаких признаков жизни!“

„Вы слишком нетерпеливы, Финнигэн. Вспомните наши переговоры с Лопцом! Пока все участники экспедиции в сборе, Лопец, разумеется, не имеет возможности установить свой аппарат. Уже то достойно удивления, что ему удалось незаметно упаковать его! Ведь, Уебстер ничего не заметил, как и его спутник. Вы, вероятно, слышали про него? Некий Уоркман из Нью-Йорка.“

„Ах, Мэрфи, этот Уоркман совсем еще желторотый птенец! Но Уебстера нельзя недооценивать! Правда, Лопец написал нам, что всё в порядке. Однако, кто знает? — может быть, Уебстер уже на второй или третий день открыл всю нашу махинацию и принял соответствующие меры?“

„Осложнения, конечно, возможны. Но Лопец — старая лисица; его не так легко провести! Он выждет момента, когда Уебстер и его спутник отправятся к местонахождению золота. После этого Лопец и протелеграфирует нам, а мы, в свою очередь, сделаем заявку о нахождении залота. Так что нам даже не нужно будет покидать Вальпарайсо.“

„Разумеется, Мэрфи! Но я все же боюсь — как бы Уебстер не успел забрать с собой львиную долю добычи!“

„Ах, Финнигэн, не беда, если ему удастся воспользоваться несколькими килограммами, — больше мы ему все равно не дадим! А самое главное — нам следует сделать заявку прежде Уебстера. Но для этого, конечно, необходимо, чтобы Лопец во-время информировал нас.“

С этими словами Мэрфи открыл шкаф и вынул

из выдвижного ящика аккуратно перевязанную пачку каких-то листков.

„Смотрите, Финнигэн, — уже всё приготовлено! На этих листках уже написано, что нам удалось найти золотиносный кварц. Остается только обозначить место находки. Так что уже через полчаса по получении телеграммы от Лопеца, я буду в министерстве и сделаю заявку.“

„Будем надеяться, Мэрфи, будем надеяться!“

Финнигэн встал и подошел к небольшому приёмнику беспроволочного телеграфа.

„Да, Мэрфи, будем надеяться, но я успокоюсь только тогда, когда здесь вот начнет двигаться этот рычаг — и простукает нам послание от Лопеца!“

Глава ХLI.

Джон Уоркман услышал сквозь сон голос Уебстера.

„Алло, мистер Уоркман Вставать пора! Одиннадцать часов утра.“

Лишь через несколько секунд Джон окончательно пришел в себя. Разве не видел он только что Чарли Бекерса? Уебстер протянул ему миску. — „Сперва позавтракаем, а потом опять за работу! Через восемь часов мы высвободим целиком всю жилу!“

После вчерашней тяжелой работы у Джона ломило все тело. Тем не менее он сызнова начал вколачивать зубило в каменную стену. Иногда ему казалось, что вот — вот он упадет от усталости. Но пример неутомимости, с которою работал его товарищ, давал ему новые силы. Он отлично понимал, что имело смысл работать только вдвоем. Ни один из их спутников не должен был видеть мерцания этого золота! В противном случае, ни ему, ни Уебстеру не удалось бы выбраться из этих гор живыми.

Один час проходил за другим. Молотки стучали попрежнему. Наконец, последние куски золота были сложены на одеяло. Глубоко вздохнув, Уебстер отбросил молоток в сторону и вытер с лица пот.

„Я думаю, мистер Уоркман, что у нас приблизительно две тысячи кило чистого золота — или полтора миллиона долларов. Значит, каждый получит по три четверти миллиона — если только мы благополучно выберемся в Вальпарайсо и дальше“

Джон посмотрел себе на руки, — они были сплошь покрыты мозолями.

„Итак, мистер Уебстер, самое трудное мы уже сделали!“

Тот покачал головой.

„Самое трудное впереди! Нам нужно еще дотащить эти две тысячи кило до того места, где мы оставили мулов. Но сейчас нам придется совершить еще одну маленькую экскурсию.“

С этими словами Уебстер взял лампу и пошел по подземелью вперед. Он несколько раз останавливался и указывал Джону на тонкие золотые жилки в кварце. В этих местах, правда, не было сосредоточено столько золота, сколько его было в первой жиле, но все же сеть золотых узоров располагалась иногда на пространстве в несколько квадратных метров.

„Мы забрали самый лакомый кусок, мистер Уоркман! Но здесь остается еще немало. Золотоискатели Южной Африки застыли бы от изумления, если б им пришлось увидеть эту кварцевую породу!“

Дорога все время шла в гору. Понемногу в проходе становилось светлее: чувствовалось, что где-то недалеко — выход из подземелья.

„Остановитесь, мистер Уоркман, остановитесь!“ закричал Уебстер. „Будьте осторожны! Иначе вам не поможет все золото мира! Здесь невдалеке пропасть.“

Вскоре они вышли на небольшой каменистый уступ. В нескольких шагах от них — на пятьсот метров вниз спускалась отвесная стена. Где-то на дне бездны шумел горный поток. Перед ними растянулась чудесная панорама горной цепи, исчезавшей на западе в голубой дали.

„Если бы у нас имелась подзорная труба“, сказал Уебстер, „мы могли бы отсюда увидеть море. Видите,

там две вершины, а между ними долина. В этой долине мы оставили наших людей. Да, очень жаль, что у нас нет подзорной трубы! А то мы увидели бы, что они там делают без нас. Well, мистер Уоркман, я привел вас сюда, чтобы вы имели представление о величине золотоносного участка, который нам нужно будет заарендовать. Нам придется организовать большое общество для эксплуатации золотых жил, которые здесь гораздо богаче, чем в Южной Африке. А теперь давайте обедать!

Уэбстер опять вытащил из своей котомки консервы и пакет с парагвайским чаем. Пообедали тут же, — на свежем воздухе, под лучами полуденного солнца. Затем снова зажгли лампы и отправились обратно — в глубь горы. Через два часа они уже были на прежнем месте.

Уэбстер разрезал на части все имевшиеся у них шерстяные одеяла и стал завёртывать в лоскуты золотые самородки. Узелки получились небольшие, но в каждом из них было по 25 кило золота. Несколько часов потратили они на эту работу. Затем опять закусили и легли спать. Наконец, началась переноска золота. Так как каждый из них мог брать с собой лишь по узлу, а таких узлов было всего восемьдесят, то им пришлось сорок раз проделать один и тот же трудный путь. На это ушло около шестидесяти часов.

Теперь золото лежало у выхода из подземелья. Затем, в продолжение двадцати часов, они спускали узлы с золотом по канату. Джон чувствовал, что совсем изнемогает, — тем более он удивлялся силе и выносливости своего старшего спутника. Когда всё их сокровище, — две тонны чистого золота, — лежало на дне ущелья, Уэбстер бросился ничком прямо на голую скалу и моментально заснул. Джон последовал его примеру.

Спали только два часа, после чего Джеймс Уэбстер по-братски разделил с Джоном остатки консервов.

„А теперь отправимся к нашим мулам! Мы уже более пяти дней в отлучке.“

Наконец, они возвратились в первое ущелье. Мулы уже успели доестъ последние остатки сена.

Тут они хорошенько отдохнули.

Затем Джемс Уебстер извлёк спрятанные в расщелине динамитные патроны и сказал:

„Теперь они нам больше не нужны!“

Через несколько минут последовал оглушительный взрыв небольшого утеса, преграждавшего им путь.

„На сѣдла, мистер Уоркман! Едем назад!“ И он навьючил на мулов оставшийся багаж.

„А золото, мистер Уебстер? Разве мы не возьмем с собою золота?“

Старый золотоискатель усмехнулся.

„Если в лагере увидят наши сокровища, у нас их несомненно отнимут и, может быть, даже нас убьют! Уж лучше оставим наше золото здесь!“

Джон Уоркман чувствовал к Уебстеру все больше доверия, хотя познакомился с ним всего каких-нибудь несколько недель тому назад. Теперь он окончательно решил, что и впредь будет работать рука об руку с Уебстером. Он подъехал к своему спутнику и крепко пожал ему руку. Тот посмотрел на него с изумлением.

„Алло, мистер Уоркман! Что это значит?“

„Мне хотелось сказать вам, мистер Уебстер, что нам следует и впредь дружно работать вместе, — до самого конца!“

„Конечно, мистер Уоркман, то-есть до тех пор, пока мы не доставим наше сокровище в безопасное место.“

„Нет, мистер Уебстер, я хотел бы сотрудничать с вами и потом: сообща сделать заявку и совместно разрабатывать золотоносную кварцевую породу.“

Джемс Уебстер пристально посмотрел на Джона. Затем он крепко и сердечно пожал ему руку.

„Если вы желаете этого честно и благородно, то я согласен. Будем всегда работать вместе!“

Глава XLII.

Полуденное солнце ярко светило в долине, где расположились лагерем остальные участники экспедиции, поджидавшие возвращения обоих вожаков. Кругом лениво бродили или лежали мулы. Погонщики-индейцы находились в полном бездействии. Они возлежали где-нибудь в тени в своих живописных костюмах, курили, сплевывали и время от времени отхлебывали по глотку парагвайского чая.

Оба кабаллеро, сеньор Лопец и сеньор Хулиано, решительно ни к чему их не принуждали. Испанцы почти весь день проводили в ущелье, где главари экспедиции оставили свою поклажу.

Мистер Мэрфи и мистер Финнигэн сделали в лице Лопца не совсем удачный выбор. Правда, он изо всех сил старался оправдать оказанное ему доверие. Но толку выходило мало. Несмотря на то, что он получил из Вальпарайсо подробное руководство для изучения беспроволочного телеграфа, ему никак не удавалось вникнуть в устройство аппарата Морзе. На другой день после отъезда Уебстера и Уоркмана он во всем открылся своему товарищу Хулиано, который с радостью согласился принять участие в предательстве. Он был очень доволен, что теперь его заработок увеличится вдвое.

Уже два дня они возились в ущелье с аппаратом. Наконец, им удалось-таки привести в движение маленький бензиновый мотор, который был не больше коробки из-под сигар. Машинка зажужжала, и тотчас же начали двигаться соединенные с ней крохотные динамо-машины.

„Сагамба!“ выругался вдруг Хулиано. Он подскочил чуть ли не на метр в воздух и изо всей силы треснул об скалу: он только что нечаянно приронул к полюсу маленькой динамо-машины и получил удар в четыре тысячи вольт. Сеньор Хулиано, конечно, умер бы на месте, если бы дотронулся и до другого полюса.

„Сагамба! Сагамба!“ ругался он и с ужасом смотрел на огромный волдырь, вздувшийся на его

руке. Лопец подбежал к своему пострадавшему товарищу. „Не так страшно, Хулиано! Давай работать дальше! А пока на время остановим машинку.“

Хулиано еще раз выругался и подошел к маленькому столику, на котором горела ацетиленовая лампа. Около неё лежали передаточные трубки беспрОВОЛОЧНОГО телеграфа. Маленькие динамо-машины насыщали их анодным током высокого напряжения. Сеньору Лопецу удалось, наконец, соединить эту аппаратуру с машиной.

„Santa Madre!“ продолжал бормотать Хулиано. „Santa Virgine! Это—дьявольская игрушка! Твои грингосы из Вальпарайсо прислали тебе проклятую дьявольскую игрушку! Нам не совладать с ней!“

„Мы должны совладать с нею, Хулиано! Подумай только: каждому из нас господя обещали по тысяче пезо. Мы должны послать им телеграмму. Тысяча пезо, Хулиано, это ведь не шутка!“

Упоминание о деньгах заставило Хулиано забыть о пережитых страданиях. Он начал усердно помогать своему приятелю. Вдруг сеньор Лопец так и подскочил от восторга.

„Готово, Хулиано! Почти готово! Через полчаса мы пошлем телеграмму Тысяча пезо, Хулиано! Каждый из нас получит по тысяче пезо!“

Казалось, они преодолели, наконец, все трудности. Им удалось кое-как разобрать схему беспрОВОЛОЧНОГО телеграфа, которая была дана в присланном им руководстве. Теперь они могли уже без особого труда собрать отдельные части аппарата.

„Дело идет на лад, Лопец! Santa Maria...“ бормотал Хулиано, „осталась только . антенна, Лопец, антенна... что это за штука? Я ничего не понимаю“

„Антенна, Хулиано, — это длинная проволока, которая у меня здесь в ящике. Мы должны соединить её с аппаратом, провести на вершину утеса и укрепить конец на верхушке дерева. Но сперва выждем немного, Хулиано! Я боюсь, как бы погонщики не обратили на нас внимания. Мы укрепим антенну там, наверху, лишь после того как проверим, хорошо

ли работает наша станция А пока что положим антенну на землю! Проволока ведь изолирована, так что ничего плохого не может случиться “

Лопец вздохнул с облегчением, отёр пот со лба, и несколько раз приложился к бутылке с вином. Затем он снова привел машину в движение.

„Orazias, Santa Madre!“ воскликнул Лопец. „Все идёт, как по маслу. Проволока накалилась до-бела.“ С этими словами он наклонился над клавиатурой аппарата Морзе и начал на ней выстукивать.

„Машинка работает, Хулиано! работает Смотри-ка!“

Г л а в а XLIII.

Джон Уоркман и его спутник довольно быстро подвигались на своих мулах, которые шли теперь куда бодрее, так как на них не было почти никакой поклажи. Когда путники были уже на расстоянии километра от главного лагеря, — слышался страшный грохот, отголоски которого еще долго гремели среди скал. Судя по звуку, можно было с уверенностью сказать, что невдалеке произошел взрыв. Джемс Уебстер осадил мула и прислушался.

„Что это такое?“ спросил Джон.

„Наш динамит! Боюсь, что весь оставленный нами запас взлетел на воздух! Как могло это случиться? Я нарочно запрятал его в трещину скалы. Надеюсь, никто из наших людей не пострадал.“

Они галопом помчались к лагерю. Оттуда слышались дикие крики погонщиков. Через несколько минут Уебстер уже был среди них.

На-смерть перепуганные индейцы показывали в сторону ущелья, откуда подымались столбы жёлтого дыма. Уебстер не скоро добился от них толку. В конце концов, они кое-как объяснили ему, что в ущелье находились Лопец и Хулиано, которые со времени отъезда белых господ проводили там целые дни; но чем они там занимались, — на этот вопрос погонщики не могли дать ответа.

Джемс Уебстер обвязал себе нос и рот плат-

ком, смоченным в уксусе, захватил ацетиленовую лампу и отправился в ущелье. Вскоре он вышел оттуда, таща за собой какое-то безжизненное тело. Это был труп Лопеца. Одежда и даже кожа на нем обгорели. Затем он выволок также и труп Хулиано, который был обезображен до неузнаваемости. Уебстер велел погонщикам вырыть могилу в небольшой роще поблизости, и они тотчас же принялись за работу.

После долгого молчания Джон спросил своего товарища: „Как могло это случиться? В расселине, куда вы положили динамит, было достаточно тепло!“

„Сейчас мы еще не имеем возможности осмотреть ущелье, так как после взрыва там скопились ядовитые газы. Я, ведь, заходил туда только на момент, думая помочь пострадавшим. Но и в этот короткий промежуток времени мне удалось увидеть там нечто такое, что меня не на шутку испугало..“

„В чем дело, мистер Уебстер? Что вы там видели?“

„Я видел там части станции беспроволочного телеграфа. Отдельные приборы были разбросаны по всему ущелью, и я тотчас же понял, в чем тут дело! Они устроили в ущелье беспроволочную станцию, или только на ч а л и ее устраивать. Это-то и было причиной взрыва!“

„Как же могло это произойти, мистер Уебстер?“

„Для устройства своей станции они должны были иметь динамомашину с током высокого напряжения. Ну, вот, в динамит и попала крошечная, простым глазом невидимая искорка, — ее было вполне достаточно для взрыва! А теперь меня интересует другой вопрос: успели ли они послать телеграмму, или же смерть настигла их еще во время работы над устройством станции? Убежден, что Лопец и Хулиано были на службе у моих старых друзей из компании „Вольфрам“ Видно, они успели уже пронюхать о наших планах!“

Затем Уебстер и Джон принялись за обследование одежды на трупах.

„Все имеющиеся при них документы мы на всякий случай захватим с собой,“ сказал Уебстер,

вытаскивая бумажники из карманов Лопеца и Хулиано. Затем он внимательно осмотрел их содержимое.

„Так и есть, мистер Уоркман, я нашел уже кое-что!“ С этими словами он вытащил из бумаг Лопеца большую, грубо начерченную карту местности, на которой был отмечен весь их маршрут до последней стоянки. На полях имелись всевозможные краткие сообщения, записанные азбукой Морзе.

„Теперь все ясно, мистер Уоркман! Эти заметки предназначались для телеграммы. Посмотрим, нет ли еще чего-нибудь“

Вскоре они наткнулись и на другие, еще более интересные для них заметки Лопеца: „Быстрый отъезд из Фернандо двадцать мулов много динамита Уебстер вместе с молодым американцем Уоркманом через одиннадцать дней доехали до долины Бенго американцы говорили о золоте повидимому, они открыли очень богатые залежи“ читал Джон.

Уебстер прикусил губу. „Чорт возьми! А я-то думал, что эти старые опытные проводники не обманут меня! Однако, они, повидимому, не успели еще послать телеграмму. Иначе нам давно бы уж бросилась в глаза антенна! .. Надо будет еще кое-чем порасспросить наших погонщиков. Может быть, они видели, как те водружали антенну“

Вскоре погонщики мулов вернулись. Они успели уже вырыть могилу; туда и были перенесены тела Лопеца и Хулиано. Уебстер прочел краткую молитву. Затем могилу засыпали землей и поставили над ней простой деревянный крест, с именами погребённых и датой их смерти.

Через час весь караван, во главе с Уебстером и Джоном, отправился к тому месту, где они оставили золото.

„Я уверен, сказал на пути Уебстер, „что наши погонщики не имели, да и не имеют никакого представления о замыслах Лопеца и Хулиано. Повидимому, предатели погибли во время своих приготовлений, так что катастрофа оказалась для нас весьма

своевременной! Правда, зря погибли два человека

“
На другой день в полдень караван уже подошел к тому месту, где лежало золото. Все 80 пакетов оказались в целости и сохранности. День был посвящен отдыху. Когда на следующее утро погонщики проснулись, они заметили, что их господа успели за ночь сами навьючить всех мулов. При этом Уебстер сумел очень ловко замаскировать узлы с золотом: он упаковал их вместе с инструментами и завернул в одеяла так, чтобы погонщики ни о чем не могли догадаться.

Вскоре Джон заметил, что Уебстер из предосторожности несколько изменил маршрут. Каждый вечер наши друзья незаметно уносили узлы с золотом к себе в палатку, а рано утром самолично навьючивали их на мулов. Кроме того, по ночам они поочередно с ружьем в руках дежурили около каравана.

„Эта мера безусловно необходима,“ говорил Уебстер. „Правда, я попрежнему уверен, что погонщики не имеют понятия о нашем золоте, но стоит им только почуять его, и будет плохо! Молодчики прирежут нас при первом удобном случае!“

Через неделю они прибыли в маленькую рыбацкую деревушку на берегу моря. Это место было удалено от всех главных путей сообщения: поэтому и облюбовал его Уебстер.

„Здесь мы можем быть спокойны в продолжение целых двадцати четырех часов,“ сказал он Джону. „Если даже наши враги и напали на наш след, то теперь они его наверняка потеряли!“

Наши путники остановились в очень невзрачной и грязной гостинице. По распоряжению своего друга, Джон немедленно уплатил погонщикам остаток причитающегося им вознаграждения.

„Правда, мы обещали им ещё добавочную плату, но эти деньги мы заплатим им только завтра,“ пояснил Уебстер.

Эта мера оказалась вполне уместной. Если бы погонщики сразу получили чаевые, они, конечно,

тотчас же разбежались бы во все стороны, тогда как теперь, в ожидании новой полочки, они отвели мулов под навес и задали им корму, после чего так напились пальмовым вином, что позабыли обо всем на свете.

Между тем Уебстер и Джон пошли на берег и, основательно поторговавшись, купили у рыбака большую парусную лодку. Они уплатили за нее тысячу пезо, но при этом условились, чтобы рыбак доставил им в лодку пресной воды и провианта на восемь дней. Окончив переговоры, Уебстер каким-то особенным образом подмигнул рыбаку и сделал еще условный знак рукой. Оба они отлично поняли друг друга.

„Кабаллеро, очевидно, принадлежат к какой-то политической партии, которая терпит преследования от нынешнего правительства,“ — подумал рыбак, — „значит, надо держать язык за зубами, а то, чего доброго, влопаешься в скверную историю!“

Затем Уебстер и Джон отправились обратно в гостиницу. Погонщики спали еще после пьянства, как убитые. Герои наши сами, как они не раз уже это делали, навьючили мулов и отвели их к берегу.

Ночь стояла звездная. Они осторожно погрузили в лодку тюки с золотом. Затем Уебстер погнал мулов обратно. Через полчаса он вернулся.

„All right, мистер Уоркман, всё в порядке! Мне удалось даже продать мулов за четверть цены. А теперь — едем!“

Он ловко прыгнул в лодку и поднял парус; у носа запенились волны. Они отъехали от берега, держа курс на запад. Взятое ими направление было все то же, что и во время спуска с Кордильер к берегу.

Прошла ночь. Вдали заалели горные вершины. Легкий парусник, как большая белая птица, всё еще держался своего прежнего курса.

Г л а в а XLIV.

Пароход „Гровер Клевленд“, вместимостью в двадцать тысяч тонн, шел из южно-чилийского порта Вальдивия в Нью-Йорк. Ближайшей целью

его рейса был теперь Вальпарайсо, куда он должен был прибыть через шестнадцать часов. Судно шло на расстоянии 60 морских миль от берега. На востоке были отчетливо видны Кордильеры.

Тихий океан, который бывает иногда таким бурным и свирепым, на этот раз вполне оправдывал данное ему название. Вероятно, он выглядел в этот день точно так же, как и четыреста лет тому назад, когда испанский завоеватель впервые приблизился к его берегам и назвал его Тихим — el Pacífico!

Мистер Броун, второй офицер „Гровер Клевленда“, заложив руки за спину, прогуливался по капитанскому мостику. На этот раз дежурство не требовало от него особого напряжения, — кругом все было спокойно, и судно не отклонялось от взятого курса.

Вдруг мистер Броун обратил внимание на какую-то белую точку на горизонте. Он направил на нее подзорную трубу. Оказалось, что это парусник. Неужели рыбацкая лодка заплыла так далеко в море? Или, может быть, этот парусник хочет приблизиться к судну, чтобы высадить на него пассажиров? В этой беспокойной стране случалось не раз, что лица, вчера еще стоявшие во главе правительства, должны были вдруг в утлых лодках бежать за пределы своей родины!

Мистер Броун вспомнил несколько таких случаев. К сожалению, из-за этих господ приходилось на добрых четверть часа останавливать пароход. Но зато потом они обыкновенно уплачивали за проезд изрядную сумму, так как за время своего управления успевали выжать из народа немало денег!

Между тем парусник вырисовывался все отчетливее. С другой стороны, по имевшимся у Броуна сведениям, во всех южно-американских республиках, начиная с Колумбии и Венесуэлы и кончая Аргентиной, царило в настоящий момент полное спокойствие. „А впрочем,“ — подумал он, „политические волнения могут начаться в любой момент, — они здесь так же неожиданны, как и землетрясения!“

Мистер Броун разглядел, что в лодке находилось двое мужчин — один, постарше, сидел у руля, а

другой, помоложе, управлял парусом. Теперь уже не было никаких сомнений, что парусник держал курс на судно. Через четверть часа они должны были встретиться. Броун сообщил обо всем этом капитану Бульверу, который немедленно взошел на мостик.

Вскоре они заметили, что из лодки им делают знаки. Было ясно, что люди на паруснике выражают желание попасть на судно. „Гровер Клевлепд“ замедлил ход. Через несколько минут огромный пароход совсем остановился.

Капитан с неудовольствием посмотрел на Джона Уоркмана, который первый взобрался на палубу. Молодой человек несколько не походил на только что свергнутого президента или министра. „Однако возможно, что другой окажется человеком более почтенным,“ — подумал мистер Бульвер.

Джон Уоркман подошел к нему и сказал: „Прошу вас, господин капитан, поднять парусник на борт и за соответствующее вознаграждение доставить нас и нашу лодку в Нью-Йорк!“

„Ваши желания заходят слишком далеко! Лодку мы никак не можем взять с собой. Скажите лучше вашему спутнику, чтобы он поскорее вылезал из парусника!“

Кругом собрались пассажиры „Гровер Клевленда“ Они с интересом прислушивались к беседе капитана с Уоркманом.

„Я не могу терять ни минуты времени,“ добавил капитан, который был очень изумлён, признав в Джоне своего брата — янки, — „и сейчас же велю пустить в ход машины!“

Джон Уоркман ничего не ответил. Он вынул из бумажника какую-то карточку и протянул капитану. Тот молча прочел её два раза.

Это была визитная карточка газетного короля. Он просил все американские учреждения и всех американских граждан оказывать всяческое содействие специальному корреспонденту „Геральда“ Джону Уоркману. И на этот раз карточка газетного короля возымела свое действие: даже на расстоянии тысяч

милль от Нью-Йорка каждое слово, написанное Беннетом, звучало, как приказ!

„Хорошо, я подниму вашу лодку на борт. Не понимаю только, на что вам нужна эта старая калоша!“

С этими словами капитан приказал двум матросам поднять парусник на канатах, которые употреблялись для спуска спасательных лодок.

„Позвольте, господин капитан, для поднятия нашей лодки необходимы самые толстые канаты, — в ней две тонны груза!“

„Две тонны, сэр?“ переспросил капитан, с презрением посмотрев на эту „ореховую скорлупу“, как он мысленно называл парусник. „Чего же вы в неё наложили?“

„В нашей лодке различные редкости, добытые во время нашей экспедиции.“

Матросы привели в движение мощный паровой кран, и через несколько минут парусник уже стоял на палубе. Снова загудели машины, и „Гровер Клевленд“ продолжал свой путь на север. Джемс Уэбстер остался у лодки. Он опустил мачту и покрыл поклажу парусом, чтобы ни один нескромный взгляд не проник в тайну их груза. Затем он уселся около лодки и закурил трубку. А Джон Уоркман находился в это время в каюте капитана.

„Нам необходимы десять прочных деревянных ящиков для упаковки нашего груза. Надеюсь, ваш плотник справится с этой задачей. Затем мне и моему спутнику нужна большая каюта, куда мы могли бы поставить ящики с нашими редкостями.“

„Хорошо, мистер Уоркман! Я предоставлю в ваше распоряжение одну очень большую каюту, — за неё до Нью-Йорка вам придётся уплатить две тысячи долларов.“

Джон Уоркман вынул чековую книжку и написал чек на банк Моргана в Нью-Йорке.

„Please, господин капитан!“

Через час матросы перенесли все восемьдесят узлов в их каюту. А плотник в это время сколачивал ящики из толстых дубовых досок. В продолжение

нескольких часов Джон и Уэбстер упаковывали в эти ящики свое золото. Теперь они впервые увидели его при дневном свете и снова подивились своему богатству.

Едва они окончили эту работу, как судно уже бросило якорь на рейде Вальпарайсо. Уэбстер ушел в город. Когда настало время отплытия, мистер Бульвер напрасно поджидал его возвращения. Пароход так и ушел без него.

Уэбстер попал в город, когда все учреждения уже были закрыты. Вечером и ночью он постарался как можно тщательнее обдумать свои планы и приготовил заявление о находке золота. После того, как в министерстве закрепят за ним все права, никакие махинации других финансовых групп уже не смогут изменить положения дела!

Между тем „Гровер Клевленд“ ночью вышел из Вальпарайсо и продолжал свой рейс вдоль берегов Чили, Боливии и Перу. Через два дня, вечером, в каюте Джона появился стюарт и подал ему депешу:

„Только что получена, сэр!“

Это была телеграмма из Вальпарайсо, от Уэбстера. В телеграмме стояло всего несколько слов:

„Джону Уоркману на борту „Гровер Клевленда“ All right. Отбываю. Уэбстер.“

Джон вышел на палубу. После всех волнений, перенесенных за последние недели, он впервые вздохнул свободно. Мистер Бульвер, проходя мимо, поздоровался с ним:

„Алло, сэр, почему же ваш спутник покинул вас? Теперь вы совсем одни в вашей большой каюте!“

„Через три часа мой спутник вернется.“

Капитан громко расхохотался.

„Ха-ха, разве у него имеются крылья? Иначе ведь ему не успеть за нами!“

„Может быть, они у него и имеются,“ спокойно ответил Джон.

Через три часа послышался шум пропеллера. На юге показался аэроплан. Он быстро приблизился к пароходу и начал описывать над ним круги.

„Господин капитан,“ сказал Джон, „мой спутник здесь. Потрудитесь, пожалуйста, еще раз остановить судно.“

Через пять минут Уебстер уже был на палубе парохода. Аэроплан полетел обратно на юг.

Мистер Бульвер, стоявший на капитанском мостике, обратился к мистеру Броуну:

„Почёт и уважение! — Эти господа из „Геральда“ совсем не считаются с расходами!“

В то же самое время матросы, по приказанию Джона, выбрасывали за борт пустую парусную лодку.

Глава XLV.

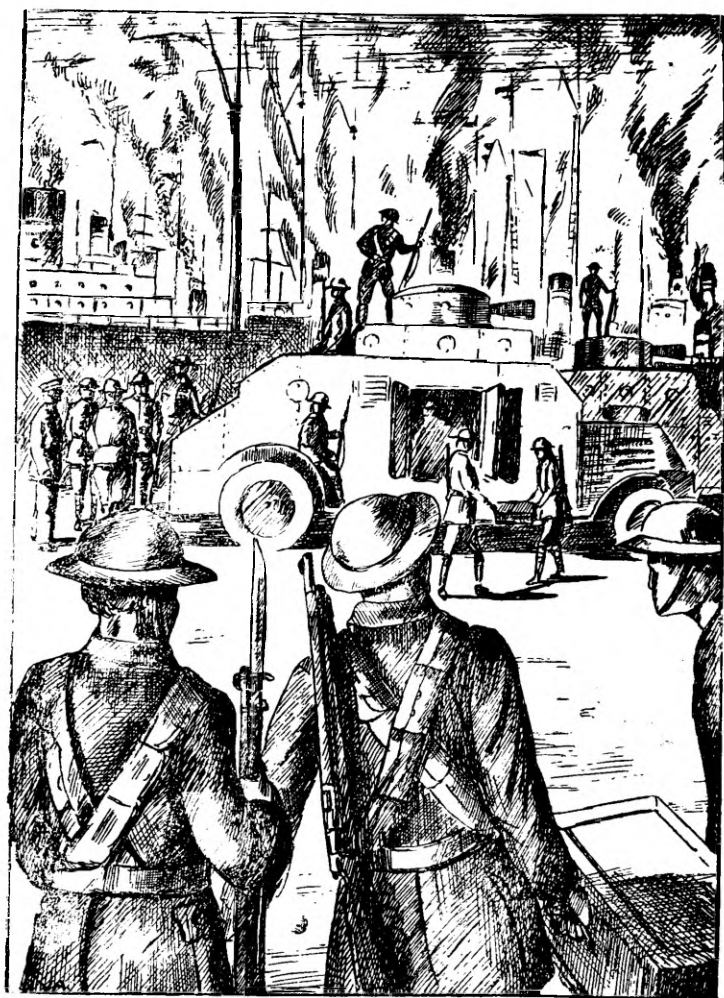
„Гровер Клевленд“ медленно входил в нью-йоркскую бухту между Сэнди-Гуком и Лонг-Айлендом. Навстречу ему шел маленький таможенный катер с большим золотым орлом на носу. Когда судно остановилось, таможенные чиновники поднялись на борт. Все шло по издавна заведенному порядку.

На этот раз появилось, однако, еще шестеро субъектов весьма решительного вида. Это были агенты тайной полиции моргановского банка. Все они были хорошо вооружены и явились по телеграфному вызову Джона Уоркмана для охраны ящиков с золотом. Если бы бандиты пронюхали, что на борту „Гровер Клевленда“ находится столько золота, они несомненно попытались бы сделать нападение. Но тогда даже эти шесть молодцов вряд ли смогли бы уберечь сокровища! Нью-йоркские грабители отличаются дерзостью, — они не боятся ни пуль, ни электрического стула.

Переработанное золото, ввозимое в Соединенные Штаты, подвергается довольно высокому таможенному обложению, но необработанные самородки по закону свободны от пошлины. Таким образом нашим героям не пришлось заплатить ни цента за ввоз своего богатства.

Едва только пассажиры сошли с парохода, как на набережной появились два панцырных автомобиля

моргановского банка, — на них из года в год перевозили золото. Внутри и на ступеньках снаружи

стояли вооруженные люди, так как всё еще можно было опасаться нападения.

Ящики погрузили в эти автомобили. В первый

из них уселись Джон Уоркман и Уебстер. Через двадцать минут они уже подъехали к банку. Открылась огромная массивная дверь. Под наблюдением сыщиков ящики были внесены в подвалы.

Еще будучи на борту „Гровер Клевленда,“ Джон послал телеграмму в моргановский банк, где у него был текущий счет, и где его давно уже знали. Благодаря своевременному предупреждению, ровно через сорок пять минут после прибытия парохода в гавань золото уже находилось в подвале банка. Это была скорая и аккуратная работа!

Когда в банке получили депешу от Уоркмана, там сначала подумали, что произошла ошибка, и послали запрос, — действительно ли 2000 кило драгоценного металла будут депонированы в его хранилища. Теперь воротилы банка могли убедиться в правдивости сообщения.

Глава XLVI.

Джон Уоркман сидел напротив Пьерпонта Моргана. Несмотря на свою молодость, наш герой уже был знаком со многими крупными дельцами Америки. Он знал лично газетного короля Беннета, мясного короля Армура, наконец Форда, состояние которого по некоторым подсчетам превышало миллиард долларов. Тем не менее его сердце забило от волнения, когда он вошел в кабинет короля банкиров. По одному только мановению руки этого человека началась настоящая буря на биржах Нью-Йорка и Чикаго, или наоборот наступало затишье! Мистер Морган, часами заставлявший дожидаться в своих приёмных министров финансов крупных государств, дал теперь аудиенцию Джон Уоркману, который решил во что бы то ни стало добиться этой чести. Пьерпонт Морган давно уже слышал о нем, но, увидев перед собой еще совсем юного человека, он всё же удивился.

„Well, сэр, вы — мистер Уоркман? Позвольте спросить, сколько вам лет?“

„Через месяц мне исполнится двадцать лет, мистер Морган.“

„All right! Вы положили в наш банк миллионное состояние. Я знаю, что, когда вы начали, у вас буквально ничего не было и вот в двадцать лет отроду вы уже нажили свой миллион. Я вас уважаю, мистер Уоркман! Самое трудное — это приобретение именно первого миллиона. Потом дело идёт легче. Одно только меня удивляет: уже в продолжение двух недель вы храните золото в наших подвалах и ничего с ним не делаете!“

„Вот поэтому-то я и обращаюсь к вам, мистер Морган. Я каждый месяц получаю из вашего банка проценты со своих ценных бумаг, между тем как золото, которое я внес в ваш банк, не принесло мне еще ни одного цента дохода! Наоборот, я должен еще приплачивать за его хранение.“

„Золото, мистер Уоркман — вещь совершенно особенная,“ улыбаясь, сказал Морган. „Чем больше вы будете иметь с ним дело, тем лучше поймете это. По вашему распоряжению, мы обратили ваше золото в слитки определенного веса, но зачем же нам платить с него проценты?“

Джон Уоркман провел рукой по лбу. Действительно зачем банку платить проценты за хранящееся в его кладовых золото? Между тем Пьерпонт Морган пришел ему на помощь.

„Золото, мистер Уоркман, вещь весьма своеобразная! В руках очень многих оно является мертвым капиталом. Есть только два средства для оживления золота. Одно из них находится в руках государства, другое — в руках банкиров. Государство чеканит из золота монету или выпускает бумажные деньги, обеспеченные золотыми запасами“

„Значит, вы советуете мне сдать золото на монетный двор? Я слышал, там берут очень умеренную плату за чеканку“

„Вы можете это сделать, но я вам этого вовсе не советую. А теперь дайте мне договорить! Я, ведь, сказал вам, что золото начинает жить и в руках банкиров. Каждый банк нуждается в известных золотых запасах, которые мирно покоятся в его подвалах. Это, с первого взгляда втуне лежащее золото“

имеет очень большое значение. Им обеспечиваются все долговые обязательства банка. Кроме того, оно дает банку возможность субсидировать купцов и промышленников. Благодаря этому, банкир получает влияние на все хозяйство своей страны.“

„Well, мистер Морган, ведь, я положил золото в ваши подвалы! Почему же я не получаю процентов?“

„Потому что ваше золото не участвует в оборотах банка. Вы его просто отдали нам на хранение, и за это должны платить. Когда нам дают на хранение ценные бумаги, мы платим вкладчикам проценты, потому что эти документы представляют собой капиталы, обращающиеся в различных предприятиях и в силу этого дающие доход. Другое дело, когда на хранение мы получаем какую-нибудь старинную фамильную драгоценность. Она не может принести нам никакого дохода, наоборот — мы еще должны положить ее в сейф, который занимает место в наших подвалах, мы должны всячески охранять ее — и за это мы взимаем с собственника плату.“

„Теперь я начинаю вас понимать, мистер Морган. Я должен внести свое золото в ваш банк каким-то другим путем так, чтобы оно приносило доход?“

Король банкиров снова улыбнулся.

„Мы могли бы купить у вас золото по курсу дня.“

„Значит, я могу получить за него 666.667 долларов, мистер Морган! Смогу ли в размере этой суммы участвовать в оборотах вашего банка?“

„После продажи вашего золота, вы сможете купить на бирже облигации нашего банка. Тогда вы будете участвовать в прибылях нашего предприятия, но, если мы потерпим убытки, то они, разумеется, отразятся и на получаемых вами доходах.“

„Я уверен, мистер Морган, что ваши доходы всегда значительно превышают сумму убытков и вообще расходов!“

Пьерпонт Морган загадочно улыбнулся. „В руках опытного банкира ценность золота утраивается “

„Well, мистер Морган. Если я куплю ваши облигации, то буду получать только хорошие проценты с моего капитала?“

„Но публика очень довольна этими процентами.“

„Публика, разумеется, довольна, мистер Морган. Но я хочу большего! Я хочу, чтобы ценность моего золота утроилась.“

„В таком случае вам следует открыть собственный банк. Но не думаю, чтобы вам удалось это! Банкиром нужно родиться, для банковской деятельности необходимы совсем особенные способности, особый нюх! Очень мало людей, способных стать настоящими банкирами. Во всяком случае ни один из них не смог конкурировать с нашим банком.“

„Я тоже не мечтаю об этом, мистер Морган! Но у меня имеется один план, который, надеюсь, приведет к значительному увеличению моего капитала.“

„Меня всё это очень мало интересует, мистер Уоркман, но я уверен, что вы не станете заниматься пустыми спекуляциями.“

Джон Уоркман вынул из бумажника документ и протянул его Моргану. Это был концессионный акт чилийского правительства на право разработки золота в пределах участка, отмеченного на большой карте, приложенной к документу. Концессия была дана под условием, чтобы разработка золотых залежей началась не позже двух лет после выдачи акта. Морган внимательно прочел документ.

„Это — редкий случай! Вам удалось найти богатую золотую жилу. Такая игра природы встречается не часто, но едва ли в той местности имеются особенно обильные залежи. Там, где случайно натываются на единичную богатую жилу, обыкновенно не бывает много золота.“

Джон Уоркман вынул из кармана туго набитый кошелек и протянул Моргану несколько осколков золотоносного кварца.

„Мы успели использовать целиком открытую нами жилу, но нам удалось там же найти кварцевую стену, длиной в два километра: в ней оказалось немало золотых прослоек.“

„Если вы позволите, мистер Уоркман, я пошлю эти камешки в лабораторию для исследования. Через пять минут мы получим ответ.“

Он нажал кнопку звонка. Тотчас же явился служащий, которому Морган вручил три осколка.

„Отнесите их мистру Джефферсону! Определить состав. Как можно скорей.“

Джон Уоркман извлек еще один документ. „Буду вам очень благодарен, мистер Морган, если вы просмотрите эту рукопись. Это — геологическое описание той местности, составленное моим компаньоном, мистером Уэбстером.“

Записка была составлена очень сжато и ясно. В ней говорилось о воздействии потоков расплавленного базальта на кварцевые породы, которые при соприкосновении также обратились в жидкое состояние. В результате, в кварце образовалось золото, причем на каждую тонну горной породы приходится 4000 граммов драгоценного металла. Следует предположить, что золото имеется повсюду, где кварц вошел в соприкосновение с базальтом: эта область простирается на несколько километров, и в настоящий момент обследована только частично.

Пьерпонт Морган прочел записку Уэбстера до конца.

„Если сообщения вашего компаньона соответствуют действительности, мы имеем дело с очень богатыми залежами золота “

В комнату опять вошел служащий. Он положил на письменный стол Моргана кварцевые осколки и записку.

„4.213 4.050 3.800 “ — прочел на ней Морган. „Well, мистер Уоркман, я доволен результатами испытания. Если весь кварц в той местности так же богат золотом, можно будет говорить об основании общества для разработки горной породы. Вы и ваш компаньон, конечно, будете принимать в нем участие.“

„All right, мистер Морган, у нас с ним право на концессию и капитал в полтора миллиона долларов, но нам нужны еще деньги.“

Пьерпонт Морган принялся за изучение карты концессионного участка, причём быстро, как будто играя, заносил в свой блок какие-то цифры.

„Надо сразу же поставить предприятие на широкую ногу! Необходима энергия по крайней мере в тридцать тысяч киловатт. Всего в пятидесяти километрах от вашего участка протекает Рио Диаманте, — следует воспользоваться водной энергией этой реки “

С этими словами Пьерпонт Морган отметил на блоке: пятнадцать миллионов.

„Здесь, в Canon de Diablos, нужно будет устроить запруду “

Он приписал еще два миллиона.

„А здесь построим грандиозные мельницы ..“

Карандаш опять забегал по бумаге, — еще пять миллионов.

„Затем завод для промывки золота. скажем, пять миллионов затем устройство шахт тринадцать миллионов. “

Джон Уоркман даже рот раскрыл от удивления. Цифры, которые назвал банкир, произвели на него сильное впечатление. Морган продолжал:

„. Пока что сорок... необходимы еще пути сообщения зубчатая дорога. затем могут быть всякие непредвиденные расходы... Всего нам необходимо пятьдесят миллионов долларов. Как видите, мистер Уоркман, вашего капитала недостаточно “

Джон Уоркман был поражен: ему и в голову не приходило, что для предприятия нужны такие большие деньги. Он думал, что помаленьку сможет начать разработку вдвоем с Уебстером. Однако, он не мог не согласиться с доводами Моргана. Тем не менее, Джон попробовал начать спор с банкиром.

„Я думал, что для начала хватит двух локомотивов.. “

„В таком случае,“ прервал его Морган, „вы будете добывать гораздо меньше золота и наживете очень

мало. Если бы вы открыли алмазные россыпи, тогда — другое дело, потому что спрос на бриллианты — ограничен. Мировой алмазный синдикат в Лондоне не позволяет добывать бриллиантов более, чем на шестьдесят миллионов долларов в год. Иначе обнаружилось бы перепроизводство, что, в свою очередь, повело бы к значительному падению цен.

Я, конечно, согласился бы с вами, если бы добыча золота имела сходство с алмазным производством, но тогда бы она не представляла для меня большого интереса. Нет, мистер Уоркман, нам необходимо сразу же развернуть деятельность как можно шире! Нужно основать общество с капиталом в сто миллионов долларов. Почин будет исходить от вас, вашего компаньона и банка Моргана, в руках которого будет сосредоточена половина всех акций. Тогда мы откроем обществу кредит в пятьдесят миллионов долларов. Остальные акции на пятьдесят миллионов будут разделены на три части. Одну треть получите вы, другую — ваш компаньон, а остальное банк Моргана, который позаботится об использовании водной энергии Рио Диаманте ..“

„Разве эта река принадлежит вам, мистер Морган?“

„Я возьму на нее концессию. Таким образом мы окажем очень существенную поддержку новому обществу.“

Теперь Джон Уоркман схватился за карандаш: „Итак, мой компаньон и я, мы получим акций на 16.750.000 каждый. Значит, в этой доле мы и будем участвовать в прибылях предприятия?“

„Совершенно верно, мистер Уоркман. Акции, удерживаемые банком Моргана, будут пущены на биржу не сразу, а через год — через два. К тому времени предприятие пойдёт уже полным ходом, и акции в три или четыре раза повысятся в цене. Подумайте только, как тогда увеличится ваша прибыль!“

„Well, мистер Морган. Но мы с компаньоном будем участвовать в доходах предприятия только в размере одной трети. Я, право, не знаю. “

„Да, мистер Уоркман, в размере одной трети. Тем не менее, благодаря нашему участию в деле, ваш доход увеличится в десять раз. Вы должны помнить основное правило всякой торговой деятельности: обе стороны должны быть довольны делом.“

После короткой паузы Джон Уоркман согласился. — „Я принимаю ваше предложение, — также и от имени моего компаньона.“

„Хорошо, мистер Уоркман! Завтра мои уполномоченные отправятся в Чили. Вы или ваш компаньон должны будете их сопровождать. Через месяц будет основано общество.“

„Дело сделано, мистер Морган!“

Глава XLVII.

Два года прошло со времени разговора Джона Уоркмана с Пьерпонтсом Морганом. Уже давно было основано акционерное общество — Good Hope Mining Company, и миллионы моргановского банка пущены в оборот для добычи золота в чилийских Кордильерах, где теперь были заняты многие тысячи рабочих.

На бирже с большим интересом следили за деятельностью нового общества. Но его акции еще до сих пор не поступили в продажу, хотя и в биржевых и в банковских кругах очень этого добились.

Когда, наконец, был опубликован отчет о втором годе деятельности общества, все дельцы так и ахнули от удивления: уже было добыто большое количество золота. Успех превзошел все ожидания. Было созвано общее собрание акционеров, на котором постановили выплатить дивиденд в размере тридцати процентов.

Общее собрание! Оно состояло всего из трех лиц, — Джона Уоркмана, Джемса Уебстера и представителя моргановского банка. Ими и было решено выпустить акции на биржу. Однако, еще до того, как они туда поступили, цены на них неимоверно

возросли на неофициальной предварительной бирже, где уже успели узнать о предстоящей продаже акций, за которые предлагали в четыре раза больше их номинальной стоимости.

В час дня открылся для посетителей большой зал официальной биржи на Уоллстрите. Туда так и хлынула толпа дельцов, — руководителей американского финансового капитала. Поднялся страшный шум. Отовсюду поступали заказы. Медь и хлопок... пшеница и маис нефть и уголь. железные дороги облигации Гульда и Вандербильта Форда и Армура — всё это с лихорадочной поспешностью продавалось, покупалось, перепродавалось.

Наконец, началось предложение сто долларовых акций Good Hope Mining Company. Их курс поднимался с каждой минутой, и к двум часам дня за них давали уже более пятисот долларов. Предсказание Моргана исполнилось. К тому же представители банка продавали акции осторожно, чтобы как можно выше поднять их цену. Когда зазвонил большой колокол, извещая о закрытии биржи, акций было продано на 15 миллионов долларов номинальной стоимости, — по курсу 520! — Моргановский банк в пять раз увеличил капитал, инвестированный им в Mining Company.

Доля Джона Уоркмана в предприятии оценивалась теперь в 80 миллионов долларов.

Глава XLVIII.

В то время как на нью-йоркской бирже царило такое необычайное оживление, сам Джон Уоркман, его мать и Джемс Уэбстер ехали на автомобиле вверх по долине Рио Диаманте. Госпожа Уоркман смотрела с изумлением на величественную панораму Кордильеров.

„Подумай, мама, чего мы здесь только не построили за два года! И ты должна всё это осмотреть, всё! “

Его мать молчала: она была совершенно подавлена массой новых впечатлений.

Действительно, вся эта местность очень изменилась с тех пор, как Уоркман и Уебстер побывали здесь впервые.

„Смотри, мама, здесь начинается запруда Рио Диаманте. Наша плотина самая большая в мире, — она достигает в высоту трехсот метров! А там, видишь, большое белое здание, — это наша силовая станция. Она располагает пятьюдесятью тысячами лошадиных сил.“

Дорога стала круто подниматься вверх. Проехав около двух километров, они задержались на минуту у входа в туннель: выше уже нельзя было проложить дорогу, — так как гора в этом месте становилась отвесной. Они находились теперь на высоте плотины. Силовая станция казалась отсюда совсем игрушечной. Тотчас же за плотинкой расстилалось большое голубое озеро, образовавшееся вследствие запруды. Мощные дубы и араукарии росли по его берегам.

Затем они поднялись еще выше. Картина изменилась. Повсюду виднелись приветливые домики, окруженные маленькими садами. Селения следовали за селениями. А вот показалась и церковь.

„Теперь, мама, мы приехали в Good Hope Town! Здесь живут наши рабочие, — всего их пятнадцать тысяч. Мы им построили эти удобные дома, чтобы они могли спокойно отдыхать после работы. А недавно еще здесь был густой девственный лес!“

„Вы не можете себе представить, миссис Уоркман, какую борьбу нам пришлось вести с представителями моргановского банка! Они хотели построить для рабочих ужасные бараки. По их расчётам выходило, что мы сможем на этом сэкономить несколько сот тысяч долларов. Но ваш сын настоял на своём! В конце концов, он заявил, что, если они не согласятся, то он на свои собственные деньги организует строительное общество. Тогда они уступили!“

Джон Уоркман взял свою мать за руку.

„Мама, помнишь ли ты еще, как мы жили с тобой до основания клуба газетчиков? . И в какой страшной нищете умирал Чарли Бекерс! Я хотел, чтобы наши рабочие жили лучше. В данном случае нельзя было жадничать. Ведь мы сами получаем такие большие барыши! Нужно было что-нибудь сделать и для рабочих!“

„Ваш сын прав, миссис Уоркман. В этом убедились теперь и представители моргановского банка. Теперь у нашего алькальда почти нет работы: полиция бездействует. Сперва решено было выстроить также и тюрьму, но теперь в этом нет никакой надобности... Зато у нас имеется свой театр и целых пять кино!“

„Да, мамочка! Когда мы обдумывали план постройки Good Hope Town'a, я все время имел в виду свое детство когда у нас так много не доставало И я стремился к тому, чтобы жители нашего нового города устроились как можно лучше! Ах, мама, какое счастье работать для ближнего! Good Hope Town выстроили по моему плану. Это образцовый город, — он должен служить примером для других городов. Сам мистер Форд обещал приехать к нам, — он хочет устроить свои рабочие поселки по нашему плану!“

Вскоре они подъехали к главным воротам Good Hope Mining Company. Миссис Уоркман заметила, что попадавшиеся ей на глаза рабочие были одеты не в простые рабочие блузы, — все они были в опрятных штатских костюмах, и вид у них был свежий, бодрый, тогда как обычно шахтеры имеют плачевный вид.

Джемс Уебстер заметил выражение изумления на лице матери Джона.

„Мы соединяем полезное с приятным, миссис Уоркман! Во избежание воровства мы приучаем наших рабочих к опрятности.“

„Вот как, мистер Уебстер!. Разве все эти люди способны на воровство? ..“

„Воровство — это, пожалуй, слишком сильное

выражение, миссис Уоркман! Но очень многие могут нечаянно унести с собой наше золото, а некоторые и нарочно. Подумайте только, сколько золотой пыли осаждается на волосах, забирается под ногти! Немало её и в складках одежды. Даже если бы все наши рабочие были образцом честности, и тогда они невольно уносили бы с собой драгоценные частицы золотого песка! К тому же, миссис Уоркман, всегда следует помнить старую истину: не введи нас во искушение! Впрочем, сейчас вы ознакомитесь со всеми нашими методами.“

Они вошли в просторную комнату, напоминавшую театральную гардеробную. Здесь находились небольшие кабинки, в которых шахтеры переодевались.

„Вероятно, это очень интересная картина, когда рабочие собираются сюда после окончания работы!“

„Безусловно, миссис Уоркман“ согласился Уэбстер, но на лице его появилось лукавое выражение. „К сожалению, однако, мы не рискнули бы вам показать эту картину!“

„Почему же?“ спросила миссис Уоркман.

„Потому что наши люди разгуливают здесь в костюме Адама. В этом-то и заключается наш контроль. После окончания работы они должны в соседнем помещении снять с себя рабочее платье и принять ванну. При этом надзиратель следит, чтобы они не жалели ни мыла, ни воды. А затем еще один контроль“

Они вошли в небольшой узкий проход, прегражденный деревянным турникетом.

„Здесь наши рабочие должны проходить после купанья. В этом месте, если только они попытаются пронести с собой золото, их покушение на воровство обнаружится автоматически!“

„Я вас не понимаю,“ сказала миссис Уоркман.

„Да, это устроено не так просто! В стене прохода имеется особый сложный прибор, который отмечает наличие самой ничтожной крупинки металла на теле человека. Поэтому-то мы и не можем держать у

себя людей с металлическими пломбами в зубах! Если у проходящего здесь человека имеется при себе кусочек металла, прибор тотчас же реагирует на это, т. е. начинает громко звонить соединенный с аппаратом колокол.“ И Уебстер проделал опыт над самим собой. Когда он прошел по коридорчику, колокол зазвонил, так как при нем были часы и ключ. Но когда он их удалил и прошёл вторично, колокол безмолвствовал.

Они вышли на двор и остановились перед большим зданием из бетона.

„Предупреждаю тебя, мама: там будет немного шумно!“

Затем они вошли. Госпоже Уоркман показалось, что она попала в ад: так оглушил её страшный грохот. Они находились в огромной камнедробильне. Здесь моторами большой мощности приводились в движение своеобразные машины, предназначенные для дробления камней и напоминавшие с виду колоссальные щипцы для щелканья орехов. Руда падала в них сверху из больших воронок: ее обломки так и хрустели в чудовищных клешнях! В результате получались куски руды величиной в кулак, которые поступали на особую мельницу, где их размалывали, после чего вся эта масса пропитывалась водой с примесью ртути, которая тотчас же входила в соединение с зёрнышками золота. Затем эта масса стекала по наклонным медным пластинам, на которых и осаждались крупницы золотой амальгамы.

Когда весь поток размолотой руды был пропущен по медным пластинам, вложенным в жолоб, к ним подошли двое рабочих, вынули их и унесли. Затем подъехала тележка с новыми пластинами. Их положили на дно жолоба, по которому снова потекла золотоносная масса.

Наконец, они вышли на чистый воздух. Но в ушах у них все еще раздавался оглушительный грохот камнедробилок. Через несколько минут они очутились в другом помещении, где было, наоборот, совсем

тихо. Здесь снимали золото с пластинок. Для этого их вкладывали в особую машину, которая соскабливала с них драгоценную амальгаму.

Затем нужно было еще отделить золото от ртути. Разъединение этих двух элементов происходило в большой печи, которая нагревалась электричеством до 380 градусов. Ртуть вытекала из печи, а золотая пыль осаждалась на дне. Оттуда ее выгребали и погружали в стальные ящики.

Осмотрев эту часть производства, они вышли и отправились к склону горы, где увидели несколько деревянных бассейнов десяти метров в длину и в ширину. Каждый бассейн был расположен на одну ступень выше другого — соседнего.

„Здесь, мама, масса размолотого кварца промывается еще цианистым калием, — таким образом из неё извлекаются последние остатки золота“

„Цианистый калий, Джон? Но, ведь, это ужасный яд, одна капля которого моментально убивает человека!.“

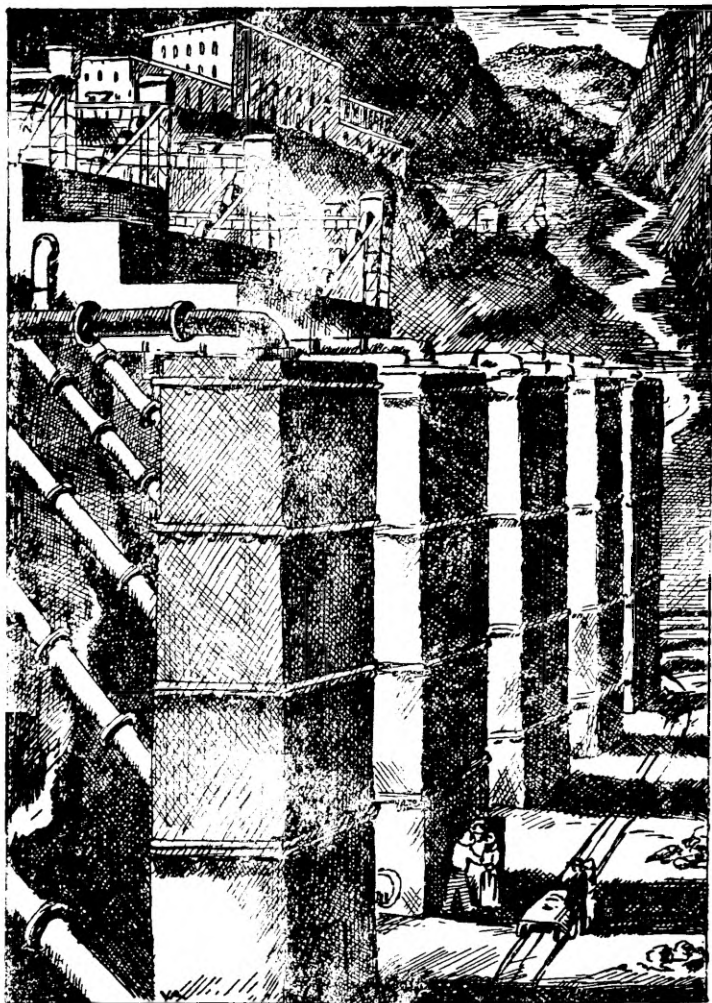
„Совершенно верно, мама, но мы ежегодно употребляем в нашем производстве несколько тысяч центнеров цианистого калия для окончательной промывки золотой руды. Наши люди знают, насколько ядовит этот состав, и поэтому обращаются с ним осторожно.“

Часть рабочих следила за наполнением бассейнов кварцевой массой, тогда как другие выгребали ее после промывки и складывали в вагонетки, которые отвозили и выбрасывали её где то у подножья горы.

„Через год, мама, там вырастет целая новая гора, в которой, однако, не будет ни крупинки золота.“

Джон Уоркман взял мать под руку и повел ее дальше. Они подошли теперь к большим деревянным башням высотой в двадцать метров. По трубам, проходившим через крыши этих башен, в них вливался золотоносный поток, идущий из деревянных бассейнов.

„В этих башнях,“ пояснил Уэбстер, „находятся цинковые опилки, на которых осаждается золото, приносимое сюда потоком.“

Они сделали еще несколько шагов и очутились около раскрытых дверей одной из башен. Внутри

все так и блестело от золота. — Целые вихри густо позолоченных металлических опилок! Нигде не было видно серо-белого цинка. Повсюду — яркий блеск золота!

Золоченые опилки были погружены в тележку, которая покатила в плавильню. Между тем к башне подъехала уже другая вагонетка со свежими цинковыми опилками.

„А теперь, мама, мы увидим последний процесс нашего производства“

И они отправились в плавильню. Там стояли большие электрические печи, где плавилось золото в тигелях. После плавки драгоценный металл вливали в особые формы, — получались слитки в десять кило каждый.

„Пятнадцать таких тигелей, мама, дают золота на миллион долларов. Наш капитал все время растет сам собой, и при этом мы не причиняем зла другим людям. Эти сокровища дает нам сама природа. У нас прекрасное хозяйство. Заработная плата в нашем предприятии — высокая. В течение одного только года рабочие достигают здесь вполне прочного благосостояния. Конечно, и на нашу долю остается немало. Карнеги Рокфеллер. Лик сделали миллионерами только под старость, а я хочу разбогатеть еще в молодости, чтобы сделать людям как можно больше добра. Когда я впервые увидел мерцание золота в этих горах, я дал себе слово, что употреблю свои миллионы на благо человечества.“

Г л а в а XLIX.

Прошло еще три года. Джон Уоркман, председатель совета директоров Good Hope Mining Company, очень много поработал за это время. Прибыль предприятия продолжала увеличиваться. Акции общества всё повышались в цене.

Джон Уоркман очень серьезно относился к

своей работе. Он входил в каждую мелочь, не оставлял без внимания ни одного уголка огромного производства. Его хозяйский глаз заглядывал всюду.

Внимательно следя за всеми деталями, он в то же время не упускал из виду целого. У него была своя собственная финансовая политика, которая в начале встретила сопротивление со стороны представителей моргановского банка. Но он сумел дать им отпор. Он всегда заботился о резервах. Только часть прибыли шла на выплату барышей акционерам. Немало денег он откладывал на улучшение и расширение производства.

Теперь Джон Уоркман уже не был юношей, — он стал зрелым мужем, американским дельцом крупного масштаба. Отдыхал — редко.

Как раз в этом году он взял короткий отпуск. Стояла ранняя весна. Прекрасная паровая яхта Джона Уоркмана „Мэйфлауэр“ неслась по волнам Атлантического океана около Багамских островов. В течение целого месяца делами предприятия должен был заведывать второй директор общества — Джемс Уэбстер. Но и теперь у Уоркмана было немало работы. На мачте яхты виднелась антенна. Целый день безостановочно работал аппарат Морзе, — телеграфист посылал депеши в Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско. На борту „Мэйфлауэра“ все время работали частные секретари Джона Уоркмана. И целыми часами трудился сам хозяин этой прелестной яхты.

Он многому научился за эти три года. Он понял теперь, что большое богатство — нелегкое бремя, и что нужно много опыта и искусства для управления большим состоянием.

Сейчас он только что освободился от работы и сидел на палубе вместе со своей матерью. Яхта медленно пробиралась среди водорослей, которых так много в этих местах океана. На юге, окутанные голубой дымкой, виднелись горы острова Гвангани. Кругом носились белые чайки. Всё было тихо, — слышался только однообразный стук машин яхты.

Джон Уоркман взял за руку свою мать: он вспомнил прошлое. Мать ответила на его пожатие.

„О чем ты думаешь, Джон?“

„Я вспомнил один свой сон, виденный в детстве. Он приснился мне в день основания клуба газетчиков. Мальчики должны были пойти спать в десять часов вечера. Но в этот торжественный день им, конечно, не хотелось ложиться так рано. Наконец, все мы уgomонились. Я заснул, сидя на стуле, и часто просыпался. И вот в промежутках между этими пробуждениями мне снился очень яркий сон, — я до сих пор хорошо его помню.

Я видел себя взрослым. У меня было несколько больших заводов. Тысячам людей я давал зарабатывать на хлеб. И теперь, мама, этот сон сбылся! Какое счастье давать людям работу и скрашивать им жизнь! Эндрью Карнеги сказал: если там, где росло одно деревцо, ты вырастил ещё другое, ты можешь сказать, что не даром прожил жизнь. Это — мой девиз, мама! Я хочу еще много много работать, и да будет благословен мой труд!“

Конец.

„ЗОЛОТАЯ КНИГА“

ПОД РЕД. Б. ПРАВДИНА, ЛЕКТОРА ЮРЬЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Р. Баумбах. Алхимики.

По занимательности фабулы повесть Баумбаха ничуть не уступает лучшим криминальным романам, но значительно превосходит их художественностью и красочностью изображения. Овеянная своеобразной поэзией „добротою старого времени“ и освещенная живым юмором автора, повесть эта заинтересует и увлечет любого взрослого читателя!

ЦЕНА 3 ШВЕЙЦ. ФР. 80 САНТ.

Ф. Бернет. Таинственный сад.

Кто не зачитывался в детстве книгой Ф. Бернет „Маленький лорд Фаунтлерой“? Почти такой же популярностью пользуется другая повесть этой писательницы — „Таинственный сад“, где автор обнаруживает столь же глубокое понимание детской души, ту же веру в человека и любовь к природе. „Таинственный сад“ — прекрасный подарок детям, особенно „капризным“, в возрасте от 8—12 лет.

ЦЕНА 3 ШВЕЙЦ. ФР. 80 САНТ.

Г Доминик. Джон Уоркман.

„Папа, я хочу быть инженером!“ — эту фразу можно теперь услышать от многих мальчиков. Таким юным „инженерам“ доставит большое удовольствие повесть Доминика, герой которой после разнообразных походов становится не только инженером, но и миллионером в придачу. В этой книге, насквозь проникнутой пафосом американской жизни и охватывающей чуть ли не все отрасли современной техники, приятное умело связано с полезным.

ЦЕНА 4 ШВЕЙЦ. ФР. 90 САНТ.

Р. Киплинг. Смелые мореплаватели.

Русские мальчики, особенно те из них, которые сами мечтают стать „смелыми мореплавателями“, с увлечением прочтут эту книгу, где с таким мастерством изображено море и полная прелесть жизни на рыбацкой шхуне. Впрочем, имя Киплинга, одного из первых нобелевских лауреатов, достаточно говорит за себя.

ЦЕНА 3 ШВЕЙЦ. ФР. 80 САНТ.

К. Михаэлис. Биби.

„Биби“ — несомненно одно из лучших и наиболее оригинальных произведений новейшей детской литературы. „Биби“ — забавная история приключений маленькой датчанки, отчасти рассказанная и иллюстрированная ею самой. Но и повествуя от себя, автор смотрит на мир глазами Биби. Книга подкупает тонким юмором и наивной простотой изложения.

ЦЕНА 3 ШВЕЙЦ. ФР. 80 САНТ.

М. Додж. Серебряные коньки.

Повесть М. Додж давно уже стала одной из любимейших книг юных читателей всего мира. Перед нами занимательная история маленького Ганса Бринкера и его сестры Гретель на фоне жанровых сценок голландской жизни прошлого столетия. Благодаря энергии и способностям главного героя повести, семья Бринкеров выживает, наконец, из нищеты.

ЦЕНА 3 ШВЕЙЦ. ФР. 90 САНТ.

3. Лагерлеф. Чудесное путешествие мальчика по Швеции.

3. Лагерлеф — самая известная представительница современной шведской литературы. Ее „Чудесное путешествие мальчика“ давно уже переведено на все европейские языки. Повесть даровитой писательницы, навеянная сказками и легендами старой Швеции, увлечет юных читателей в волшебный мир фантазии, полный своеобразного очарования.

ЦЕНА 4 ШВЕЙЦ. ФР. 90 САНТ.

Карл Май. Виннету.

Имя К. Мая сравнительно мало знакомо русским читателям. Между тем его многочисленные книги из жизни индейцев в не менее занимательны, чем романы Г. Купера, Майн-Рида и др. Полное драматизма действие „Виннету“ разыгрывается на фоне героической борьбы краснокожих за независимость в необъятных прериях Дикого Запада.

ЦЕНА 4 ШВЕЙЦ. ФР. 90 САНТ.

Г Мало. Без семьи.

„Без семьи“ Г. Мало — очень популярное произведение французской литературы для юношества. Это — увлекательная история подкидыша, проданного приемными родителями в бродячий цирк. После смерти своего хозяина, герой романа переживает ряд интереснейших приключений, попадает в лапы воровской шайки и, в конце концов, находит своих родителей.

ЦЕНА 4 ШВЕЙЦ. ФР. 90 САНТ.

Марк Твэн. Приключения Финча.

Марк Твэн — один из наиболее признанных классиков детской литературы. Переживания, связанные с чтением таких его книг, как „Принц и нищий“ или „Приключения Тома Сойера“, принадлежат к числу самых лучших воспоминаний нашего детства. В издаваемой нами книге один из друзей Тома, необузданный Гэк, рассказывает сам о своей жизни на издавна овеянной романтикой приключений — Миссисипи.

ЦЕНА 3 ШВЕЙЦ. ФР. 90 САНТ.